

№ 1(16)

Март 2016

ВЕСТНИК *Института* СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера: **Социальные процессы
в регионах России**

**/ Материальная составляющая
в ценностной структуре
населения ДФО**

**/ Городская среда –
место соприкосновения
детского и взрослого миров**

**/ Приморский край:
привлекательность
для трудовых мигрантов**

**/ Израиль:
амбициозные цели выхода
на передовые позиции в мире**

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOSEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Социальные процессы в регионах России»	12
<i>Костина Е. Ю., Орлова Н. А.</i> Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края)	12
<i>Филипова А. Г.</i> Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск	27
<i>Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю.</i> Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки	43
<i>Посухова О. Ю., Сериков А. В.</i> Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий	56
Размышления на основе новых иностранных публикаций	74
<i>Люблинский В. В.</i> Социальные образы современного Израиля. Проблемы и политика	74
<i>Рыбакова Л. Н.</i> Конфликт как объект и инструмент социальной работы	101
Научная саморефлексия	110
<i>Тихонов А. В., Мерзляков А. А., Богданов В. С.</i> Опыт модернизации образовательной технологии на основе инновационной практики научно-исследовательской деятельности	110
Онлайн приложение. Красин Ю. А. Главное – перестройка партии	123

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue.....	9
The Theme of the Issue:	
Social Processes in Russian Regions	12
<i>Kostina E. Y., Kostina E. Yu.</i> Economic Prosperity as Evaluated by Inhabitants of the Far Eastern Region of Russia (Based on Materials from the Primorsky Krai Region).....	12
<i>Filipova A. G.</i> Social Spaces and Children: Vladivostok vs. Khabarovsk	27
<i>Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu.</i> Migrants in Primorye: Opinions, Judgment, Evaluation ...	43
<i>Posukhova O. Yu., Serikov A. V.</i> Life Orientation for Inhabitants of the Southern Federal District in the Context of Modern-Day Life	56
Reflections on the Basis of New Foreign Publications ...	74
<i>Lyublinskiy V. V.</i> Social Images in Modern Israel. Problems and Politics.....	74
<i>Rybakova L. N.</i> Conflict as an Object and as an Instrument for Social Work	101
Science Self-reflection.....	110
<i>Tikhonov A. V., Merzliakov A. A., Bogdanov V. S.</i> Experience in Modernizing Educational Technologies Based on the Innovative Practices of Scientific Research Activities	110
Online application.	
Krasin Yu. A. The Main Thing – the Party Reorganization	123

**И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»**

Представляю номер

Тема номера [«Социальные процессы в регионах России»](#) уже была представлена на страницах журнала (2014, № 1 (8) http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2014_8.pdf) непосредственно под этим названием. Но наличием такой рубрики наше обращение к теме регионов России далеко не ограничивалось: происходящее в регионах рассматривалось с разных сторон и под несколькими рубриками: Города России: визуальное наблюдение социолога (2013, № 7 http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2013_7.pdf), Современное российское приграничье (2014, № 4 (11) http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2014_11.pdf), Крым – новый субъект Российской Федерации (социальные аспекты) (2015, № 4 (15) http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2015_15.pdf). Представляется, что наше стремление показать, как живёт современная Россия, можно интерпретировать как одну из важнейших задач журнала. В текущем номере три статьи посвящены проблемам Дальнего Востока, которые, естественно, не претендуют на полное раскрытие происходящих процессов в этом регионе. Однако мы надеемся, что это только начало, и дальневосточные социологи включатся в процесс подобного анализа. Рубрика открывается статьёй [Е. Ю. Костиной](#) и [Н. А. Орловой](#) (Владивосток) [«Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России \(на материалах Приморского края\)»](#), в которой рассматриваются основные социально-экономические индикаторы, позволяющие оценить экономическое благополучие Дальневосточного федерального округа (ДФО) в целом и конкретно Приморского края.

Более частные вопросы анализируются в двух последующих статьях владивостокских учёных. В статье [А. Г. Филиповой](#) [«Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск»](#) представлены результаты социологического изучения городской среды детства, что связано с её сегментированием, выделением публичных (общественных) и частных территорий, сравнением физического

и социального пространства, определением механизма включения детей в социальную жизнь города. [А. В. Винокурова](#) и [А. Ю. Ардальянова](#) посвятили свою статью одной из актуальнейших для региона теме, о чём полностью свидетельствует её название – [«Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки»](#). Авторы показывают, что Приморский край является уникальным субъектом Российской Федерации как относительно географического положения, так и в культурно-бытовом аспекте жизни людей, акцентируют внимание на негативных демографических тенденциях, подчёркивая, что в этой связи особая роль отводится миграционному приросту населения.

Социологи Ростова-на-Дону [О. Ю. Посухова](#) и [А. В. Сериков](#) продолжают (см. 2014, № 1 (8)) рассматривать процессы, происходящие в их регионе, в статье [«Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий»](#). Авторами проанализированы особенности адаптационных процессов регионального сообщества в условиях санкций и экономического кризиса, что позволило выделить две базовые стратегии в решении жизненных проблем: активную и пассивную.

В рубрике [«Размышления на основе новых иностранных публикаций»](#) размещены две статьи, которые простыми рецензиями назвать невозможно, поскольку в них не только рассмотрены две монографии зарубежных учёных, но и дан более широкий анализ предложенной в них тематики с акцентом на то, что и почему важно для современной России. Особенно это касается статьи [В. В. Люблинского «Социальные образы современного Израиля. Проблемы и политика»](#). Автор указывает, что обратиться к опыту Израиля его вдохновила новая книга известного израильского экономиста и социолога Б. И. Дубсона, материалы которой стали основой его статьи, рассматривающей особенности развития современного израильского общества, опыт Израиля в решении проблем роста благосостояния и социальной политики, межэтнических отношений.

Вторая публикация этой рубрики [Л. Н. Рыбаковой «Конфликт как объект и инструмент социальной работы»](#) более близка к традиционной рецензии. Автор анализирует коллективную монографию немецких авторов. Стержнем публикации, по мнению рецензента, служит категория конфликта между государственной системой и дезинтегрированным индивидом, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Завершающая рубрика [«Научная саморефлексия»](#) для нашего журнала возникла впервые и при этом кажется весьма значимой. Анализ собственной научной и образовательной деятельности (не по завершении, а в ходе выполнения проекта), выполненный [А. В. Тихоновым](#), [А. А. Мерзляковым](#) и [В. С. Богдановым](#), показан в их статье [«Опыт модернизации образовательной технологии на основе инновационной прак-](#)

тики научно-исследовательской деятельности». Он представляется продуктивным действием не только для их дальнейшей работы, но может оказаться полезным примером и для других учёных. Авторы показывают, что использование информационных технологий в образовании – это не просто технологический процесс, а новый социально-адаптационный подход, напрямую и латентно влияющий на все сферы общественного взаимодействия и жизнь общества в целом.

В Онлайн приложении к этому номеру журнала размещён материал Ю. А. Красина «Главное – перестройка партии», впервые опубликованный как выступление, состоявшееся в ноябре 1989 г. на коллоквиуме левых сил в Париже. В выступлении неоллиберализму была противопоставлена зарождающаяся демократическая альтернатива, с которой автор связывал перспективу возрождения социализма. По его мнению, время подтвердило преходящий характер «неолиберального триумфа». Однако прогрессирующая глобализация мира закладывает фундамент чрезвычайно сложного и противоречивого социума, выстроенного по модели единства в многообразии. Что, собственно, и делает этот материал до сих пор актуальным.

Т е м а н о м е р а : Социальные процессы в регионах России

Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края)

Костина Елена Юрьевна –
кандидат социологических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток

E-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Орлова Надежда Александровна –
старший преподаватель,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток

E-mail: orlova.na@dvfu.ru

Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края)

Аннотация

В статье рассматриваются основные социально-экономические индикаторы, позволяющие оценить экономическое благополучие Дальневосточного федерального округа (ДФО) в целом и Приморского края в частности. Авторами осуществлен анализ данных, характеризующих динамику естественного движения населения, валовой региональный продукт, среднедушевой доход населения, среднемесячную номинально начисленную заработную плату, уровень безработицы и др., что позволяет охарактеризовать социально-экономическую ситуацию в ДФО и Приморском крае. Общий анализ данных показателей указывает на особенности региона, который являясь самым крупным по занимаемой территории, имеет наименьший показатель заселенности, чья экономика в основном имеет сырьевой характер и ориентированность на соседние страны Азиатско-тихоокеанского региона. Все рассмотренные показатели позволяют заключить, что нельзя говорить об объективном экономическом благополучии жителей региона, и, несмотря на их положительную динамику в целом, регион отстает почти по всем индексам от среднего общероссийского уровня. Такая ситуация указывает на необходимость разработки специальной региональной политики, направленной на компенсацию оторванности от центра и повышения уровня и качества жизни в ДФО. При осуществлении оценки экономического благополучия населения, авторы подчеркивают необходимость использования и сопоставления двух подходов, а именно, объективного и субъективного, что предполагает получение информации из двух взаимодополняющих источников, к которым относятся данные статистики и результаты социологических опросов населения. В статье приводятся данные, полученные авторами в ходе изучения субъективного экономического благополучия населения Приморского края, что позволяет наиболее точно охарактеризовать уровень экономического благополучия населения на востоке Российской Федерации. В целом по результатам исследования можно сделать вывод, что население края в большинстве своем указывает на необходимость повышения экономической защищенности и не скрывает желание повысить уровень своих доходов, так чтобы все средства не уходили лишь на удовлетворение базовых, витальных потребностей. Жители Приморского края хотят развивать и удовлетворять свои потребности в области культурного и духовного развития, а также делать накопления, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне.

Ключевые слова: экономическое благополучие населения, субъективное экономическое благополучие, уровень жизни, безопасность, социальные проблемы

Благополучие человека – довольно сложный конструкт, которому трудно дать одно исчерпывающее определение, ибо он представляет собой сумму объективных и субъективных факторов, набор которых различен в зависимости от прошлого опыта людей, их оценки настоящего и прогнозирования своего будущего положения. Превалирующая в современной науке точка зрения строится на том, что благополучие населения невозможно в ситуации нестабильности и незащищённости от различных экономических или политических потрясений, ибо для благополучия человеку необходимы стабильность, ощущение социальной безопасности, комфорта и спокойствия. Основатель позитивной психологии М. Селигман выделил обязательные, с его точки зрения, составляющие благополучия человека: вовлечённость, смысл, положительные эмоции, достижения (свершения, победы, успех), отношения с другими людьми [Селигман 2012], некоторые из которых можно оценить объективно, а другую часть – только через самооценку респондентов, то есть субъективно.

В настоящее время в отечественной науке получило распространение определение субъективного благополучия, предложенное Р. М. Шамионовым, как интегрального социально-психологического образования, определяющегося через систему представлений личности о себе, своей жизни, отношениях, состоянии и т. д. [Шамионов 2006: 105]. Таким образом, можно трактовать субъективное благополучие человека как совокупную оценку, позволяющую человеку охарактеризовать свою жизненную ситуацию на данный момент времени. Эта обобщённая оценка включает в себя сумму частных удовлетворённостей в различных сферах жизнедеятельности человека, ключевыми в ней выступают: семья, здоровье, работа, жильё, досуг, образование, экологическая обстановка и, конечно же, финансы и экономическое положение.

Если же провести анализ элементов, которые составляют социальное благополучие человека, то можно выделить несколько констант, встречающихся у большинства авторов [Рат, Хартер 2011; Куликов 1997; Diener 1984 и др.]. Это – социальное благополучие в узком смысле (свой социальный статус и удовлетворённость им), физическое или телесное благополучие (физическое самочувствие и здоровье), психическое и материальное (экономическое) благополучие. Последнее можно также оценивать через объективные и субъективные индикаторы.

Стоит отметить, что личностные и психологические свойства отдельных людей, которые и определяют экономическое поведение, не могут быть изучены через регулярные статистические данные, так как им подвластны лишь отдельные признаки, характеризующие положение и восприятие людьми своего места и роли в экономической сфере. Именно

поэтому важно сопоставлять данные статистики и отдельных социологических исследований изучаемой проблемы, а также стремиться рассматривать их в комплексе. На наш взгляд, экономическое благополучие населения представляет собой интегральный конструкт, включающий в себя как объективные показатели (показатель ВВП, уровень доходов населения, безработицы и пр.), так и субъективные (уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей). Отметим, что высокие объективные показатели не всегда гарантируют такой же уровень оценки человеком своего социального благополучия. Как известно, можно быть богатым и несчастным и, наоборот, бедным и счастливым. Хотя, конечно, чаще всё же данные показатели взаимосвязаны, так как наличие у человека материальных средств, позволяет ему обеспечить себе более высокое качество жизни, облегчённый доступ к основным ресурсам и удовлетворению своих потребностей. Следовательно, оценка экономического благополучия населения возможна только через использование и сопоставление двух подходов: объективного и субъективного, что предполагает получение информации из двух взаимодополняющих источников, к которым относятся данные статистики и результаты социологических опросов населения.

Основным объективным показателем экономического благополучия принято считать размер дохода на душу населения, который позволяет проводить сравнение между странами или внутри страны. Но данный показатель может быть дополнен и другими экономическими показателями: среднедушевые денежные доходы, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, величина прожиточного минимума, а также соотношения данных показателей между собой: соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы и величины прожиточного уровня, среднедушевых доходов и величины прожиточного уровня. Но только объективные показатели не могут создать полную картину, характеризующую экономическое благополучие населения отдельного региона. В свете существующей социально-экономической дифференциации российских регионов актуальным остаётся вопрос исследования экономического благополучия населения с учётом региональной специфики. Если рассматривать ситуацию, сложившуюся в Дальневосточном федеральном округе, то можно отметить несколько исторически сложившихся и географически обусловленных особенностей.

Одними из них являются плотность проживания и способности воспроизводства населения. Так, Дальневосточный регион исторически решал демографические проблемы за счёт переселенческой политики, данная ситуация всячески поддерживалась правительством почти во все времена. Существовали

Экономическое благополучие населения это интегральный конструкт, включающий в себя как объективные показатели (ВВП, уровень доходов населения, безработицы и пр.), так и субъективные (уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей).

специальные программы, обеспечивающие регион трудоспособным населением, а также возможность более крупных заработков (ещё со времен СССР выплачивались так называемые «северные» или «дальневосточные» надбавки, призванные обеспечить компенсацию проживания в неблагоприятных погодных условиях и отдалённости от центра). Эта система рухнула с переходом страны к рыночной экономике. Период с 1991 г. иногда называют «исходом» населения с дальневосточных земель, когда 70% сокращения населения приходилось именно на миграционный отток, а не на естественные причины. Хотелось бы думать, что данная ситуация достигла своего дна и начинает стабилизироваться, так как для удержания данной территории России необходимо значительное увеличение численности населения региона. Официальная статистика, к сожалению, неутешительна. Так, территория Дальневосточного федерального округа – 6215,9 тысячи квадратных километров (36,4% территории России), а население округа 6440,4 тысячи человек (4,9% населения России) [Дальневосточный федеральный округ...]. И только в прошедший 2015 год Дальневосточный регион стал демонстрировать положительные тенденции к росту за счёт естественных показателей, а не за счёт приезжих. Так, коэффициенты рождаемости в ДФО начали показывать положительную динамику. Кроме этого, в 2012 г., в отличие от предыдущих лет, рождаемость превысила смертность, и естественный прирост составил 0,9 [Естественное движение... 2012], в 2014 г. показатель естественного прироста вырос до 1,4 [Естественное движение населения... 2014]. Наибольшее количество детей в 2014 г. было рождено в Якутии (коэффициент 17,8 на 1000 человек населения), наименьшее – в Магаданской области (коэффициент 12,2 также на 1000 человек населения) [Естественное движение... 2014].

Следует учитывать также особое и во многом уникальное геополитическое положение Дальневосточного федерального округа, его оторванность от центра и близость развивающихся и развитых стран Азиатско-Тихоокеанского региона, что оказывает влияние на развитие региональной экономики – по преимуществу сырьевой и ориентированной на соседние страны, а не на российскую экономику. Основными направлениями экономики региона являются горнодобывающая, золотодобывающая, рыбная и лесная промышленности, цветная металлургия и судостроение [Дальневосточный федеральный округ...].

Обобщающим показателем развития региона является валовой региональный продукт. Статистические данные свидетельствуют, что данный показатель уверенно увеличивался на протяжении последних лет и в 2012 г. вырос в более чем в 2 раза по сравнению с 2007 г. (см. таблицу 1).

Дальневосточный регион исторически решал демографические проблемы за счёт переселенческой политики, данная ситуация всячески поддерживалась правительством почти во все времена.

Таблица 1

Валовой региональный продукт на душу населения в ДФО

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Рублей	196 551,1	237 109,1	268 344,3	334 909,9	403 572,5	431 452,7

Как видно далее из таблиц 2 и 3, в течение рассматриваемого периода во всех субъектах округа наблюдалось снижение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума (исключение составил 2013 г., в некоторых регионах численность населения данной группы незначительно выросла) [Регионы России... 2014]. Правда, стоит отметить, что в целом федеральный округ является «дорогим» в плане стоимости продуктов питания и размера коммунальных платежей, что вызвано сложностью и дальностью доставки.

Таблица 2

Среднедушевые денежные доходы населения в ДФО

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Рублей (в месяц)	13 358,2	15 622	18 410	20 809	22 870	25 504	28 929

Таблица 3

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в ДФО

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Рублей	16 713,0	207 778,3	23 157,8	25 814,2	29 320	33 584	37 579

Рассматривая субъективное экономическое благополучие, можно говорить о том, что данный термин ещё не до конца устоялся, его введение в научную терминологию гуманитарных наук принято приписывать Б. Стрүмпелю [Strümpel 1974], который при помощи индексов субъективного экономического благополучия оценивал сложившуюся ситуацию в экономике. Это связано с необходимостью нахождения ответа на вопрос, почему люди оценивают себя экономически благополучными или неблагополучными, а также с выявлением личностных факторов, влияющих на самооценку и выбор модели поведения в вопросах материального самообеспечения. Субъективное экономическое благополучие человека непосредственно связано не только с деньгами и материальными средствами, доступными человеку, но также с удовлетворённостью качеством жизни, справедливостью распределения доходов, обеспечения безопасности и независимости человека.

Для достижения экономического благополучия человек вынужден предпринимать различные действия, которые позволили бы увеличить его защищённость, смягчить или устранить угрозы его безопасности. Очевидно, что экономическое благополучие напрямую будет зависеть от развития экономики:

насколько она эффективна, стабильна. Так, В. С. Бойко указывает, что, «если обеспечивается полная занятость, а оплата труда соответствует вкладу каждого человека в рост общественного благосостояния, то удовлетворение потребностей будет не только полным с точки зрения общества, но и справедливым по отношению к каждому конкретному человеку. Такое устройство производства и распределения благ может создать комфортные условия для жизнедеятельности людей, снижать или полностью устранять у них чувство беспокойности условиями жизни» [Бойко 2012: 10].

Уровень зарегистрированной безработицы в Дальневосточном федеральном округе устойчиво снижался в течение последних десяти лет (исключение составил 2009 г., когда он вырос; на наш взгляд, такая ситуация может быть связана с мировым кризисом 2008 г.). Отметим, что самый высокий уровень зарегистрированной безработицы наблюдался в 2013 г. в Амурской области (3,0%), самый низкий на Сахалине (0,7%). Несмотря на снижение уровня безработицы, ДФО в 2013 г. занял второе место по данному показателю (в Северо-Кавказском ФО коэффициент составил 4,9%) [Регионы России... 2014].

Оценивая экономическую безопасность ДФО, М. В. Жерновой, по результатам проведённого исследования, приходит к выводу, «что благополучным по уровню экономической безопасности личности не является ни один регион ДФО» [Жерновой 2013: 24]. Это может быть вызвано несоответствием институциональных условий региона требованиям обеспечения экономической безопасности личности. Исследование М. Ю. Малкиной [Малкина 2014: 241] раскрывает сложившуюся ситуацию: по её данным на 2012 г. (в соответствии с рассчитанным индексом социального благополучия субъектов Российской Федерации) Чукотский автономный округ занял 2 место с индексом 1,18, Магаданская область – 9 место, Сахалинская область – 13, Республика САХА (Якутия) – 20, Хабаровский край – 41, Амурская область – 42, Камчатский край – 44, Приморский край – 60, Еврейская автономная область – 75 место. Данные показывают явные различия в индексах социального благополучия субъектов ДФО, отражая тем самым наличие проблем, прежде всего в социально-экономической сфере конкретного региона, так как на вершине рейтинга оказались регионы, где осуществляется добыча полезных ископаемых, а другие производства отсутствуют.

Приведённые выше данные также косвенно подтверждаются рейтингом, составленным мониторинговым агентством News Effector «Индекс счастья городов России – 2012», в него вошли всего шесть городов самого большого по занимаемой территории региона. Наилучшая позиция оказалась у Хабаровска

(35 место из 100), далее следуют Комсомольск-на-Амуре (63), Владивосток (74), Благовещенск (76), Петропавловск-Камчатский (84), Южно-Сахалинск (99) [Индекс счастья...].

Таким образом, место жительства является одним из определяющих факторов, характеризующих экономическое благополучие населения. Специфика экономики региона, уровень экологической безопасности, урбанизации, общее состояние инфраструктуры могут рассматриваться с точки зрения основных факторов, влияющих на степень социального благополучия людей, живущих на данной территории. Приморский край представляет собой весьма специфическое территориальное образование Дальневосточного федерального округа. В первую очередь следует отметить, что это портовая и приграничная зона, имеющая выход на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (протяжённость наземной границы с Китаем и Северной Кореей около 700 км и морской границы с Японией и Южной Кореей – 1350 км). И только на севере Приморье имеет границу с российской землёй, с Хабаровским краем. Все это заставляет согласиться с точкой зрения Э. К. Бийжановой, что: «приграничье призвано конструировать «своё» пространство, являться фактором консолидации жителей и в зависимости от ситуации задавать/формировать определённые жизненные стратегии местных сообществ, которые должны включать в себя фактор присутствия границы» [Бийжанова: 19]. Соответственно, необходимо учитывать фактор приграничья при проведении анализа мнений и суждений населения края.

Из всех территорий ДФО Приморский край это самая южная территория, обладающая наиболее благоприятной по климатическим, экономическим, демографическим, транспортным условиям. Это один из наиболее заселённых регионов Дальнего Востока России. В Приморском крае, если сопоставлять его с другими территориальными субъектами Дальневосточного федерального округа, самая большая численность населения, трудовых ресурсов. Так, на 1 января 2015 г. численность постоянного населения Приморского края составила 1 933 308 человек. Данные по остальным субъектам региона выглядят следующим образом: Хабаровский край – 1 338 305 чел.; Республика Саха (Якутия) – 956 896; Амурская область – 809 873; Сахалинская область – 488 391; Камчатский край – 317 269; Еврейская автономная область – 168 368; Магаданская область – 148 071; Чукотский автономный округ – 50 540 чел. [Оценка численности... 2015].

Администрация Приморского края сообщает в своих отчётах, что рост среднедушевых номинальных денежных доходов населения края в январе–сентябре 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. составил 121,7% (31 948 рублей в месяц). Реально располагаемые денежные

Дальневосточный федеральный округ – это портовая и приграничная зона, имеющая выход на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. И только на севере Приморье имеет границу с российской землёй, с Хабаровским краем.

Администрация Приморского края сообщает, что рост среднедушевых номинальных денежных доходов населения края в январе–сентябре 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. составил 121,7%.

доходы увеличились на 5,5%. В сфере оплаты труда сохранялась динамика роста номинальной и реальной заработной платы по сравнению с 2014 г. По оценкам Приморскстата, в январе–августе 2015 г. среднемесячная начисленная заработная плата увеличилась на 4,7% к уровню января–августа 2014 г. и составила 33 104,1 рублей, при этом, за счет увеличения темпа инфляции реальная величина заработной платы сократилась на 9,8%. [Итоги социально-экономического... 2015].

Как было отмечено выше, нельзя измерить экономическое благополучие без его субъективной оценки: на сколько люди удовлетворены жизнью, как они видят своё будущее, насколько в безопасности они себя ощущают. В целом субъективное экономическое благополучие – это чувство удовлетворённости жизнью и своей позицией, так как нет необходимости беспокоиться о работе, есть уверенность в существовании более-менее стабильного дохода, доступности профессионального образования, качественного медицинского обслуживания и получения других социальных благ и гарантий защиты в будущем.

Е. В. Шейфер выделяет ряд компонентов субъективного экономического благополучия, такие как удовлетворённость своим материальным положением, уверенность в завтрашнем дне, оценка существующей экономической обстановки в стране [Шейфер 2013: 35], что, по его мнению, позволяет составить комплексную оценку материального положения человека. Так, для понимания того, насколько удовлетворено население Приморского края своим экономическим положением, обратимся к результатам проведённого авторами статьи социологического исследования¹. Полученные данные, позволяют говорить о том, что 3,8% респондентов постоянно испытывают нужду, у 12,2% денег хватает только на продукты питания, у 42,6% – только на одежду и продукты питания; 36,7% ответили, что денег хватает также и на товары длительного пользования, 4,7% оценили своё положение достаточно высоко, т. е. денег им хватает на всё. При этом, несмотря на происходящие кризисные явления в экономике страны, только 8,7% респондентов отметили, что материальный уровень их жизни значительно снизился, 31,1% дали ответ – «скорее снизился, чем вырос», у 36,0% он остался без изменений, а почти у четверти респондентов, по их мнению, он вырос (24,2%).

В. А. Харченко настаивает на необходимости оценки трёх форм субъективного социального благополучия по хронологическому критерию, таких как ретроспективное, актуальное и перспективное материальное благополучие [Харченко 2008: 31]. Действительно, с этим сложно не согласиться,

¹ Исследование было проведено авторами в 2015 г. на территории Приморского края. Выборка квотная по полу и месту жительства, N=958.

так как субъективное экономическое благополучие не просто характеризует то, как человек воспринимает настоящий момент, оно включает его прошлый опыт и достаток, а также оптимистический или пессимистический настрой на будущее. Так, большая часть респондентов оценили уровень собственного материального благосостояния на настоящий момент как средний (63,5%), как низкий и очень низкий 4,3 и 24,2% соответственно, часть респондентов отметили, что уровень их материального благосостояния высокий (7,3%) и очень высокий (0,7%). Испытывают недостаток в деньгах в большой и очень большой степени 25% населения, в то время как не испытывают или испытывают в малой степени 35,1%, в средней степени недостаток в средствах ощущают 39,7% (эти результаты сопоставимы с полученными ответами на предыдущий вопрос). Прогнозируя же своё экономическое благополучие в будущем, мнения респондентов разделились на три почти равных группы. Так, высокий уровень беспокойства за своё материальное положение в связи с негативными тенденциями в экономическом развитии страны испытывают 36,4% населения; 35,6% респондентов определили этот уровень как средний; 29,1% не испытывают или испытывают в малой степени тревогу за своё будущее материальное положение.

При этом уровень доходов хотели бы повысить большинство опрошенных. Так, в средней степени уровень своих доходов хотели бы повысить 29,6%, а в большой и очень большой степени – 63,7%. Несмотря на то, что основная часть населения не испытывает материальных трудностей, большинство хотели бы повысить уровень своих доходов, причём в достаточно существенной степени. Это, на наш взгляд, свидетельствует о высокой значимости материальной составляющей в ценностной структуре населения. Кроме того, респондентам был задан вопрос: «Насколько сильно ваше желание иметь деньги?». Степень своего желания оценили как «среднюю» 39,2%, как «сильную и очень сильную» – 50,6%, не испытывают такого желания или испытывают его в незначительной степени 10,1%. Это может быть вызвано осознанием важности финансовых средств для обеспечения достойного качества и уровня жизни, безопасности и свободы, а также желанием быть более уверенными и защищёнными в будущем.

Таким образом, анализ основных объективных индикаторов экономического благополучия населения Дальневосточного федерального округа в целом и Приморского края в частности показал, что уровень экономического благополучия остаётся всё ещё недостаточно высоким в сравнении с такими же показателями в других регионах Российской Федерации. Это нашло своё подтверждение и в оценках населением своего субъективного экономического благополучия: оно получило оценку «плохое», так как почти все доходы уходят на удов-

Несмотря на то, что основная часть населения не испытывает материальных трудностей, большинство хотели бы повысить уровень своих доходов. Это свидетельство высокой значимости материальной составляющей в ценностной структуре населения.

летворение основных витальных потребностей. Сложившаяся ситуация не позволяет населению быть уверенным в завтрашнем дне, в возможности обеспечить достойное будущее себе и своим близким, и, скорее всего, именно поэтому население в основном не уверено в изменении ситуации в лучшую сторону, что усиливает заинтересованность в материальной составляющей. С учётом того, что основой для субъективного экономического благополучия выступает социальная безопасность, которая в свою очередь является результатом деятельности органов государственной, региональной и муниципальной власти, им необходимо разработать мероприятия по обеспечению социальной безопасности и экономического благополучия человека в Дальневосточном федеральном округе, чтобы удержать здесь трудоспособное население и способствовать развитию территории.

Библиографический список

Бийжанова Э. К. 2014. Приграничье как объект исследования // Вестник Института Социологии. № 4 (11). С. 11–22. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Biidzhanova.pdf [Дата посещения: 20.01.2016].

Бойко В. С. 2012. Теория экономического счастья человека: необходимость формирования и направления поиска // Журнал экономической теории. № 4. С. 7–18.

Дальневосточный федеральный округ // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации. URL: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=25> [Дата посещения: 08.02.2016].

Естественное движение населения Российской Федерации – 2012 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_106/Main.htm [Дата посещения: 20.01.2015].

Естественное движение населения Российской Федерации – 2014 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_106/Main.htm [Дата посещения: 20.01.2015].

Жерновой М. В. 2013. Экономическая безопасность ДФО: состояние и проблемы обеспечения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 3. С. 18–25.

Индекс счастья городов России // Официальный сайт Российского информационного агентства «Регионы Онлайн». URL: <http://www.gosrf.ru/news/5927/> [Дата посещения: 30.01.2016].

Итоги социально-экономического развития Приморского края. Январь–сентябрь 2015 г. // Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполни-

Сложившаяся ситуация не позволяет населению быть уверенным в завтрашнем дне, в возможности обеспечить достойное будущее себе и своим близким, и, скорее всего, именно поэтому население в основном не уверено в изменении ситуации в лучшую сторону.

тельной власти Приморского края. URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/results/2015.php> [Дата посещения: 08.02.2016].

Куликов Л. В. 1997. Субъективное благополучие личности // Ананьевские чтения. С. 162–164.

Малкина М. Ю. 2014. Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // Экономика региона. № 2. С. 238–248.

Оценка численности постоянного населения на 1 января 2015 года // GKS.RU: официальный сайт Федеральной государственной службы статистики. 2015. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [Дата посещения: 22.03.2015].

Рат Т., Хартер Дж. 2011. Пять элементов благополучия: инструменты повышения качества жизни. М.: Альбина Паблишерз. 148 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели – 2008 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_14p/Main.htm [Дата посещения: 20.01.2015].

Регионы России. Социально-экономические показатели – 2011 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/Main.htm [Дата посещения: 20.01.2015].

Регионы России. Социально-экономические показатели – 2014 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_14p/Main.htm [Дата посещения: 20.01.2015].

Сафиулин А. Р. 2013. Новое качество субъекта в условиях развития новой экономики // Теория экономического анализа. № 23. С. 25–34.

Селигман М. 2013. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер. 440 с.

Харченко В. А. 2008. Структура субъективного экономического благополучия в зависимости от его уровня // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. № 2. С. 29–45.

Шамионов Р. М. 2006. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Известия Саратовского университета. Т. 6. Вып. 1/2. С. 104–109.

Шейфер Е. В. 2013. Субъективное экономическое благополучие мужчин и женщин разных возрастных групп // Психология в экономике и управлении. № 2. С. 35–39.

Campbell A., Converse P., Rodgers W. 1976. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions. N. Y.: Russel Sage Foundation. 538 p.

Diener E. 1984. Subjective well-being // Psychological Bulletin. P. 542–575.

Strümpel B. 1974. Economic well-being as an object of social measurement // Subjective Elements of Well-Being. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development. P. 75–122.

Economic Prosperity as Evaluated by Inhabitants of the Far Eastern Region of Russia (Based on Materials from the Primorsky Krai Region)

Kostina Elena Yur'evna

Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

Orlova Nadezhda Aleksandrovna

Senior Lecturer, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: orlova.na@dvfu.ru

Abstract This article examines basic social and economic indicators which allow us to evaluate the economic prosperity of the Far Eastern Federal District (FEFD) in general and the Primorsky Krai in particular. The authors have conducted analysis of data that characterizes change in vital statistics, gross regional product, average income per capita, average monthly nominal salary, unemployment levels etc., which helps define the social-economic situation in the FEFD and the Primorsky Krai. General analysis of these indicators accentuates the peculiarities of this region, which is the least populated, despite having the largest territory. Its economy is mostly based on producing raw-materials, and is oriented towards neighboring Asian-Pacific countries. All of the examined indicators bring us to the conclusion that objective economic prosperity for inhabitants of this region is out of the question. Despite dynamics being generally positive, this region falls behind average in almost every index compared to the rest of Russia. Such a situation shows the need to develop a specialized regional policy aimed towards compensating detachment from the center, as well as increasing life quality and living standards in the FEFD. While evaluating the populace's economic prosperity, the authors emphasize the need to utilize and compare two approaches, specifically – of objective and subjective variety, assuming information would be received from two complementary sources, namely – statistical data and the results of social surveys conducted among the population. This article cites data collected by the authors while they studied the subjective economic prosperity of the Primorsky Krai's populace: this helps determine the level of economic prosperity for the population of Eastern Russia with maximum precision. In general the study's results can be summarized by stating that most of the region's population emphasizes the need to increase economic guarantees, while most people do not make any secret of their desire for increased income, so that all their money would not be spent just to cover basic vital needs. The Primorsky Krai's inhabitants want to develop and satisfy their need for cultural and spiritual progress, and they would also like to make savings to boost their confidence in the future.

Keywords: economic prosperity of the population, subjective economic prosperity, living standards, safety, social problems.

References

Biizhanova E. K. Prigranich'e kak objekt issledovaniya [Borderland as an Object of Study]. Vestnik Instituta Sociologii, 2014, no 4 (11), pp. 11–22. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Biidzhanova.pdf [date of visit 24.11.2015].

Boyko V. S. Teoriya ekonomicheskogo schastia cheloveka: neobhodimost' formirovaniya i napravleniya poiska [Economic Theory of Human Happiness: the Need to Create and Search for Directions]. Zhurnal ekonomicheskoy teorii, 2012, no 4, pp. 7–18.

Campbell A., Converse P., Rodgers W. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions. New York, Russel Sage Foundation, 1976. 538 p.

Dal'nevostochny federal'nyy okrug [Far Eastern Federal District]. Plenipotentiary Agent of The President of Russian Federation official website. URL: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=25> [date of visit 08.02.2016].

Diener E. Subjective well-being. Psychological Bulletin, 1984, pp. 542–575.

Estestvennoe dvizhenie naselenija Rossijskoj Federacii 2014 [The Natural Transition of the Population of the Russian Federation 2014]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_106/Main.htm [date of visit 20.01.2015].

Estestvennoe dvizhenie naselenija Rossijskoj Federacii 2012 [The Natural Transition of the Population of the Russian Federation 2012]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_106/Main.htm [date of visit 20.01.2015].

Harchenko V. A. Struktura subijektivnogo ekonomicheskogo blagopoluchija v zavisimosti ot ego urovnia [The Structure of Subjective Economic Well-being Depending on its Level]. Vestnik RUDN. Serija: Psihologija i pedagogika, 2008, no 2, pp. 29–45.

Index schastia gorodov Rossii [Happiness Index of Russian Cities]. Official website of the Russian information agency «Regiony Online». URL: <http://www.gosrf.ru/news/5927/> [date of visit: 30.01.2016].

Itogi social'no-ekonomicheskogo razvitija Primorskogo kraja [Results of Social and Economic Development of the Primorsky Krai Region]. Janvar'–sentiabr' 2015. Official website of Primorsky region State administration. URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/results/2015.php> [date of visit 08.02.2016].

Kulikov L. V. Subijektivnoe blagopoluchie lichnosti [Subjective Well-being of the Individual]. Anan'evskie chtenija, 1997, pp. 162–164.

Malkina M. YIssledovanie vzaimosvjazi urovnia razvitija i stepeni neravenstva dohodov v regionah Rossijskoj federacii [Study of the Relationship between Level of Development and the Degree of Income Inequality in the Russian Federation Regions]. Ekonomika regiona, 2014, no 2, pp. 238–248.

Ocenka chislennosti postojannogo naselenija na 1 janvaria 2015 goda [Assessment of resident population at January 1, 2015]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [date of visit 22.03.2015].

Rat T., Harter Dzh. Piat' elementov blagopoluchija: instrumenty povyshenija kachestva zhizni [Five Welfare Elements: the Instruments]. Moscow, Al'bina Publication, 2011. 148 p.

Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli 2008 [Russian Regions. Socio-Economic Indicators 2008]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_14p/Main.htm [date of visit 20.01.2015].

Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli 2011 [Russian Regions. Socio-Economic Indicators 2011]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/Main.htm [date of visit 20.01.2015].

Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli 2014 [Russian Regions. Socio-Economic Indicators 2014]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_14p/Main.htm [date of visit 20.01.2015].

Safiulin A. R. Novoe kachestvo subijekta v uslovijakh razvitija novoy ekonomiki [New Quality of the Subject in Terms of Development of the New Economy]. Teorija ekonomicheskogo analiza, 2013, no 23, pp. 25–34.

Seligman M. Put' k procvetaniju. Novoe ponimanie schast'ia i blagopoluchija [The Path to Prosperity. A New Understanding of Happiness and Well-being.]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 440 p.

Shamionov R. M. Subijektivnoe blagopoluchie i cennostno-smyslovye obrazovaniya lichnosti v professional'noy sfere [Subjective Well-being and the Formation of Sense of Values of Personality in the Professional Sphere]. *Izvestija Saratovskogo universiteta*, 2006, Vol. 6, no 1/2, pp. 104–109.

Sheyfer E. V. Subijektivnoe ekonomicheskoe blagopoluchie muzhchin i zhenschin raznykh vozrastnykh grupp [Subjective Economic Well-being of Men and Women of Different Age Groups]. *Psihologija v ekonomike i upravlenii*, 2013, no 2, pp. 35–39.

Strümpel B. Economic well-being as an object of social measurement // *Subjective Elements of Well-Being*. Paris, Organization for Economic Cooperation and Development, 1974. Pp. 75–122.

Zhernovoy M. V. Ekonomicheskaja bezopasnost' DFO: sostojanie i problemy obespechenija [The Economic Security of the Far Eastern Federal District: State and Problems]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2013, no 3, pp. 18–25.

Т е м а н о м е р а : Социальные процессы в регионах России

Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск

Филипова Александра Геннадьевна –
профессор кафедры социальных наук,
доктор социологических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток

E-mail: alexgen77@list.ru

Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск

Аннотация

Социологическое изучение городской среды детства связано с ее сегментированием, выделением публичных (общественных) и частных территорий, сравнением физического и социального пространства, определением механизма включения детей в социальную жизнь города. В данной статье¹ анализируется общественное пространство как пространство городской повседневности детства. Общественные территории подразделяются на формальные и неформальные, территории, поддерживаемые администрацией и поддерживаемые местным сообществом, а также на взрослые, детские и смешанные зоны. Целью исследования являются изучение особенностей организации общественных пространств на примере двух дальневосточных городов (Хабаровска и Владивостока), степень их приспособленности для детей. За основу анализа городской среды взято шесть критериев – доступность, комфортность, направленность на развитие, наличие зеленых насаждений, привлекательность, безопасность. Методами исследования стали наблюдение с фотосъемкой, нестандартизированное интервью с родителями (N = 7), анализ Интернет-форумов Vladmama, Khabmama. Анализ общественных пространств административных центров Хабаровского и Приморского краев позволил выявить тенденции их развития, а также обозначить основные проблемы. Сходные особенности развития заключаются в благоустройстве территорий «переднего плана» (формальных общественных пространств), появлении современных детских и спортивных площадок, усилении общественного участия в благоустройстве придомовых территорий и неформальных общественных пространств. Городские проблемы упираются в качество дорожных покрытий и уличного освещения, нехватку зеленых насаждений и неформальных общественных пространств, нарушение принципов материальной и физической доступности общественных пространств. В ходе изучения городской среды выделен еще один важный принцип организации общественных пространств – принцип зонирования.

Ключевые слова: дети, город, общественные пространства, комфортность, доступность, тенденции

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (№ MD-3569.2015.6).

В последние годы в зарубежных социологических исследованиях детства наблюдается «географический поворот», означающий обращение к ребёнку в физическом окружении. В работах зарубежных учёных дети предстают как акторы, активно осваивающие среду города или сельской местности, приспособляющиеся к ней или пытающиеся её изменить [Aitken 2001; Christensen, O'Brien 2003; Nikitina-Den Besten 2008]. В российской социологии также можно отметить возрастающий интерес к изучению ребёнка в городской среде. Здесь акценты смещаются в сторону детских городских страхов, социального неравенства детей в городе, социальных рисков [Сибирева 2011; Филипова 2012a].

Социологическое изучение городской среды детства связано с его сегментированием, выделением публичных (общественных) и частных территорий, сравнением физического и социального пространств. В интерпретации повседневности как театральной сцены, по И. Гофману, публичное представлено как передний план исполнения, частное – как скрытое от зрителя закулисы [Гофман 2000]. Публичное пространство – это пространство воспроизводства дискурса заботы о детстве. Неслучайно в официальной российской риторике стала популярной идея «доброжелательности к детям» на разных уровнях – городском, организационном, семейном. Международной организацией ЮНИСЕФ было введено в публичный контекст понятие города, доброжелательного к детям как локации, учитывающей нужды и приоритеты детей.

Взаимодействие физического и социального пространств представлено в работах П. Бурдьё. По мнению французского исследователя, физическое пространство неотделимо от социального, так как первое появляется в качестве продукта социальных отношений, взаимодействий, социальных институтов. Существует также обратная связь – физическое пространство структурирует социальное [Бурдьё 2005].

Современные города быстро разрастаются, заполняются людьми, зданиями, автомобилями. Однако темп их жизни почти не оставляет места для детей, делая их «невидимыми» [Холлоуэй, Валентайн 2002], закрывая в защищённых домашних пространствах [Quortrup 2005]. В классической работе «The child in the city» [Ward 1978] города представлены как места, где взрослые и дети могут жить вместе. То есть городская среда является местом повседневного соприкосновения детского и взрослого миров, их взаимного проникновения или отчуждения.

Общественными городскими пространствами в широком смысле можно назвать все территории между зданиями, за исключением территорий, находящихся в частной собственности. Градостроительный кодекс РФ использует понятие «Территории общего пользования», определяя их как территории, которыми беспрепятственно пользуется неограниченный круг лиц, в том числе площади, улицы, проезды, набереж-

Социологическое изучение городской среды детства связано с его сегментированием, выделением публичных (общественных) и частных территорий, сравнением физического и социального пространств.

Городская среда является местом повседневного соприкосновения детского и взрослого миров, их взаимного проникновения или отчуждения.

ные, береговые полосы водных объектов общего пользования, скверы, бульвары. Из данного определения можно выделить две разновидности общественных пространств: с одной стороны – улицы, проезды (участки преимущественного движения транспортных средств), а с другой – площади, бульвары, набережные, скверы. Я буду ориентироваться на второй вид, поскольку он является общественным пространством для пешеходов. Ещё одной разновидностью территорий общего пользования являются дворы, представляющие часть улицы, участок земли, близко прилегающий к домам (если только речь не идёт о дворах домов в частном секторе). Близость к домам позволяет определять дворы с размещёнными в них детскими и спортивными площадками как относительно защищённые территории.

Общественные пространства можно разделить на официально признанные «лицом» города и поддерживаемые муниципальными властями, неофициально признанные и поддерживаемые местным сообществом и все остальные. Кроме того, общественные пространства могут быть формальными, используемыми для проведения официальных мероприятий (День города, митинги, парады и пр.), и неформальными – пространствами городской повседневности.

Значение общественных пространств для жизни людей в городе и для развития самого города чрезвычайно велико. Датский архитектор, консультант по дизайну городской среды Ян Гейл утверждает: «город становится живым и безопасным, когда много людей проводят время в общественных местах». Он называет общественные пространства «лицом» и «душой» города [SAGA о городе... 2014]. Для «лица» города важны внешняя привлекательность, ухоженность, наличие зелёных зон. Будучи «душой» города, общественные пространства создают атмосферу общения, задают определённый ритм городской жизни. Разработчики проекта SAGA¹ за основу изучения городской среды взяли четыре принципа, по первым буквам названия: S – smart (умные), A – attractive (привлекательные), G – green (зелёные), A – accessible (доступные). К данным принципам добавим ещё два – принцип безопасности и принцип комфортности, выделенные ранее в статье «Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий» [Филипова 2012b].

Целью данного исследования является выявление особенностей организации общественных пространств двух дальневосточных городов, степени их приспособленности для детей.

Первый кейс – это Владивосток – город и порт на Дальнем Востоке России, административный центр Приморского края. Владивосток расположен на берегу Японского моря. Население в 2014 г. составили 603 244 чел. Площадь города – 331 кв. км. Второй кейс – город Хабаровск – административный центр

¹ Проект направлен на изучение общественных пространств г. Санкт-Петербурга.

Дальневосточного федерального округа России и Хабаровского края. Город располагается на возвышенном правом берегу реки Амур. Население – 601 043 чел. (2014 г.), площадь города – 386 кв. км.

Методами исследования стали наблюдение с фотосъёмкой, нестандартизированное интервью с родителями (N=7¹), анализ интернет-форумов Vladmama, Khabmama.

В каждом городе есть «передний план», который управляет первым впечатлением о городе, задаёт определённую атмосферу (например, семейного города или делового центра), привлекает гостей города и местное население. Это – общественные пространства, поддерживаемые администрацией города или района. Как правило, такими местами становятся набережные, центральные площади, парки и скверы. Городская администрация изыскивает ресурсы для благоустройства центральных общественных пространств. В Хабаровске в качестве примера формальных общественных пространств можно указать Комсомольскую площадь, площадь им. Ленина, Набережную

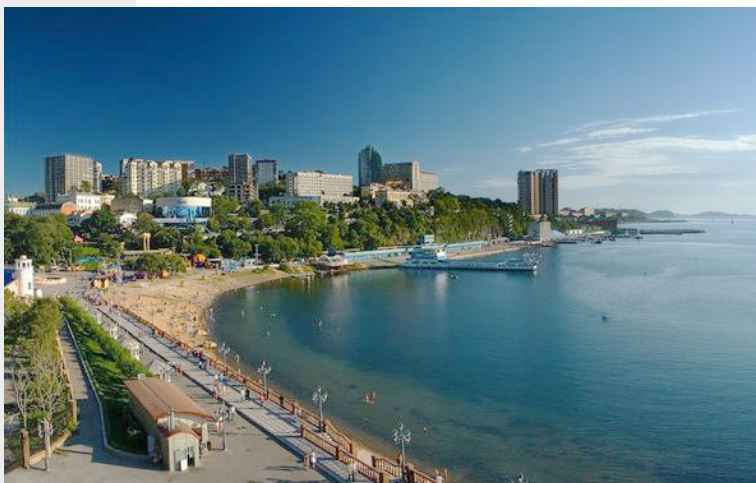

Рис. 1. Набережная Владивостока

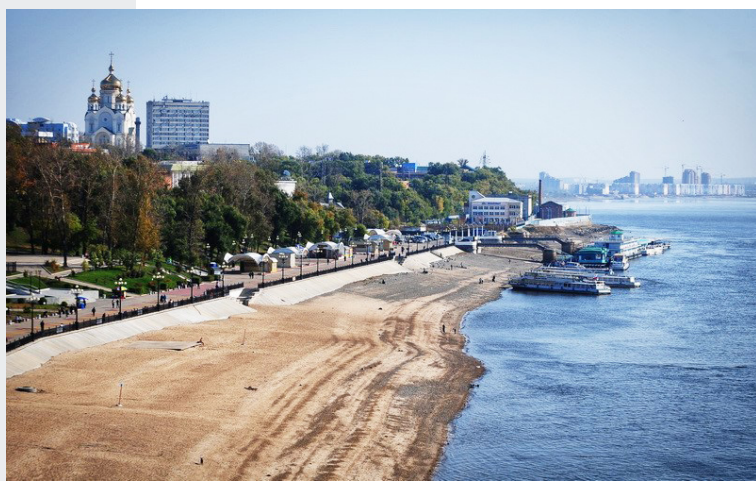

Рис 2. Набережная Хабаровска

Адмирала Невельского, во Владивостоке – площадь Борцов за власть Советов на Дальнем Востоке, Спортивную набережную, Набережную Цесаревича.

Набережные Владивостока и Хабаровска очень похожи (см. рис. 1 и 2). Это вымощенные плиткой пешеходные зоны с необходимым набором общественных благ – освещением, лавочками, урнами, общественными туалетами. В таких общественных пространствах в тёплый период размещаются многочисленные летние кафе, лотки с сувенирной и детской продукцией, детские аттракционы (батуты, лодочки, машинки). В праздничные дни на набережных проходят концерты, творческие выступления, шествия, митинги и пр.

¹ И1 – жен., 29 лет, Хабаровск, сын 3 года; И2 – жен., 41 год, Владивосток, сын 11 лет; И3 – жен., 34 года, Владивосток, сын 9 лет; И4 – жен., 42 года, Владивосток, дочь 14 лет; И5 – муж., 36 лет, Владивосток, сын 3 года, сын 7 лет; И6 – жен., 30 лет, Владивосток, сын 3 года, дочь 9 лет; И7 – жен., 40 лет, Хабаровск, сын 11 лет.

На форуме Khabmama в мае 2015 г. была открыта рубрика «Социологический опрос мнения жителей о Набережной Хабаровска». Лаборатория городской среды обратилась к форумчанам с предложением поучаствовать в исследовании для того, чтобы определить набор мероприятий по реконструкции Набережной им. Адмирала Невельского и сделать её «интересным и любимым местом отдыха всех жителей и гостей города».

Начинается анкета с блока вопросов, касающихся наличия открытых общественных пространств и возникающих отсюда проблем в г. Хабаровске. За этим блоком следуют вопросы о плюсах и минусах проведения свободного времени на Набережной, возможных формах досуговой деятельности. Кроме того респондентам предлагалось оценить размещённые на Набережной точки общественного питания (критерии: «меню», «ценовая доступность», «комфорт», «уровень сервиса», «музыка») и общественные туалеты (критерии: «количество», «расположение», ценовая доступность», «гигиеничность»), внести свои предложения по благоустройству Набережной и оценить возможность личного участия в этом деле.

Форумчане неоднозначно отреагировали на вопросы анкеты, некоторые вызвали очень бурную реакцию. Наиболее проблемными оказались вопросы размещения точек общественного питания и спортивных площадок, площадок для занятий экстремальными видами спорта на Набережной. В первом случае форумчанки указывают на распространение алкогольной продукции точками общественного питания. Во втором – велосипедисты и скейтбордисты воспринимаются как источник опасности для пешеходов – детей и взрослых. Поэтому участники исследования предложили разместить спортивные площадки не на самой Набережной, а в стороне.

Форумчанами подчёркивается значение Набережной как места для семейного отдыха с обязательными атрибутами в виде детских аттракционов, праздничных и тематических мероприятий, выступлений артистов, музыкальных коллективов, в первую очередь – детских и молодёжных.

Участники форумов Khabmama и Vladmama наряду с формальными общественными территориями обсуждают значение неформальных общественных территорий, где можно посидеть не только на лавочках, но и на газонах, где много зелени, просторно. Взрослые говорят о нехватке таких мест: *«Похожую зону вроде обещают в районе будущего океанариума. Мне очень не хватает вот таких чистых мест, где можно с книжкой на свежем воздухе поваляться. И чтобы дети вокруг бегали (Vladmama); ...вот где пруды, сидят на газончиках... там площади очень много» (И1).*

Ю. А. Панов, раскрывая секрет успешного общественного пространства, отмечает: «Основное – это обилие людей и жизни. Дети играют на многочисленных и разнообразных

Респондентами подчёркивается значение Набережной как места для семейного отдыха с обязательными атрибутами в виде детских аттракционов, праздничных и тематических мероприятий, выступлений артистов, музыкальных коллективов, в первую очередь – детских и молодёжных.

детских площадках. Люди едут на велосипедах, передвигаются пешком, сидят на траве и скамейках всевозможных форм в парках, скверах, на набережных, глядя на других людей и воду» [SAGA о городе...2014: 20]. Смешанные детско-взрослые зоны, с одной стороны, дают возможность взрослым реализовать механизмы социального контроля, а с другой – создают вариации для совместного времяпрепровождения.

Точками или зонами притяжения детей, взрослых с детьми становятся не только набережные, площади с фонтанами, парки, но и территории близлежащих детских садов и школ, кинотеатров и пр. Муниципалитет и местные жители прилагают усилия, вкладывают средства в создание таких точек притяжения. Иногда это и не требует значительных финансовых ресурсов – достаточно просто залить хоккейную коробку, устроив каток, или выстроить горку из снега. Только делать это нужно в местах, привлекающих горожан, например, рядом с торговыми центрами, домами творчества, образовательными учреждениями.

Важным признаком общественных пространств является их доступность. В связи с усугубляющимся социальным неравенством населения необходимо говорить не только о физической, но и о материальной доступности территорий. Пешеходная и транспортная доступности общественных пространств во Владивостоке осложняется особенностями рельефа: *«Расположен Владивосток географически очень неудобно: вытянут, вот эти сопки, эти дороги, пробки постоянные (И2); ...у нас много таких районов, ...такой ландшафт, поэтому физически очень сложно и гулять, и куда-то ходить, ...ветра постоянные, т. е. я должна одеться, укутаться, выйти» (И3).*

На рис. 3 изображена длинная лестница – обычное явление Владивостока. В зимнее время года подъём затрудняется образовавшимися на ступенях снежными накатами.

Рис. 3. Лестница в одном из дворов Владивостока

В Хабаровске тоже неровный рельеф, но, во-первых, горы менее крутые, а, во-вторых, ширина тротуаров, их состояние, отсутствие виадуков делают перемещения по городу более комфортными в сравнении с Владивостоком.

Все российские города с 2011 г. приступили в соответствии с государственной программой «Доступная среда» [Постановление Правительства РФ от 17 марта 2011 г. № 175] к созданию доступной среды для маломобильных групп населения: инвалидов, беременных, лиц с детскими колясками, детей дошкольного возраста.

В Хабаровском и Приморском краях, как и во многих других регионах РФ, формирование доступной среды происходит главным образом при строительстве и вводе в эксплуатацию новых объектов, а также при реконструкции уже действующих инфраструктурных сооружений. В программе «Доступная среда» Хабаровского края (на 2013–15 гг.) проблема доступности транспортных услуг решается исключительно путём развития службы «Социальное такси», предназначенной для инвалидов 1-ой группы. Во Владивостоке утверждена муниципальная программа «Доступная среда» на 2014–18 гг., сконцентрированная, как и федеральная программа, на проблемах мобильности инвалидов. Среди её задач обозначены: повышение уровня доступности административных зданий и уровня дорожно-транспортной доступности приоритетных объектов социальной инфраструктуры. Таким образом, городская среда пока не мыслится как среда, доступная для перемещений не только инвалидов, но и взрослых с малолетними детьми.

Перемещения родителей с детьми в городах затрудняются отсутствием пандусов на подступах к магазинам, поликлиникам, отсутствием мест «парковки» колясок у входов в учреждения, высокими бордюрами, плохим состоянием пешеходных дорожек: *«Аптека государственная на Слободской: пандус сделали удобный, а двери даже полностью не открываются, как-то еле зако- рачилась туда ..., у нас вообще запросто машиной перекрывают подъезд к пандусу, вход на площадку, подход к дому, тротуару. А пандусы иногда под углом чуть ли не 70 градусов. (Khabmama); ...Виадук с коляской преодолеть невозможно, специальные рельсы на лестнице не совпадают с диаметром колёс!» (Vladmama).*

Жительницы региональных центров, обсуждая проблему перемещения с маленьким ребёнком, констатируют в целом непригодность общественного транспорта. Реплики информантов противопоставляют маршрутки троллейбусам и трамваям. Маршрутки описываются как транспорт, крайне некомфортный для перемещений с детьми, в то время как трамваи и троллейбусы более просторные и удобные: *«...там немного народу, всегда можно было сесть, ... интересно ребёнку смотреть, а маршрутки у нас чаще всего маленькие, ходят битком набитые и особенно в часы пик» (ИЗ).*

Жители Владивостока, наряду с исчезновением трамваев и троллейбусов, отмечают появление новых автобусов без высоких ступеней, с опускающейся платформой: *«...для мамы с коляской непередаваемо удобны, особенно, если водитель нормальный попадает и близко к остановке подъезжает – ощущение, что из лифта выходишь, супер просто – никакой посторонней помощи не нужно, чтобы зайти/выйти, и много места для колясок» (Vladmama).*

Критерий материальной доступности очень редко выдерживается в городской среде. Респонденты обращают внимание на дороговизну детских развлечений в общественных простран-

ствах, но одновременно они говорят о необходимости создания огороженных общественных пространств с элементами социального контроля и введением входной платы. Такие идеи высказываются, например, при обсуждении вариантов реконструкции парка «Минный городок» во Владивостоке.

Помимо «Доступной среды», в регионах Дальнего Востока в середине 2000-х гг. действовали программы благоустройства дворовых территорий. В рамках краевой целевой программы «Благоустройство дворовых территорий краевого центра и муниципальных образований Приморского края» были выделены средства преимущественно на ремонт асфальто-бетонных покрытий, без должного внимания остались вопросы озеленения дворов, ремонта и строительства спортивных и детских площадок.

На форуме Vladmama в июне 2014 г. появилась ссылка на анкету для жителей Владивостока. Форумчанок приглашали поучаствовать в социологическом исследовании, направленном на выявление мнений по различным вариантам градостроительного развития. Анкета отсылала респонденток к находящейся в стадии разработки Концепции внесения возможных и перспективных изменений в Генеральный план Владивостокского городского округа. Всего в анкете представлены 22 открытых вопроса. Однако ни один из них не направлен на выяснение и защиту интересов детей в городской среде. Отчасти к категории «детских» может быть отнесён вопрос о достаточности городских территорий для рекреации. Изучение анкеты позволило диаг-

ностировать основные проблемы Владивостока – строительство мостов, развитие транспортной инфраструктуры, решение проблемы перегруженности автомагистралей (туннели, подвесные автодороги), специфический рельеф (застройка сопки и намывных территорий), развитие острова Русский. К сожалению, в материалах форума и поисковых системах интернета не удалось найти результатов ни данного, ни описанного ранее

Рис. 4. Детская площадка в одном из дворов Хабаровска

социологического опроса на форуме Khabmama. В Хабаровске в настоящее время выделяются муниципальные гранты на благоустройство дворовых территорий. Условием выделения гранта является софинансирование – по регламенту доля средств собственников должна быть не ниже 33% от суммы всех расходов. Софинансирование возникло в результате прекращения выделения средств из краевого бюджета. В 2015 г. из 130 заявок были поддержаны всего 77. На рис. 4 представлен один из таких облагороженных дворов.

По мнению респондентов, основные проблемы Владивостока – строительство мостов, развитие транспортной инфраструктуры, перегруженность автомагистралей, специфический рельеф (застройка сопок и намывных территорий), развитие острова Русский.

В 2004, 2006, 2008 и 2012 гг. Хабаровск занимал первые места среди административных центров субъектов РФ в конкурсе на звание «Самый благоустроенный город России». Это свидетельствует об обеспеченности города зелёными насаждениями, надлежащем санитарном состоянии города, его экологической безопасности, реализации государственных и муниципальных программ социально-экономического развития, строительстве и капитальном ремонте городских автодорог и тротуаров, а также систем дождевой канализации, сохранении историко-культурного и природного наследия и пр.

По оценкам респондентов, в Хабаровске с благоустроенными зелёными зонами дело обстоит лучше, чем во

Владивостоке, хотя ухоженные скверы и парки сосредоточены в центре города, а на периферии всё значительно хуже. В кейсах Хабаровска и Владивостока можно выделить две похожие истории постепенного запустения, загрязнения и разрушения двух парков. К сожалению, это не единственные примеры городских жертв перехода страны к рыночной экономике. Во Владивостоке – это уже упоминавшийся парк «Минный городок»,

Рис. 5. Парк «Берёзовая роща»

в Хабаровске – парк «Берёзовая роща» (см. рис. 5, 6). Роднит парки печальная история смены владельцев и быстрой деградации в кризисные 1990-е гг.

Парк «Минный городок» большинство информантов – родителей, принявших участие в нашем исследовании, – определяют как опасное место для детей

Рис. 6. Парк «Минный городок»

в городе, подкрепляя своё утверждение ссылками на плохую репутацию места, совершение преступлений на его территории, прогулки лиц с сексуальными расстройствами и пр. Парк действует с 1985 г., его открытие было приурочено к 125-летию Владивостока. По воспоминаниям родителей, это было место семейного отдыха: *«Здесь можно было купить сахарную вату, мороженое и покататься на каруселях. А в кинотеатре «Буратино» крутили детские фильмы. Сюда приходили поиграть на первых в городе игровых автоматах, покупаться в озере и покататься на катамаранах»* (Vladmama).

Парк «Берёзовая роща» находится в посёлке Красная речка Индустриального района Хабаровска. Его запустение связано с уходом из посёлка военной части, успешно справлявшейся с задачами уборки и поддержания порядка в парке. Одна из участниц форума так описывает проблемы парка: *«...там не убирают урны, собаки всё растаскивают оттуда и – как результат – это всё на колесах коляски тащится домой. Тропинки узкие, отсутствует освещение, лавочки все поломаны, асфальт провалился в некоторых местах, детские площадки разрушены, канализация протекла и льдом всё это взялось, когда растает – страшно подумать, что будет. Забора или хотя бы какого-то ограждения нет – на машинах туда заезжают!»* (Khabmama).

Неразвитость городских парковых зон, их непригодность для детей связана с непродолжительностью паркового сезона, соответственно, нерентабельностью деятельности предприятий, имеющих торговые точки, кафе, детские аттракционы в зелёных зонах.

В настоящее время в планах городского строительства жилых массивов обязательно учитываются объекты социальной инфраструктуры, детские площадки и зелёные зоны. Поэтому как «ориентированный на детей», «комфортный для проживания семей с детьми» представлен в интервью новый район Владивостока – Снеговая Падь: *«Для детей он очень удобный, у нас у каждого дома площадки, где много разных приспособлений для игр. Там две школы сейчас работают, рядом со школой есть небольшие стадионы, спортивные площадки»* (И4).

Ещё в одном случае залогом комфорта и безопасности нового микрорайона для проживания детей стали его камерность, закрытость, удалённость от центра города и автомагистралей: *«...прекрасная площадка, прорезиненное покрытие, горки, беседки, тренажёры для родителей, ...какие-то лестницы. Там хорошо, огорожено, ...никто не вандалит, всё как-то аккуратненько. Видеокамеры стоят, ...тем более там все свои живут, район не сильно густонаселённый»* (И5).

Помимо новых микрорайонов в городах существуют вполне комфортные старые районы, где усилиями местной общественности поддерживаются чистота и порядок. Так,

Неразвитость городских парковых зон, их непригодность для детей связана с непродолжительностью паркового сезона, соответственно, нерентабельностью деятельности предприятий.

Помимо новых микрорайонов в городах существуют вполне комфортные старые районы, где усилиями местной общественности поддерживаются чистота и порядок.

одна из участниц исследования, жительница Владивостока, замечает: «...у нас есть целый парк, он огорожен соснами, там очень много зелени, ...такой мини-сквер, где очень много детей гуляет; ...там очень хорошая площадка, качелей разных очень много, ...и возле дома у нас, возле каждого дома есть площадки, хорошие, новые, ... всё отлично... Двор у нас не загромождён машинами, у нас отдельно парковку сделали; ...хорошие жители; ...и кинотеатр есть, ...рядом с домом детский развлекательный центр» (И6).

В данной реплике содержится описание «хорошего» района, сочетающего все вышеперечисленные принципы организации общественного пространства для детей – доступность, комфортность, озеленение, внешняя привлекательность и безопасность. Однако можно заметить, что информант справедливо подчёркивает вклад жильцов микрорайона в его благоустройство. Если социальная инфраструктура района зависит от администрации, то микроклимат, порядок, чистота придомовых территорий во многом определяются отношением самих жителей. Другой участник исследования привёл пример «воспитания» семьи, переехавшей в такой «хороший» район Владивостока из так называемой «гостинки». «Воспитание» местными жителями заключалось в объяснении новосёлам, что не стоит выбрасывать мусор прямо из окон собственной квартиры.

«Хорошим» районам в описаниях родителей противостоят районы уплотнительной застройки: «Довольно большой квартал [про Лесной квартал во Владивостоке – авт.], много высотных домов, строили его, видимо, очень быстро...и непродуманно в плане того, что дома очень близко друг к другу натыканы; очень много машин, паркующихся возле домов и так, и так... Дети, снующие среди вот этих машин...» (И2).

Традиционное противостояние «центр – спальный район» вызвано неравномерным распределением культурно-досуговых и спортивных учреждений для детей: «В центр города ребёнок сам не может поехать. В центре есть и клубы, где заниматься, но его надо возить. На автобусе тоже не всегда успеешь приехать. И в школе он учится. Нужна машина, чтобы ребёнка возить в своё свободное время» (И7).

По причине отсутствия свободных площадей в центре города новые инфраструктурные объекты всё чаще выносятся на городские окраины, как, например, Фетисов-арена во Владивостоке.

Итак, город географически воспроизводит карту социального неравенства, проявляющегося «в определённой неравномерности расселения основных социальных групп по районам, которые различаются по степени жилищно-коммунального благоустройства, по уровню культурно-бытового обслуживания, по природно-техническим условиям, по воз-

Город географически воспроизводит карту социального неравенства, проявляющегося «в определённой неравномерности расселения основных социальных групп по районам...».

возможности, предоставляющейся для ведения личного подсобного хозяйства, и т. д.» [Файзуллин 1997: 112]. Наличие ресурсов открывает доступ горожан к престижным пространствам – экологически благоприятным, с развитой социальной инфраструктурой и транспортным сообщением, относительно безопасным и т. д. Горожане, не располагающие достаточными ресурсами, не участвуют в освоении престижных районов. Сегрегация по месту жительства приводит к вторичному неравенству – разным жизненным стилям в соответствии с районами проживания: «...до этого мы жили на Окатовой, где не было ничего: ни детских площадок, ни стадионов, ...ничего не было...» (И6).

Итак, все информанты отмечают преобразования городской среды. Среди положительных изменений – установка современных детских площадок, открытие спортивных площадок, хоккейных коробок, новых стадионов, создание пешеходных зон, благоустройство общественных пространств. В репликах информантов среднего возраста постоянно прослеживается сравнение современной городской среды со средой советского периода, когда детско-юношеские культурно-досуговые учреждения (музыкальные, художественные школы, дома творчества) были в каждом районе, большое количество кружков действовало на базе школ. И всё это было доступно не только физически, но и материально. В то же время общественные пространства советского периода, в оценках информантов, были стереотипными, не такими привлекательными и разнообразными, как современные.

Анализ городских сред Владивостока и Хабаровска показал развитие территорий «переднего плана исполнения». При этом у городских окраин по-прежнему имеются проблемы качества дорожных покрытий, уличного освещения, нехватки зелёных зон, детских и спортивных площадок и пр. В целом разница общественных пространств двух городов не столь существенна, поэтому можно говорить не об их противопоставлении, а о сходстве проблем и способах их решения.

Результаты исследования демонстрируют важность общественных инициатив в деле благоустройства придомовых территорий и неформальных общественных пространств. Причём эти инициативы могут принимать разные формы: от обращений и запросов к местным властям до личного финансового или трудового вклада в создание качественных территорий.

Необходимо выделить, наряду с рассмотренными принципами доступности, привлекательности, комфортности, направленности на развитие, безопасности и экологичности территорий для детей и взрослых, принцип зонирования общественных пространств. Данный принцип позволит решить проблему конфликта интересов не только разных возрастных

Результаты исследования демонстрируют важность общественных инициатив в деле благоустройства придомовых территорий и неформальных общественных пространств.

групп детей (например, дошкольников и подростков), но и разных групп пользователей (горожан с собаками, любителей экстремальных видов спорта, музыкантов и др.).

Библиографический список

Бурдые П. 2005. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя. 576 с.

Гофман И. 2000. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц. 304 с.

SAGA о городе. Трансформация общественных пространств. 2014 / под ред. Л. Воронковой, О. Паченкова. СПб.: НП-Принт. 189 р.

Сибирева М. Ю. 2011. Ранняя социализация в городской среде. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. СПб.

Файзуллин Ф. С. 1997. Социология города. СПб-Уфа: Изд-во Уфимского юридического института МВД РФ. 249 с.

Филипова А. Г. 2012а. Социальное неравенство детства в городской среде (на примере г. Комсомольска-на-Амуре) // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. № 2. С. 67–75.

Филипова А. Г. 2012б. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики. № 1. С. 79–94.

Форум Khabmama. URL: <http://khabmama.ru/forum/> [Дата посещения: 10.12.2015].

Форум Vladmama URL: <http://Vladmama.ru/forum/> [Дата посещения: 20.01.2016].

Холлоуэй С., Валентайн Дж. 2002. Пространство и детство: новые направления социальных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. М.: ИНИОН РАН. № 3. С. 105–111.

Aitken S. 2001. Geographies of Young People. London: Routledge. 232 p.

Children in the City: Home, Neighbourhood and Community. 2003 / eds. P. Christensen, M. O'Brien. London, N.Y.: Routledge. 210 p.

Nikitina-Den Besten O. N. 2008. Cars, Dogs and Mean People: Environmental Fears and Dislikes of Children in Berlin and Paris // Urban trends in Berlin and Amsterdam. / eds. K. Adelhof, B. Glock, J. Lossau, M. Schulz. Berlin: Humboldt Universität. P. 116–125.

Quortrup J. 2005. Childhood and modern society. A paradoxical relationship? // *Childhood. Critical concepts in sociology* / ed. Chris Jenks. N.Y. Vol. 1. P. 110–137.

Ward C. 1978. *The child in the city*. N.Y. 221 p.

Social Spaces and Children: Vladivostok vs. Khabarovsk

Filipova Alexandra Gennadievna

Professor of Social Sciences, Doctor of Science in sociology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: alexgen77@list.ru

Abstract. Sociological analysis of children and their urban environment is associated with its segmentation, marking out public (community) and private territories, comparing physical and social space, and determining the mechanisms that get children involved in urban community life. In this article¹ social space is examined as a space for children's everyday urban life. Social spaces are divided into formal and informal, territories supported by civil administration or by the local community, as well as adults', children's or mixed areas. The goal of this study is to analyze organizational characteristics of social spaces using two Far Eastern cities (Khabarovsk and Vladivostok) as an example: the main consideration is how well-suited they are for children. Urban environment analysis is based on six criteria – accessibility, convenience, orientation towards development, presence of green plantations, appeal and safety. Study methods include observation (with photography), non-standardized interviews with parents (N = 7), and examination of Internet-forums, namely – Vladmama, Khabmama. Analyzing social spaces in the capital cities of Khabarovsk Territory and Primorsky Krai helped determine their tendencies for development, as well as reveal their main problems. Similar development characteristics lie in the improvement of “foreground” territories (formal social spaces), the construction of modern children's and sports grounds, as well as more intense community involvement in improving territories near houses/buildings along with informal social spaces. Urban problems mainly come down to the quality of road-surfaces and street lighting, lack of green plantations and informal social spaces, and violation of material and physical accessibility principles for social spaces. While studying urban environments, another important organizational principle for social spaces was established – the zoning principle.

Keywords: children, urban, social spaces, comfort, accessibility, tendencies.

References

Aitken S. *Geographies of Young People*. London, Routledge, 2001. 232 p.

Bourdieu P. *Sociologija social'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]*. Moscow, Institut experimental'noy sociologii, SPb., Aletejja, 2005. 576 p.

Christensen P., O'Brien M., eds. *Children in the City: Home, Neighbourhood and Community*. London, New York, Routledge, 2003. 210 p.

Fayzullin F. S. *Sociologija goroda [Sociology of City]*. SPb.-Ufa, Ufimsky law institute MVD RF, 1997. 249 p.

Filipova A. G. *Social'noe prostranstvo detstva: principy markirovaniya territoriy [The Social Space of Childhood: the Principles of Marking Territory]*. *Zhurnal issledovaniy social'noy politiki*, 2012b, no 1, pp. 79–94.

Filippova A. G. *Social'noe neravenstvo detstva v gorodskoy srede (na primere goroda Komsomol'ska-na-Amure) [Childhood Social Inequality in the Urban Environment (an example of Komsomolsk-on-Amur)]*. *Uchionye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Nauki o cheloveke, obschestve i kul'ture*, 2012a, no 2, pp. 67–75.

¹ This study was carried out with financial backing by the Russian Presidential grant (№ MD-3569.2015.6).

Halloway S., Valentine S. Prostranstvo i detstvo: novye napravlenija social'nykh issledovaniy [Space and Childhood: New Directions of Social Researches]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 11. Sociologija: RG. Moscow, INION RAN, 2002, no 3, pp. 105–111.

Hoffman I. Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoy zhizni [Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow, Kanon-press-C, 2000. 304 p.

Khabmama webforum. URL: <http://khabmama.ru/forum> [date of visit 10.12.2015].

Nikitina-Den Besten O. N. Cars, Dogs and Mean People: Environmental Fears and Dislikes of Children in Berlin and Paris. Adelfhof K., Glock B., Lossau J., Schulz M., eds. Urban trends in Berlin and Amsterdam. Berlin, Humboldt Universitdt, 2008. Pp. 116–125.

Quortrup J. Childhood and modern society. A paradoxical relationship? Jenks Ch., ed. Childhood. Critical concepts in sociology. New York, 2005, Vol. 1, pp. 110–137.

SAGA o gorode. Transformacia obschestvennyh prostranstv [Saga on a City. Transformation of Social Spaces]. Saint-Petersburg, NP-Print, 2014. 189 p.

Sibireva M. Y. Rann`aja socializacija v gorodskoy srede [Early Socialization in an Urban Environment]. Avtoref. PhD. SPb., 2011.

Vladmama webforum. URL: <http://vladmama.ru/forum/> [date of visit 20.01.2016].

Ward C. The child in the city. New York, 1978. 221 p.

Т е м а н о м е р а : Социальные процессы в регионах России

Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки

Винокурова Анна Викторовна –
кандидат социологических наук,
доцент, кафедра социальных наук,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток

E-mail: vinokurova77@mail.ru

Ардальянова Анна Юрьевна –
кандидат социологических наук,
доцент, кафедра социальных наук,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток

E-mail: ardy2004@mail.ru

Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки

Аннотация

В работе рассматриваются основные тенденции, характеризующие направленность развития миграционных процессов в Приморском крае. Приморский край является уникальным субъектом Российской Федерации как относительно географического положения, так и в культурно-бытовом аспекте жизни людей, здесь также обнаруживаются негативные демографические тенденции, особая роль отводится миграционному приросту населения. В связи с этим в статье анализируются объективные и субъективные факторы, обуславливающие миграционную динамику в контексте регионального развития и в условиях социальной трансформации. Также представлены основные результаты экспертного опроса и неформализованных интервью, выявляющих отношение простых местных жителей к мигрантам и проблемам их интеграции в Приморском крае; оценки представителей различных властных структур относительно состояния проблем миграции и тенденций их развития в регионе. Проведённое исследование показало, что, с одной стороны, и эксперты, и коренные жители осознают необходимость привлечения трудовых мигрантов. С другой стороны, высказываются мнения, выражающие тревогу относительно притока трудовых мигрантов из бывших союзных республик и стран АТР. Информанты также демонстрируют высокий уровень тревожности в связи с неопределёнными собственными жизненными перспективами. Авторы делают вывод о ряде специфических черт миграции в Приморском крае в настоящее время: во-первых, меняется траектория китайской миграции, во-вторых, увеличивается приток мигрантов из бывших союзных республик. Вместе с тем, результаты опроса демонстрируют, что респонденты, оценивают отношения местных жителей и мигрантов как спокойные, что не нарушает привычной атмосферы приморских городов, отличающихся относительной толерантностью к приезжим.

Ключевые слова: миграция, миграционные стратегии, социальная трансформация, региональное развитие, трудовые мигранты, отношение к мигрантам, миграционная угроза

Глобальные перемены, происходящие в настоящее время в современном обществе, в той или иной степени затрагивают все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности. Чаще всего характерные для нынешнего социума кардинальные изменения обозначают термином «социальная трансформация». Социальная трансформация – это процесс приобретения обществом новых черт, соответствующих требованиям времени, изменениям в жизненных стандартах, образцах поведения и потребностях. Трансформационные процессы наблюдаются и в развитых, и в развивающихся странах, особенно ярко они проявляются в современных российских условиях.

В условиях развития российского социума в контексте социальной трансформации можно выделить несколько основных черт, имеющих негативную окраску. В первую очередь это неблагоприятные изменения в уровне и качестве жизни населения, сочетающиеся с продолжающимся ухудшением состояния социальной инфраструктуры. Немаловажным в данном ключе является обострение проблем занятости и повсеместное распространение дополнительной (вторичной) занятости как формы адаптации населения к обвальному снижению уровня материального благосостояния. Имеет место усиление дифференциации населения и, как следствие, более резкое расслоение, ведущее к неблагоприятным изменениям в социальной структуре общества.

К этому следует добавить, что все складывающиеся проблемные ситуации непосредственно встроены в региональный контекст. Иначе говоря, наблюдается специфическая регионализация указанных нами выше негативных социальных процессов, которые, совмещаясь с геополитическими, экономическими, социокультурными характеристиками, приобретают своеобразие и региональный колорит.

Определение приоритетов эффективного социального развития регионов требует в первую очередь всестороннего анализа и оценки динамики миграционных процессов. В качестве основных факторов внешней среды, оказывающих на них влияние, могут рассматриваться географическое расположение, особенности экономики региона, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры. Если учитывать эти характеристики по отношению к Приморью, то следует отметить, что Приморский край – весьма специфический субъект Российской Федерации. Наш регион – это портовая и приграничная зона, которая имеет непосредственный выход на страны АТР. Край максимально, по российским масштабам, удалён от европейской части страны и федерального центра. В то же время, если говорить о российском Дальнем Востоке, то Приморье является наиболее благоприятным по климатическим, экономическим и транспортным условиям среди других субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО). Вполне зако-

номерно, что Приморский край остаётся одним из наиболее заселённых дальневосточных регионов России и по сравнению с другими территориальными образованиями, входящими в ДФО, здесь имеется определённый демографический потенциал и сосредоточены наибольшие трудовые ресурсы. По предварительным данным на 1 января 2016 г., численность постоянного населения Приморского края составила 1,929 млн чел. [Основные демографические показатели... 2016]. Для сравнения, в других крупных регионах Дальнего Востока численность населения существенно ниже: в Хабаровском крае – 1,333 млн чел., в Республике Саха (Якутия) – 960 тыс. чел. [Предварительная оценка... 2016].

Всё же, несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов ДФО, в Приморье сохраняется негативная демографическая ситуация. На сегодняшний день продолжается сокращение числа жителей Приморского края. В 2014 г. численность населения уменьшилась на 5,2 тыс. чел., в 2015 – на 4,3 тыс. чел. [Основные демографические показатели... 2016]. По прогнозным оценкам Приморскстата, к началу 2017 г. население сократится до 1,920 млн чел., к 2018 г. – до 1,913 млн чел. [Прогноз численности населения... 2015].

Мы полагаем, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе в качестве основного источника демографического роста следует рассматривать миграционный прирост населения. Приморский край обладает определённой привлекательностью для трудовых мигрантов. Это в первую очередь связано с осуществлением крупных инвестиционных проектов: трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», спецморнефтепорт «Козьмино», строительство транспортного узла «Находка – Восточный», реализация проекта «Свободный порт Владивосток» и пр.

В то же время, анализируя процессы миграции и особенности поведения трудовых мигрантов, мы, разделяя мнение многих отечественных и зарубежных авторов [Ларин 2009; Крепский 2011; Егорова 2012; Самойлюк 2013; Лубяной, Морозова 2014; Арутюнова 2015; Рыбаковский 2015; Ерохина, Трифонова 2015; Bartram 2013; Westcott, Vazquez Maggio 2015], отмечаем ряд проблем, связанных с их включённостью в культурную среду принимающего сообщества. К их числу следует отнести трудности взаимодействия с местным населением, сложности профессионального определения, жилищно-бытовую неустроенность, формирование негативных эмоциональных состояний (тревожности, стресса, агрессивности, страхов), трудности некоторой части мигрантов в освоении русского языка, культуры, обычаев российского народа. Для трудовых мигрантов весьма актуальна проблема интеграции в принимающее сообщество, так как новый культурный контекст, в который переселенцы попадают, приводит к измене-

Несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов ДФО, в Приморье сохраняется негативная демографическая ситуация. В 2014 г. численность населения уменьшилась на 5,2 тыс. чел., в 2015 – на 4,3 тыс. чел.

Приморский край обладает определённой привлекательностью для трудовых мигрантов. Это в первую очередь связано с осуществлением крупных инвестиционных проектов.

ниям, переживаемым в процессе адаптации. Эффективность и позитивное направление этого процесса зависят от множества внешних и внутренних факторов, в том числе и от отношения общественности к трудовым мигрантам, восприятия проблем миграции представителями власти.

Именно поэтому нам представилось целесообразным проведение исследования, выявляющего отношение простых жителей Приморского края и представителей различных властных структур регионального уровня к мигрантам и проблемам их интеграции в регионе. Исследование носило разведывательный характер. Оно проводилось в сентябре 2015 г. Основные методы сбора информации – экспертный опрос и неформализованное интервью. В качестве экспертов были опрошены руководители разных уровней, работающие в региональных органах власти, в том числе и в силовых структурах, а также представители академического и вузовского сообщества. Всего было опрошено 17 экспертов, которые согласились принять участие в исследовании на условиях строгой анонимности без конкретизации их места работы и должности. Экспертный опрос был дополнен 30 неформализованными интервью с коренными жителями Приморского края, проживающими в наиболее крупных городах Приморья – во Владивостоке и Находке.

Все эксперты, принявшие участие в опросе, единодушны в вопросах воспроизводственных возможностей регионального демографического потенциала Приморского края. При сложившейся демографической структуре ожидать существенного роста численности населения региона не приходится. Также экспертами отмечается, что для значительного числа приморцев характерен низкий жизненный уровень, т. е. материально-экономические проблемы выдвигаются на первый план.

Это подтверждают и рядовые жители Приморского края, которые в своих интервью говорили о том, что *«едва сводят концы с концами»* или *«живут за гранью бедности»*. Следовательно, отрицательный естественный прирост и снижение рождаемости в крае во многом объясняются неудовлетворительным материальным положением и чувством растущей нестабильности в регионе, как и в целом по стране. Жители Приморья характеризуют деторождение как несвоевременное; данное мнение сопровождается такими комментариями, как: *«неизвестно, что будет завтра»*, *«нужно работать и зарабатывать, о детях будем думать потом»*. В отношении рождения второго и последующих детей часто звучит такое мнение: *«первого бы на ноги поставить (выучить, обеспечить)»*.

Значительная часть наших информантов продемонстрировала высокий уровень тревожности в связи с неопределёнными жизненными перспективами. Стресс, вызываемый бедностью, снижением доходов и отсутствием возможностей

Жители Приморья характеризуют деторождение как несвоевременное.

для их повышения, усилился настолько, что многие, особенно молодёжь, выражают намерение переехать из Приморья в другой, более благополучный регион.

Таким образом, можно предположить, что одной из насущных проблем для Приморского края в условиях эффективного социально-экономического развития является стимулирование воспроизводства собственного населения. И, в данном контексте, мы разделяем мнение экспертов, что в ближайшее время невозможно добиться улучшения демографической ситуации за счёт естественного прироста, трудно ожидать при наблюдаемой кризисной ситуации в экономике бурного роста рождаемости. Возможно, как отмечают эксперты, действительно *«имеет смысл снять препоны для притока трудовых мигрантов в Приморье»*.

Ранее в качестве одного из базовых векторов демографического развития Приморья рассматривалась миграция из КНР. Некоторые эксперты говорили о «китайской экспансии» и возможной дезинтеграции региона в условиях отсутствия последовательной государственной политики по укреплению позиций России в АТР. Наши информанты приводили различные примеры, характеризующие, на их взгляд, *«китайские планы переселения избыточного населения северо-восточных провинций в Приморский край»*. Высказывалось мнение, что Китай стимулирует проникновение своих граждан на российскую территорию. А главной целью китайского проникновения в Россию является интеграция в хозяйственную деятельность и создание экономических и правовых предпосылок для легального захвата территории.

А вот представители академического и вузовского сообществ, наоборот, сходятся во мнении, что опасность «жёлтой угрозы» миновала: *«...этот поток введён в управляемое русло, ожидать большого притока рабочих рук из Китая не приходится. Мы «отбили» охоту у китайцев работать в России, особенно после участия в строительстве объектов АТЭС во Владивостоке. И объективно у Китая «свободных рук» становится всё меньше, высвобождаемая рабочая сила в сельской местности становится всё более востребованной в городах...»*. Речь также идёт об изменении траектории китайской миграции, которая меняется в пользу центральных регионов России: *«Приморье становится неким научно-образовательным трамплином для китайских мигрантов, налаживая связи с нашими вузами и научными организациями, через некоторое время бывшие китайские студенты поступают в аспирантуры уральских и сибирских вузов, а вузы Китая заключают договора о научно-техническом сотрудничестве с академическими институтами в центральных регионах России»*. Так, из более чем полутора тысяч иностранных студентов Дальневосточного федерального университета

Ранее в качестве одного из базовых векторов демографического развития Приморья рассматривалась миграция из КНР.

Представители академического и вузовского сообществ сходятся во мнении, что опасность «жёлтой угрозы» миновала.

около трети составляют граждане Китая, на втором месте по численности стоят представители Узбекистана, на третьем – Украины. Это подтверждают и специалисты региональных властных структур, которые отмечают, что в настоящее время основными целями прибытия китайских граждан в Приморье являются обучение и туризм.

Гораздо большую обеспокоенность и у коренного населения, и у представителей приморских властей вызывает поток мигрантов из бывших союзных республик, в первую очередь из государств Средней Азии. В течение последних лет, начиная с 2010 г., по количеству прибывающих мигрантов лидируют граждане Узбекистана. Очень показательна в этом отношении цитата одного из наших экспертов: *«... по роду своей деятельности всегда думала, что нас погубят китайцы... ан, нет... гораздо большая сила у выходцев из Средней Азии, едут и едут, прямо полные эшелоны...»*. Это эмоциональное высказывание подтверждают и сухие цифры отчётности. По официальным данным УФМС по Приморскому краю, граждане Узбекистана в последние два года вытесняют всех остальных мигрантов [В гостях как дома... 2013].

Ещё одной тенденцией современных миграционных процессов в Приморье является приток граждан Украины. При этом жители Приморского края, как и жители иных регионов России, толерантны к вынужденным переселенцам с Украины. По результатам опроса, проведённого Фондом «Общественное мнение», значительная часть респондентов (81% опрошенных) считают, что Россия должна бесплатно предоставлять беженцам с Украины временное жильё, питание, медицинскую помощь [Украинские беженцы... 2015]. В своих суждениях и оценках жители Приморья не столь категоричны, но, в целом, опрашиваемые указывают на то, что положительно относятся к украинским беженцам и переселенцам, одобряют политику власти в отношении оказания помощи данной группе мигрантов.

Следует отметить, что именно в описании ответов на конкретный вопрос видны преимущества неформализованного качественного исследования. Так, на вопрос: «Как вам кажется, должны ли власти принимать в Вашем городе переселенцев и беженцев с Украины?» большинство наших информантов ответили утвердительно. Но особый интерес представляет не сам ответ, а тот комментарий, который даёт респондент в отношении заданного вопроса. Наиболее часто встречались такие комментарии, как: *«они братья по вере»*, *«только из дружественных нам регионов»*, *«как и любых других беженцев и переселенцев»*, *«нужно же заселять регион»*. Таким образом, приморцы видят в приёме украинцев на дальневосточной земле не только и не столько солидарность с украинским народом, а, скорее, политическую, имиджевую необходимость и даже

В течение последних лет, начиная с 2010 г., по количеству прибывающих мигрантов лидируют граждане Узбекистана.

Ещё одной тенденцией современных миграционных процессов в Приморье является приток граждан Украины. При этом жители Приморского края толерантны к вынужденным переселенцам.

некоторую выгоду для своей территории. Украинских мигрантов жители Приморья оценивают как «своих», не нуждающихся в особых условиях проживания или оказании специальной помощи и поддержки.

Совсем иные оценки даются в отношении трудовых мигрантов из Средней Азии. Так, среди слов, которые, по мнению наших респондентов, чаще всего употребляются в отношении выходцев из среднеазиатских республик, очень распространены эпитеты, имеющие негативную окраску: «чурки», «чурики», «чуры», «чуркменистан», «чуркобесьё». Особое место в лингвистическом описании трудовых мигрантов занимают телегерои сериала «Наша Раша», транслируемого каналом ТНТ, – Равшан и Джамшут («равшан» – 14 упоминаний, «джамшут» – 9 упоминаний, «молдавашки» – 3 упоминания).

Всё это свидетельствует о неодобрительном, насторожённом отношении к трудовым мигрантам этой категории. Вот характерные комментарии: *«У нас, конечно, нет такого, как в Москве, других больших городах, но всё равно их всё больше и больше становится...»*, *«Очень много разного чуркобесья, водители автобусов – узбеки, дворники – узбеки, продавцы в продуктовых ларьках – тоже...»*, *«Иной раз вечером домой возвращаешься и как-то некомфортно становится, если навстречу тебе такая вот компания южных парней попадается...»*. При этом чётко определить, что именно их настораживает в мигрантах из Средней Азии, наши информанты затруднились. Практически все опрошенные оценивают отношения местных жителей и мигрантов как спокойные. Эксперты говорят об отсутствии каких-либо обоснованных сведений, подтверждающих мнение о том, что трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Даже суждение о том, что приезжие отнимают рабочие места у коренного населения и среди экспертов, и среди обывателей не находит широкого распространения. При ответе на вопрос: *«Предположим, что Вы оказались безработным. Возможно ли, что Ваше рабочее место будет отдано трудовому мигранту?»* подавляющее большинство респондентов высказались о том, что трудовые мигранты из Средней Азии не являются их конкурентами на рынке труда. Приведём некоторые примеры: *«...да ну что вы,... они же толком русского языка не знают, как смогут на моём месте работать?..»*, *«...узбек – матрос... очень интересно, но маловероятно...»*, *«...у нас берут только тех, у кого есть высшее образование, а у них его нет...»*, *«...вот наняли их ремонт делать,... понаделали они... Нас же потом и позвали электропроводку переделывать... Скупой платит дважды...»*.

При этом многие приморцы из числа работодателей отмечают, что скорее бы приняли на работу бригаду мигрантов, нежели наняли местных жителей: *«Моё место мигрант не*

Практически все опрошенные оценивают отношения местных жителей и мигрантов как спокойные.

Многие приморцы из числа работодателей отмечают, что скорее бы приняли на работу бригаду мигрантов, нежели наняли местных жителей.

займёт, но я бы на работу мигрантов принял. Узбек весь день работает, не присядет, а у наших то перекуры, то перекусы». Положительно оценивая работу мигрантов, жители Приморья высказывают следующие мнения и суждения: «косячат, но учатся быстро», «будут знать язык, будут хорошо работать», «мне узбеки не конкуренты, а вот с моими детьми их дети уже, наверное, будут на равных».

В то же время нами был выявлен очень примечательный факт. По мнению наших информантов, мигранты с Украины вполне могут составить конкуренцию на рынке труда коренным приморцам уже сегодня. Вот яркие иллюстрации: «Я – фотограф... Так вот, приехали какие-то парни из Луганска и как-то смогли утвердиться на нашем сегменте рынка, перехватили самые лучшие и денежные заказы – школы, садики... Могут нас подвинуть...», «Хожу на фитнес, группу ведёт девочка из Донецка, некоторые тренеры недовольны, типа, понаехали, работать спокойно не дают...», «У нас в бригаду докерами взяли двух парнишек из Мариуполя. Конечно, надо им помочь, но у нас и своих желающих на такие места более чем достаточно...».

Эта позиция вполне объяснима. У мигрантов с Украины, в отличие от выходцев из Средней Азии, имеется высокий уровень владения русским языком, хорошая профессиональная подготовка, применительно не только к сфере материального производства и услуг, но к сугубо интеллектуальному труду. Как отмечают наши эксперты, представители вузов Донецка успешно работали в качестве приглашённых профессоров в Дальневосточном федеральном университете.

Таким образом, возникает ситуация, при которой скорейшая интеграция мигрантов в социально-экономическое пространство Приморского края зависит от уровня их образования и знания языка. Но при этом увеличивается вероятность высокой конкуренции на рынке труда в части рабочих специальностей, а в дальнейшем и их закрепление в сфере высокотехнологичного производства и интеллектуального труда. Эта тенденция не может не настораживать, и отражена как в мнениях экспертов, так и в суждениях простых приморцев.

Итак, по оценкам наших экспертов и информантов, миграционная ситуация в Приморье и проблемы, связанные с мигрантами, показывают, что важно избегать распространения общественных предубеждений в отношении мигрантов. Следует повышать качество информирования граждан о порядке, объёмах, обоснованности привлечения иностранной рабочей силы. При этом необходимо разъяснять задачи миграционной политики, в средствах массовой информации публиковать обзоры о требуемом количестве рабочих рук в конкретных отраслях и сферах занятости. Такая информационная работа будет препятствовать распространению бытовых стереотипов о приезжих как о непрошенных, нежелательных и даже опасных гостях.

Практика проведения экспертного опроса в сочетании с неформализованным интервью позволяет получить более чёткую картину восприятия общественным сознанием трудовых мигрантов. Так, например, весьма ценными, на наш взгляд, являются одобрительные либо отрицательные невербальные реакции на упоминания национальностей мигрантов, приведение собственных примеров и личная оценка миграционной ситуации в регионе. Комплексный анализ различных компонентов качественного исследования миграционной ситуации в Приморском крае открывает исследователю возможность моделирования процесса интеграции мигрантов в принимающее региональное сообщество.

Библиографический список

Арутюнова Е. М. 2015. Межэтническое согласие в контексте политических ориентаций (опыт московского региона) // Вестник Института социологии. № 3 (14). С. 93–105. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2015_14.pdf [Дата посещения: 7.02.2016].

В гостях как дома. Интервью руководителя УФМС по Приморскому краю М. Белобородова «Российской газете». 2013 // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2013/10/17/reg-dfo/migranty.html> [Дата посещения: 9.02.2016].

Егорова Е. Ю. 2012. Адаптация и интеграция мигрантов в России // Учёные записки Российского государственного социального университета. № 1. С. 26–27.

Ерохина Л. Д., Трифонова Г. А. 2015. Новые маршруты миграции в Приморском регионе // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (11–13 ноября 2015 г.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та. С. 227–229.

Крепский А. П. 2011. Миграционные процессы на Дальнем Востоке: от регулирования к управлению // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3. С. 43–47.

Ларин А. Г. 2009. Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Восточная книга. 512 с.

Лубяной М. С., Морозова Н. М. 2014. Межэтнические отношения как элемент социального развития // Вестник Института социологии. № 1 (8). С. 56–75. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_8/Lubyanoi.pdf [Дата посещения: 9.02.2016].

Основные демографические показатели. 2016 // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю.

URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/6ee4a48048e13710b1c8f1f7eaa5adf2/2015.htm [Дата посещения: 7.02.2016].

Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2016 года и в среднем за 2015 год. 2016 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ [Дата посещения: 25.01.2016].

Прогноз численности населения. 2015 // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/71158a804f1b904092389a149d0ea7d8/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7+%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_2014.htm [Дата посещения: 25.01.2016].

Рыбаковский Л. Л. 2015. Депопуляция и этнические аспекты в России // Социологические исследования. № 4. С. 18–28.

Самойлюк Н. В. 2013. Незаконная миграция и региональная безопасность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 3. С. 43–50.

Украинские беженцы в России // Официальный сайт некоммерческой организации Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Mir/12084> [Дата посещения: 9.02.2015].

Bartram D. 2013. Happiness and economic migration: A comparison of Eastern European migrants and stayers // Migration Studies. Vol. 1. Issue 2. P. 156–175.

Westcott H., Vazquez Maggio L. 2016. Friendship, humour and non-native language: Emotions and experiences of professional migrants to Australia // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 42. Issue 3. P. 503–518.

Migrants in Primorye: Opinions, Judgment, Evaluation

Vinokurova Anna Viktorovna

Candidate of sociology sciences, associate professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: vinokurova77@mail.ru

Ardalyanova Anna Yuryevna

Candidate of sociology sciences, associate professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: ardy2004@mail.ru

Abstract. This article examines the key tendencies characterizing the direction in which migration processes are developing in the Primorsky Krai. The Primorsky Krai is a unique region of the Russian Federation, both in terms of its geographic location and cultural/everyday aspects of its populace's life. Certain negative demographic tendencies are evident here as well, which mainly lie in positive migration balance. Given such context this article analyzes objective and subjective factors that determine migration dynamics in light of regional development and under conditions of social transformation. Also presented are basic results of an expert survey and non-formal interviews, which expose ordinary natives' attitude towards migrants, as well as the matter of their integration into the Primorsky Krai; also cited is evaluation (by people who represent several different branches of authority) of the current state of regional migration problems and their development trends. The study shows that, on one hand, both experts and natives realize that attracting migrant workers is a necessity. On the other hand, certain people express their uneasiness concerning the current migrant worker influx from former Soviet republics and countries of the Asia-Pacific region. Informants also seemed to be very alarmed on account of the uncertainty of their own life prospects. The authors conclude that a series of peculiar qualities currently characterizes the Primorsky Krai's migration situation: first of all, the direction for Chinese migration is changing, and second – an increase in migration from former Soviet republics is taking place. At the same time survey results show that respondents tend to characterize the relationship between locals and migrants as "peaceful": this is in tune with the usual atmosphere of maritime towns, which are known to be quite tolerant towards newcomers.

Keywords: migration, migration strategies, social transformation, regional development, relationship towards migrants, migration threat.

References

Arutiunova E. M. Mezhetnicheskoe soglasie v kontekste politicheskikh orientatsiy (opyt moskovskogo regiona) [Inter-ethnic Accord in the Context of Political Orientations (the Experience of the Moscow Region)]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2015, no 3 (14), pp. 93–105. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2015_14.pdf [date of visit 7.02.2016].

Bartram D. Happiness and economic migration: A comparison of Eastern European migrants and stayers. *Migration Studies*, 2013, Vol. 1, Issue 2, pp. 156–175.

Westcott H., Vazquez Maggio L. Friendship, humour and non-native language: Emotions and experiences of professional migrants to Australia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2016, Vol. 42, Issue 3, pp. 503–518.

V gostiah kak doma [On a visit as at home]. Interviu rukovoditelia UFMS po Primorskemu kraju M. Beloborodova «Rossijskoy gazete». "Rossiyskaja gazeta" journal official website. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/17/reg-dfo/migranty.html> [date of visit 9.02.2016].

Egorova E. Y. Adaptacija i integracija migrantov v Rossii [Adaptation and Integration of migrants in Russia]. *Uchionye zapiski RGSU*, 2012, no 1, pp. 26–27.

Erohina L. D., Trifonova G. A. Novye marshruty migracii v Primorskom regione [New Ways of Migration in Primorsky Region]. *Problemy modelirovanija social'nykh processov: Rossija i strany ATR. Materialy Vserossijskoy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (11–13th november 2015)*. Vladivostok, DFU publication, 2015. Pp. 227–229.

Krepisky A. P. Migracionnye processy na Dal'nem Vostoke: ot regulirovanija k upravleniju [Migration processes at Far East: from Regulation to Management]. *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2011, no 3, pp. 43–47.

Larin A. G. Kitayskie migranty v Rossii: istorija i sovremennost' [Chinese migrants in Russia: History and Modernity]. Moscow, Vostochnaja kniga, 2009. 512 p.

Lubianoy M. S., Morozova N. M. Mezhetnicheskie otnoshenija kak element social'nogo razvitija [Inter-ethnic Relations as an Element of Social Development]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2014, no 1 (8), pp. 56–75. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_8/Lubyanoi.pdf [date of visit 9.02.2016].

Osnovnye demograficheskie pokazateli 2016 [Main demographic indicators 2016]. Primorsky branch of Rosstat official website. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/6ee4a48048e13710b1c8f1f7eaa5adf2/2015.htm [date of visit 7.02.2016].

Predvaritel'naja ocenka chislennosti postojannogo naselenija na 1 janvaria 2016 goda i v srednem za 2015 god [Preliminary assessment of resident population at January 1, 2016 and for the year 2015 average]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ [date of visit 25.01.2016].

Prognoz chislennosti naselenija [Forecast of population]. Primorsky branch of Rosstat official website. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/71158a804f1b904092389a149d0ea7d8/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7+%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_2014.htm [date of visit 25.01.2016].

Rybakovsky L. L. Depopuliacija i etnicheskie aspekty v Rossii [Depopulation and the ethnic aspects in Russia]. Sociologicheskie issledovanija, 2015, no 4, pp. 18–28. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_4/Rybakovskiy.pdf [date of visit 25.01.2016].

Samojliuk N. V. Nezakonnaja migracija i regional'naja bezopasnost' // Oykumena. Regionovedcheskie issledovanija, 2013, no 3, pp. 43–50.

Ukrainskie bezhency v Rossii [Ukrainian Refugees in Russia]. Official website of «Obschestvennoe mnenie» Foundation (FOM). URL: <http://fom.ru/Mir/12084> [date of visit 9.02.2015].

Т е м а н о м е р а : Социальные процессы в регионах России

Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий

Посухова Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

E-mail: belloks@yandex.ru

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Южнороссийский филиал ИС РАН, Ростов-на-Дону

E-mail: avserikov@sfedu.ru

Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий

Аннотация

В статье приведены данные, полученные в ходе реализации поискового социологического опроса «О насущных вопросах нашей жизни», реализованного в рамках плановой темы: «Изучение динамики изменений социально-экономической и социально-политической ситуации в регионах Южного федерального округа». Несмотря на то, что исследование было построено на инструментари и методологии, разработанных учёными Института социологии РАН, наш региональный проект можно назвать поисковым, поскольку теоретическая модель исследования и ключевые исследовательские вопросы не разрабатывались нами с самого основания, а были имплицитно заимствованы у московских коллег. В данной статье проанализированы особенности адаптационных процессов регионального сообщества в условиях санкций и экономического кризиса, что позволило выделить две базовые стратегии в решении жизненных проблем: активная и пассивная. При этом фиксируется устойчивость доли респондентов, предпочитающих индивидуализированные и целенаправленные (сохранить уровень дохода, качество жизни) адаптационные стратегии. Установлено, что в авангарде важных жизненных ориентиров, доминирует ориентация на стабильность, в зоне же явных аутсайдеров находится участие в политике, общественных и политических организациях, что объясняется зафиксированным недоверием к данным социальным институтам. В настоящее время продолжает сохраняться тенденция, при которой, несмотря на все попытки придать социальному протесту в России политическое звучание, направить его на подрыв легитимности основных институтов государства, массовый протестный потенциал оказался лишь ограниченно политизирован. Но необходимо отметить определённую радикализацию части населения – тех, кто готов отстаивать свои права с оружием в руках.

Ключевые слова: социальное самочувствие, повседневность, жизненные интересы, конфликтогенный потенциал, национальная безопасность, протестные настроения, тревожность

Цели нашего проекта заключались в поиске отличительных, характерных для южного региона тенденций, а также одновременном дополнении тех данных, которые были получены за последние годы в ходе реализации ряда значимых социологических проектов: «Двадцать лет реформ глазами жителей Ростовской области», «Казачество как этносоциальный феномен современной России», «Армянские диаспоры Юга России: социологический портрет и проблемы идентичности», «Формирование региональной идентичности донского сообщества: ценности, нормы, традиции», «Молодая семья в Ростовской области», «Патриотическое воспитание молодёжи в Ростовской области», «Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области» и др.

Конкретной задачей данной статьи стало выявление адаптационных процессов регионального сообщества в условиях санкций и экономического кризиса.

В этой связи оценка респондентами своего социально-экономического положения является важнейшей составляющей социального самочувствия. В значительной мере от фактора социально-экономического положения, включая его субъективную оценку, зависит политическая устойчивость и способность государства и общества быть консолидированными, поступательно развиваться, эффективно противостоять угрозам.

Жизненные интересы и установки жителей Ростовской области

Современные отечественные учёные отмечают, что социальная реальность российского общества претерпевает существенные изменения. В первую очередь это прослеживается в отношении к базовым социальным институтам – семье, труду, образованию, власти [Чупров, Зубок, Романович 2015]. Происходит становление нового социокультурного механизма формирования отношения к изменяющейся социальной реальности, и очень важное место в этом процессе занимают жизненные интересы, ценностные ориентации как факторы, его обуславливающие.

Повседневность человека складывается из совокупности регулярных социальных практик, направленных на создание условий комфортного существования. Комфортные условия жизнедеятельности напрямую зависят от осознания степени важности тех или иных жизненных ориентиров. Высшую по степени важности пятёрку лидеров жизненных ориентиров для жителей Ростовской области составляют: *финансовое благополучие (60,6%), работа и бизнес (57,8%), образование (50,9%), создание семьи и рождение детей (50,6%), самореализация*

Высшую по степени важности пятёрку лидеров жизненных ориентиров для жителей Ростовской области составляют: финансовое благополучие (60,6%), работа и бизнес (57,8%), образование (50,9%), создание семьи и рождение детей (50,6%), самореализация и проявление себя (49,4%).

и проявление себя (49,4%). Центральное положение занимают такие ориентиры, как *жизнь в более справедливом обществе* (49%), *дружба и общение* (44,9%), *интересная жизнь, развлечения и путешествия* (39,2%), *карьера* (39,1%), *любовь и секс* (34,4%). Заключительными по степени важности являются ориентации: *быть полезным обществу* (32,6%), *признание и уважение со стороны окружающих* (31,2%), *следование идеалам, принципам и ценностям* (29,3%), *обретение важных знакомств и связей* (24,4%), *доступ к информации и общение в социальных сетях* (22,2%), *музыка и культура* (20,9%). Как видно, в авангарде доминирует ориентация на стабильность (защищённый тыл и возможности для самореализации), которую, несмотря на уверенность в хорошей ситуации «здесь и сейчас», можно объяснить желанием создания «подушки безопасности» на будущее. Это можно интерпретировать как недостаточность социальных ресурсов для обеспечения стабильного спокойствия.

Во втором блоке в основном сконцентрированы жизненные интересы, направленные на создание лёгкой, интересной и динамичной повседневности. Заслуживает внимания такая жизненная позиция, как *«жить в более справедливом и разумно устроенном обществе»*. С одной стороны, в массиве всех ответов «очень важно», данная позиция не является лидирующей. Но это вторая позиция после *финансового благополучия*, которая не важна всего лишь для 0,8% опрошенных жителей Ростовской области. Это означает, что в массовом сознании жителей ростовского региона не сложилось представление о российском обществе как об обществе справедливости. И этот запрос остаётся актуальным.

Привлекает к себе внимание, что такой жизненный интерес, как *участие в политике, политических и общественных организациях*, не важен почти для четверти опрошенных (23,6%), при том, что очень важен всего лишь для 13,3% жителей Ростовской области. Сложившуюся ситуацию в массовом сознании донских жителей накануне региональных выборов (губернатора, депутатов в Городскую думу), сложных взаимоотношений России с мировыми державами, сложившейся дипломатической ситуацией с Украиной и присоединением Крыма, можно охарактеризовать как инертную, аполитичную. Объяснение этому видится в стремлении не впускать в свой жизненный мир, в свою повседневность конфликтные ситуации, не имеющие однозначной интерпретации (что объясняется высоким уровнем недоверия к СМИ) и требующие высокой политической ответственности и активности.

Аполитичность жизненных интересов можно объяснить и зафиксированными ответами на вопрос, как лично респонденты готовы реагировать на ухудшение жизни. Только 3,2% опрошенных при наступлении ухудшения жизненной

Такой жизненный интерес, как участие в политике, политических и общественных организациях, не важен почти для четверти опрошенных (23,6%), а очень важен лишь для 13,3% жителей Ростовской области.

ситуации готовы вступить в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов; всего лишь 3,8% жителей области будут отстаивать свои интересы через профсоюзные организации; 6,3% примут участие в митингах, демонстрациях и голодовках. Сложившаяся непопулярность структур, основная цель которых – представление и защита интересов граждан, объясняется высоким уровнем недоверия и определённым кризисом данных политических институтов, которые зафиксированы в нашем исследовании (партиям и профсоюзам не доверяют 42,0 и 45,5% соответственно). Силловые методы решения жизненных проблем непопулярны – только 7% опрошенных готовы взяться за оружие для отстаивания своих интересов. С одной стороны, это свидетельствует о том, что революционные потрясения нашему региону не страшны. С другой стороны, данные говорят о том, что имеется пласт радикально настроенных дончан (для которых применение оружия не является преступлением, а правовой нигилизм допустим), и их можно рассматривать как источник конфликтного потенциала.

Серьёзной ресурсной базой, способствующей таким радикальным вариантам, как внутренняя и внешняя миграция, выступает, на первый взгляд, незначительная часть жителей региона: *примут решение о переезде в другую страну 7,6%; в другой регион страны 13,9%*. К переезду, как правило, готовы две группы: обладающие существенными ресурсами и потенциалом и те, кому терять нечего. Но доминирующей всё же является социально-активная часть населения, обладающая достаточно серьёзным социальным капиталом. А это означает, что такой потенциальный отток не может не сказаться на региональной стабильности и социально-экономическом развитии.

Лишь незначительная часть опрошенных продемонстрировали полную пассивность в решении данного вопроса: *готовы терпеть дальше 2,5% и ничего не будут предпринимать* только 1,9% опрошенных жителей.

При значительном ухудшении жизненной ситуации доминирующая часть опрошенных рассчитывают только на свои силы: 58,2% жителей Ростовской области выход видят в поиске дополнительных источников заработка. Неопределённость в решении данного вопроса характерна для 24,1% респондентов.

Таким образом, прослеживаются две базовые стратегии в решении жизненных проблем: активная и пассивная. При этом активная подразделяется на активность с уже имеющейся палитрой действий и неопределённую активность, когда готовы что-то предпринять, но ещё не знают, что. Так называемая неопределённая активность обладает двойственным потенциалом: в зависимости от выбранного решения она может быть

При значительном ухудшении жизненной ситуации доминирующая часть опрошенных рассчитывают только на свои силы: 58,2% жителей Ростовской области выход видят в поиске дополнительных источников заработка.

конструктивной или деструктивной, т. к. потенциально может содержать в себе и силовые способы. Распределения ответов на этот вопрос представлены в [таблице 1](#).

Таблица 1
Реакция респондентов на ухудшение жизненных условий, %

Вступлю в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	3,2
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	3,8
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	6,3
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	7,0
Приму решение о переезде в другой регион страны	13,9
Приму решение о выезде из России в другую страну	7,6
Буду искать дополнительные источники заработка	58,2
Никак не буду реагировать, буду терпеть дальше	2,5
Что-то предприму, но что, ещё не решил	24,1
Ничего предпринимать не буду	1,9
Затрудняюсь ответить	20,3

В жизни человека существенное значение имеет отношение к событиям, протекающим на макросоциальном уровне, формирующим жизненные интересы и выступающим основанием для отбора актуальных социальных практик. Наибольшую тревогу у опрошенных жителей области вызывают социально-экономические проблемы (рост цен на товары и услуги (52,5%), жилищно-коммунальный кризис и рост платежей (51,3%), сокращение доступа к бесплатному образованию, медобслуживанию (34,2%), низкий уровень жизни значительной части населения (28,5%), безработица (25,9%). Одной из первостепенных проблем является также и правовая ситуация: у более трети опрошенных наибольшую тревожность вызывают коррупция и бюрократия (37,3%), низкая гражданская и правовая культура, неумение бороться за свои права (31,0%). Социокультурными проблемами озабочена также значительная доля опрошенных, у более четверти опрошенных тревогу вызывает снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей (25,9%), рост алкоголизма и наркомании (25,3%). Вопросы национальной безопасности и межэтнических отношений также вызывают тревогу, но она существенно ниже, чем тревога по отношению к социально-экономической ситуации в стране: возможность новых терактов и распространение исламского экстремизма беспокоит по 7% опрошенных соответственно, быстрое вымирание населения России – 15,8%, рост нерусского населения в традиционно русских областях – 17,1% респондентов. В результате проведённого исследования отмечается и тревожность по отношению к политической ситуации: охлаждение отношений России с Западом беспокоит

19,0% жителей области, что объясняет рост патриотизма за последние два года. Сохранением напряжённой ситуации на Украине и вокруг неё озабочены 24,7% респондентов, что можно объяснить приграничным положением Ростовской области (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Оценка респондентами степени тревожности
в отношении событий и процессов,
происходящих в последнее время в России, %**

Низкая гражданская и правовая культура людей, неумение бороться за свои права	31,0
Быстрое вымирание населения России	15,8
Охлаждение отношений России с Западом	19,0
Ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ	8,9
Кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей	51,3
Низкий уровень жизни значительной части населения	28,5
Сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению	34,2
Рост цен на товары и услуги	52,5
Наличие межнациональных противоречий в обществе	10,8
Рост алкоголизма, наркомании	25,3
Коррупция, засилье бюрократии	37,3
Безработица	25,9
Рост нерусского населения в традиционно русских областях	17,1
Рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных	11,4
Рост преступности, в том числе среди детей и подростков	13,9
Снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей	25,9
Возможность новых терактов	7,0
Реформирование пенсионной системы, системы льгот	5,7
Сохранение напряжённой ситуации на Украине и вокруг неё	24,7
Распространение исламского экстремизма	7,0
Другое	1,9

Проведённое исследование позволило также выявить установки, характеризующие активную и пассивную (инертную) жизненные позиции (см. таблицу 3). В ростовском регионе доминирует активная жизненная позиция, предполагающая готовность к переменам, независимости от государства в социальных вопросах, осознанию индивидуальной ответственности за свою жизнь, инициативности и постоянному поиску нового, что в целом соответствует общероссийским тенденциям. При этом необходимо отметить, что в ростовском регионе группа «самодостаточных дончан» (59,5%) превышает данные по России в целом (44%). Если по России без помощи

В ростовском регионе группа «самодостаточных дончан» (59,5%) превышает данные по России в целом (44%).

государства не смогут прожить 56% россиян, то в Ростовской области этот показатель ниже – в помощи государства нуждаются 40,5% опрошенных. Это свидетельствует о том, что «самодостаточные дончане», так же как и «самодостаточные россияне», находятся не на социальных задворках, а являются существенной по масштабу социальной группой, представляющей собой тренд на формирование активисткой доминанты в российском обществе. Наличие «самодостаточных дончан» является опорой стабильности в нынешней непростой социально-политической и социально-экономической ситуации. В условиях, когда перед государством стоит задача выбрать новый вектор экономической политики, требующей перехода в режим экономии, трудности в первую очередь проявятся в реализации социальных программ. Поэтому важно наличие в обществе социальных групп, которые могут обеспечить свою жизнедеятельность без оглядки на государство и вне зависимости от него.

Таблица 3

Альтернативные суждения респондентов, в отношении которых проявлена наибольшая степень согласия в оценке своей жизненной позиции (% по парам суждений)

Я смогу сам(а) обеспечить себя и свою семью, и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	59,5
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	40,5
Мне нравятся перемены, жизнь в меняющемся обществе	63,1
Все перемены к худшему, пусть жизнь остаётся такой же, как и прежде	36,9
Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – всё в его руках	67,5
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	32,5
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	72,0
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	28,0
Чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	69,4
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	30,6

Доминирование активной жизненной позиции обусловлено сложившимися ценностными ориентирами, в которых индивидуализм превалирует над коллективизмом; стремление к свободе, интересной работе доминирует над материальными ценностями; наличие частной собственности осознаётся как условие свободы/несвободы (см. таблицу 4).

Незначительные различия (в пределах 5%) наблюдаются в оценке таких пар альтернативных суждений, как гуманность по отношению к обездоленным и признание бедности справедливой. «Полезность обществу» против «жизни

как хочется» свидетельствует о том, что, несмотря на чётко сформированную активную жизненную позицию, в основании которой в большей степени лежат индивидуалистические ценности, она всё же предполагает включённость в общество, ориентацию на него и актуализацию своей социальной значимости.

Таблица 4

**Альтернативные суждения респондентов,
в отношении которых проявлена наибольшая степень согласия
в оценке своих ценностных ориентаций (% по парам суждений)**

Людам следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	42,4
Личные интересы – это главное для человека	57,6
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	63,1
Главное в работе – это сколько за неё платят	36,9
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	71,2
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	28,8
Только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным	66,0
По-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности, собственность лишь закабалает человека	34,0
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо	52,9
Надо проявлять гуманность: те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	47,1
Хотел бы быть полезным государству и обществу	52,9
Хотел бы жить так, как хочется	47,1

Таким образом, по результатам исследования можно говорить о наличии двух моделей социальной адаптации: активной и пассивной, при этом отмечается доминирование в массовом сознании жителей Ростовской области активной жизненной позиции, что обусловлено усилением позиций «самодостаточных дончан». В авангарде важных жизненных ориентиров, доминирует ориентация на стабильность, которую, как было сказано выше, можно объяснить желанием создания «подушки безопасности» на будущее. Возможно, ощущается недостаточность социальных ресурсов для обеспечения стабильного спокойствия, что выражается в поддержке гуманистических ориентиров по отношению к обездоленным, а не жёстком отказе от них. В зоне явных аутсайдеров находится такой жизненный интерес, как участие в политике, общественных и политических организациях, что объясняется зафиксированным недоверием к данным социальным институтам.

Протестные настроения и уровень экстремизации населения в Ростовской области

Проблематика, связанная с социальным и политическим протестом, несмотря на определённую консолидацию российского общества в рамках так называемого «посткрымского консенсуса» [Дискин 2014], остаётся актуальной. В частности, как отмечается в Информационно-аналитическом резюме ИС РАН по итогам общенационального исследования «Российское общество в контексте новых реалий», большинство населения в настоящее время оценивает ситуацию в стране как напряжённую, кризисную. Ключевым же параметром, по которому население проводит подобное суждение, является самооценка людьми своего материального положения [Российское общество... 2015: 3].

В целом за последние 20 лет масштабными проявлениями протестной активности в России были шахтёрские забастовки 1991 г., «рельсовая война» 1998 г, выступления против монетизации льгот в 2005 г., а также имевшая цель расшатать основы легитимности политического режима протестная волна 2011–12 гг. В ней проявился целый ряд, как это принято говорить, парадигматических сдвигов: 1) активизация новой социальной базы протестного движения, т. н. «креативного класса» [Райбман 2014]; 2) повышение роли интернет-ресурсов, в т. ч. социальных сетей и других подобных сервисов, в процессе вовлечения в протестную активность и мобилизации широких масс, а также в процессе формирования общественного мнения по поводу причин и форм проявления протестной активности [Ваньке, Ксенофонтова, Тартаковская 2014]; 3) общий разворот протестной активности от социально-экономических требований (хотя и они остаются актуальной причиной проявления протестной активности) к политической тематике – требованиям демократизации политической системы, обеспечения честности и прозрачности выборов, выборности губернаторов и т. д. [Мамонтов 2012].

Протест на Юге России в целом выглядит достаточно специфично на общероссийском фоне. Социально-экономическое пространство Юга России характеризуется достаточно высоким уровнем социальной напряжённости. Близость Северного Кавказа оказывает влияние на протестный потенциал и в Ростовской области. Прежде всего через актуализацию социальных проблем, связанных с нарастанием миграции, недостаточной адаптацией мигрантов к условиям и требованиям принимающего сообщества.

В целом же спектр причин проявления протестной активности в региональном социуме достаточно широк – от социально-экономического неравенства, ущемления прав

и интересов отдельных социальных групп (например, льготников, «чернобыльцев», участников долевого строительства и т. п.), до гуманитарно-экологических (протесты против строительства промышленных или инфраструктурных объектов, разработки месторождений).

Важнейший фактор мобилизационного потенциала протестной активности – это возможность солидарных взаимодействий, которые быстрее складываются между теми агентами, которые рассматривают друг друга в качестве социально близко ранжированных групп, могут достичь консенсуса в отношении целей действия, поведенческих стратегий и общего контрагента. Наиболее характерные черты региона в этом смысле связаны с имеющимся набором социальных сил и агентов, способных сыграть активную роль в мобилизации протеста (например, общественное казачество в Ростовской области, радикальные молодёжные группировки и т. п.).

Одним из существенных факторов и индикаторов протестной активности в регионе является легитимность протестных акций как вида политической активности в общественном сознании – признание за протестами права на существование, а за людьми – право на протесты. Легитимность протестной активности является индикатором сложившейся конфигурации типов гражданской и политической культуры в обществе и выступает в качестве важнейшей предпосылки социально-политической трансформации. О ситуации с данным индикатором применительно к Ростовской области свидетельствуют распределения ответов на вопрос о том, как жители области относятся к разного рода стихийным общественным выступлениям – протестным акциям, митингам, шествиям, сидениям и т. п.

В структуре общественного мнения Ростовской области по поводу отношения к протестным акциям проводившиеся ранее исследования достаточно чётко выявляли три крупных группы [Барбашин и др. 2013: 76]:

1. В целом положительно относятся к протестным акциям (около 30%).
2. Индифферентно относятся к протестам (до 35%).
3. В целом относятся к протестным акциями отрицательно (около 35%).

Подобная структура ответов свидетельствует о том, что в региональном сообществе сложились не только группы с различными оценками и взглядами, но и о том, что социальные условия, формирующие данные группы, носят достаточно устойчивый характер и связаны, скорее всего, с социально-экономическим неравенством, неравенством доступа к различным социальным ресурсам. Корреляционный анализ данных, полу-

ченных в 2012 г., позволил прийти к выводу, что легитимность социального протеста в регионе связана с двумя группами факторов. Во-первых, с уровнем социально-экономического развития и качества жизни, наличием нерешённых проблем в данном типе поселения (транспортное сообщение, медицинское обслуживание, коррупция и т. п.). Во-вторых, с наличием у населения определённых ожиданий и запросов относительно должного или желаемого качества жизни.

В целом же большинство опрошенных (53%) полагало, что в современных условиях акции протеста есть ни что иное, как способ «достучаться до власти» [Барбашин и др. 2013]. Последствия распространения подобной оценки достаточно серьёзные, и связаны они с дефицитом институциональных механизмов обратной связи с публичной властью, что нередко обыгрывается отдельными силами как обоснование радикальных политических требований и изменений.

Мониторинговые замеры уровня протестных настроений и потенциала экстремизации (особенно в молодёжной среде) проводятся Южнороссийским филиалом ИС РАН и Институтом социологии и регионоведения ЮФУ на регулярной основе. Это позволяет сопоставить полученные в 2015 г. данные по региону как с общероссийскими данными того же периода, так и с полученными ранее результатами. В [таблице 5](#) представлены распределения ответов на вопрос о том, как население готово реагировать на значительное ухудшение условий жизни [Источник данных по... 2013]. С точки зрения измерения уровня протестных настроений данная формулировка вопроса является так называемой «мягкой», поскольку, в отличие от прямых формулировок о готовности участвовать в протестных акциях, она акцентирует внимание на целом спектре адаптационных альтернатив. В этом отношении данная формулировка даёт достаточно близкую к реальности оценку распространённости протестных настроений.

Исследователи ИС РАН говорят о формировании «новой социальной реальности». В качестве социального контекста интерпретации полученных данных рассматривают прежде всего гипотезу о вхождении в очередной экономический кризис с характерными для таких периодов спадом экономического роста, падением уровня доходов и ростом безработицы. Так, учёные ИС РАН отмечают характерную для 2015 г. примету – уровень протестных настроений почти в 2 раза ниже, нежели это было в период предыдущего кризиса 2008 г. Второй важной особенностью, характерной для российской политической культуры, является низкое доверие таким институциональным каналам влияния на качество жизни, как профсоюзные организации и политические партии. На фоне прочих адаптационных стратегий они фактически выглядят маргинальными и наивными.

Большинство опрошенных (53%) в 2013 г. полагало, что в современных условиях акции протеста есть ни что иное, как способ «достучаться до власти».

Таблица 5

Оценка уровня протестных настроений
(сравнительные данные по распределениям ответов на вопрос:
«В случае значительного ухудшения Вашей жизни
(жизни Вашей семьи) как Вы лично готовы реагировать на это?»
(в % к числу опрошенных),
ЮРФИС РАН (по Рост. обл.), ИС РАН (по России) 2013, 2015 гг.)

	Россия, 2013	Ростовская область, 2013	Россия, 2015	Ростовская область, 2015
Буду искать дополнительные источники заработка	37	53	38	58
Что-то предприму, но что, ещё не решил	37	36	29	24
Приму решение о переезде в другой регион страны	4	6	5	14
Приму решение о выезде из России в другую страну	3	12	4	8
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	3	5	4	7
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	6	6	6	6
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	5	5	2	4
Вступлю в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	2	2	3	3
Никак не буду реагировать, буду терпеть дальше	3	2	7	3

Сопоставляя в целом характер распределений ответов по региону и по стране, можно вновь отметить (это уже делалось в целом ряде исследований ЮРФИС РАН) относительно более высокий адаптационный потенциал населения Ростовской области. Говоря об этом, при опросе в регионе мы имеем в виду превышение примерно на 20 п.п. доли респондентов, которые будут искать дополнительные источники заработка в ситуации заметного ухудшения условий жизни. Если при общероссийской выборке мы имеем чуть менее 40% сторонников данной адаптационной стратегии, то при выборке по Ростовской области – уже чуть менее 60%.

Данное расхождение можно рассматривать и в другом ключе – как свидетельство дефицита иных адаптационных стратегий, однако сопоставление «рейтинга» прочих позиций с общероссийскими показателями не даёт такого заметного расхождения. Данный факт, пожалуй, говорит именно о характерной особенности экономического менталитета населения Южного региона. Разумеется, у рассматриваемого

факта, который в силу имеющихся мониторинговых данных можно считать проявлением определённой тенденции, имеются и структурные причины: относительно более высокая доля неформальной или серой экономики, благоприятные условия для самозанятости в личном подсобном хозяйстве и мелкотоварном сельском производстве, наконец, особенности менталитета населения Южного региона.

С точки зрения динамики временных рядов, можно ещё раз отметить устойчивость доли респондентов, предпочитающих индивидуализированные и целенаправленные (сохранить уровень дохода, качество жизни) адаптационные стратегии. На этом фоне характерным является снижение доли «неопределившихся» респондентов – тех, кто пока не представляет себе, что он будет делать. Причём уменьшение данной категории произошло как на общероссийском уровне, так и по региону. Если в 2013 г. в России насчитывалось 37% придерживающихся стратегии «отложенной адаптации», то в 2015 г. – 29%, в Ростовской области – соответственно 36 и 24%. Подобную тенденцию можно трактовать как ещё одно свидетельство в пользу тезиса о формировании «новой социальной реальности», в том, правда, отношении, что после «тучных лет» 2000-х гг. кризисные явления в экономике казались ещё недостаточно понятными и ощутимыми некоторым слоям населения, а в текущей ситуации значительная часть респондентов уже переориентировалась с отложенной адаптации на проактивную позицию.

Так или иначе, но вопрос о протестных настроениях в регионе действительно самым тесным образом переплетается с вопросом об адаптивном потенциале населения. В этом контексте отметим уменьшившуюся готовность населения Ростовской области к внешней эмиграции (в другую страну) и увеличившуюся готовность к внутренней миграции в поисках лучших условий жизни. Вероятно, данные изменения также находятся в русле общих тенденций на охлаждение отношений со странами Запада вследствие их изоляционистской и санкционной политики сдерживания в отношении Российского государства. С другой стороны, следует отметить более высокую миграционную готовность населения региона по сравнению со среднероссийскими показателями.

Обращаясь собственно к характеристике протестного потенциала в Ростовской области, следует отметить, с одной стороны, стабильность доли тех, кто готов участвовать во всякого рода протестных акциях – митингах, пикетах, шествиях, голодовках и пр. Данный показатель находится фактически в тех же пределах значений и в регионе, и в стране в целом с 2013 г. – около 6%. С другой стороны, необходимо отметить определённую радикализацию части населения – тех, кто готов отстаивать свои права с оружием в руках стало не меньше,

Отметим уменьшившуюся готовность населения Ростовской области к внешней эмиграции (в другую страну) и увеличившуюся готовность к внутренней миграции в поисках лучших условий жизни.

но даже больше. В Ростовской области этот показатель вырос с 5 до 7%, по России – с 3 до 4%. Совпадение тренда говорит о том, что это снова не случайно зафиксированная динамика. Конфликт на юго-востоке Украины, а также близость Ростовской области к данному конфликту ведёт к определённому увеличению доли тех, кто воспринимает сам образ вооружённой борьбы как способ защиты своих прав.

Вообще следует отметить, что в регионе в настоящее время численность категории населения, готового отстаивать свои права с оружием в руках, хотя и в пределах погрешности, но превышает долю тех, кто выбирает институциональные, если так можно выразиться, способы протестного действия. Следует отметить, что сторонники радикальных мер – это особая категория. Во-первых, это люди с обострённым чувством справедливости, которое играет едва ли не ведущую роль в мотивации протестного действия; во-вторых, это максималисты и, чаще, идеалисты. Указанные особенности накладывают определённые требования к работе с подобной аудиторией, поскольку показатель в 7%, хотя и репрезентирует маргинальную группу, но всё же является достаточно значимым с точки зрения наличия радикализованного ядра в региональном сообществе. При этом следует отметить, что радикальные способы борьбы за свои права есть в известном смысле следствие сужения горизонта адаптационных возможностей, выталкивания отдельных категорий граждан в зону фрустрации социальных потребностей.

Учитывая, что доля населения, настроенного инертно по отношению к негативным изменениям в качестве жизни, в Ростовской области в 2 раза ниже, чем по России в целом (3 против 7%), депривированные слои населения должны стать объектом мониторинга и мер социальной вакцинации в виде адресной помощи и иной поддержки.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что на сегодняшний день на региональном уровне общество нуждается не только в стабильных и эффективных политических институтах, но и в эффективных и доступных каналах социальной адаптации к изменяющейся экономической конъюнктуре. В настоящее время продолжает сохраняться тенденция, при которой, несмотря на все попытки придать социальному протесту в России политическое звучание, направить его на подрыв легитимности основных институтов государства, массовый протестный потенциал оказался лишь ограниченно политизирован. Главным образом он артикулируется в терминах социально-экономических претензий, раздражением невосприимчивостью власти к запросам общества, недовольством возможностями социальной мобильности и равенством доступа к социально-экономическим ресурсам.

Сторонники радикальных мер – это особая категория. Во-первых, это люди с обострённым чувством справедливости, которое играет едва ли не ведущую роль в мотивации протестного действия; во-вторых, это максималисты и, чаще, идеалисты.

Продолжает сохраняться тенденция, при которой, несмотря на все попытки придать социальному протесту в России политическое звучание, направить его на подрыв легитимности основных институтов государства, массовый протестный потенциал оказался лишь ограниченно политизирован.

В условиях санкционного режима, волатильности курса национальной валюты и трудностей восстановления экономического роста характер протестных драйверов должен особенным образом учитываться региональной политической элитой, органами управления, чтобы не допустить его политизации и радикализации. Здесь необходим как настойчивый мониторинг потенциальных зон риска – социальных групп, испытывающих депривационные эффекты с наибольшей силой, так и построение эффективной системы адаптационных возможностей: от традиционных мер адресной поддержки населения или системообразующих предприятий, до создания больших возможностей для малого предпринимательства, мелкотоварного сельхозпроизводства и пр.

Библиографический список

Барбашин М. Ю. и др. 2013. Законодательное Собрание Ростовской области в зеркале социологии / Барбашин М. Ю., Барков Ф. А., Васьков М. А., Волков Ю. Г., Сериков А. В., Черноус В. В. Ростов-на-Дону: МарТ. 76 с.

Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. 2014. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // INTER. № 7. С. 5–12.

Дискин И. 2014. России нужна консервативная модернизация! // Официальный сайт газеты «Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/580205> [Дата посещения: 07.12.2015].

Источник данных по Ростовской области за 2013 г.: Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области: Отчёт о результатах социологического исследования / Под ред. проф. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 2013.

Мамонтов М. В. 2012. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (107). С. 5–22.

Райбман Н. 2014. Сурков: Нужно создать партию для раздраженных горожан // Официальный сайт газеты «Ведомости». URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/12/06/surkov_nuzhno_sozdat_partiyu_dlya_razdrzhennyh_gorozhan [Дата посещения: 07.12.2015].

Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / Институт социологии РАН. М., 2015. 14 с.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. 2015. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Инфра-М. 352 с.

Life Orientation for Inhabitants of the Southern Federal District in the Context of Modern-Day Life

Posukhova Oksana Yurevna

Candidate of sociological sciences, associate professor of Department of a regionalistik and Euroasian researches, Institute of sociology and regional studies, Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: belloks@yandex.ru

Serikov Anton Vladimirovich

Candidate of sociological sciences, associate professor, leading researcher, South Russian branch of IS Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: avserikov@sfedu.ru

Abstract. This article cites data collected while carrying out a social research survey entitled "On vital issues of our lives", implemented within the framework of the following planned subject: "Studying the dynamics of the changing socio-economic and socio-political situation in regions of the Southern Federal District". Despite the fact that this study was based on instruments and methodology developed by scientists from the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, our regional project can be called a search study, since we did not develop its theoretical model from the ground up, along with the main issues for investigation – in fact, they were implicitly borrowed from our Moscow-based colleagues. This article examines the characteristics of adaptation processes for the regional community under conditions of sanctions and economic crisis: this allows us to define two basic strategies for solving life problems – active and passive. It should be noted that a stable portion of respondents who prefer individualized and purposeful adaptation strategies (such as maintaining their level of income and quality of life) was registered. We were able to establish that orientation towards stability is dominant when it comes to the more important life guidelines, while partaking in politics, being a part of social and political organizations, is clearly at the bottom of the list, which can be explained by the evident distrust in such social institutions. A continuing current tendency is mass protest potential being only partly politicized, despite the ongoing attempts to give social protest in Russia a political demeanor and direct it towards undermining the legitimacy of fundamental state institutions. One notable observation is a certain level of radicalization among part of the population – namely, those who are ready to rise in arms in the name of their rights.

Keywords: social health, daily routine, life interests, conflictogenic potential, national security, protest sentiments, anxiety.

References

Barbashin M. Y. & oth. Zakonodatel'noe Sobranie Rostovskoy oblasti v zerkale sociologii [The Legislative Assembly of the Rostov Region in a Mirror of Sociology]. Rostov-On-Don, MarT, 2013. 76 p.

Chuprov V. I., Zubok J. A., Romanovitch N. A. Otnoshenie k social'noy real'nosti v rossiyskom obschestve: sociokul'turny mehanizm formirovaniya i vosproizvodstva [Attitude to the Social Reality in the Russian Society: Socio-cultural Mechanism of Formation and Reproduction]. Moscow, Infra-M, 2015. 352 p.

Diskin I. Rossii nuzhna konservativnaya modernizacija! [Russia needs a conservative modernization]. «Izvestija» journal official website. URL: <http://izvestia.ru/news/580205> [date of visit 07.12.2015].

Istochnik dannykh po Rostovskoy oblasti za 2013 god: Social'noe samochuvstvie i social'noe neravenstvo v Rostovskoy oblasti [Source data for the Rostov region in 2013: The social well-being and social inequality in the Rostov region]. Otchiot o rezul'tatakh sociologicheskogo issledovaniya. Ed. by Y. G. Volkov. Rostov-On-Don, 2013.

Mamontov M. V. Protestnaja aktivnost' rossijan v 2011–2012: osnovnye trendy i nekotorye zakonomernosti [Protest Activity of Russians in 2011–2012: Main Trends]. Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny, 2012, no 1 (107), pp. 5–22.

Raybman N. Surkov: Nuzhno sozdat' partiju dlia razdrazhionnykh gorozhan [Surkov: It is necessary to create a party for disgruntled citizens]. «Vedomosti» journal official website. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/12/06/surkov_nuzhno_sozdat_partiyu_dlya_razdrazhennyh_gorozhan [date of visit 07.12.2015].

Rossiyskoe obschestvo v kontekste novykh realiy (tezisy o glavnom) []. Informacionno-analiticheskoe rezume po itogam obschenacional'nogo issledovaniya. Institute of sociology of RAS. M., 2015. 14 p.

Van'ke A., Ksenofontova I., Tartakovskaja I. Internet-kommunikacii kak sredstvo i uslovie politicheskoy mobilizacii v Rossii (na primere dvizhenija «Za chestnye vybory») [Internet as a means of communication and the condition of political mobilization in Russia (an example of the movement “For Fair Elections”)]. INTER, 2014, no 7, pp. 5–12.

Размышления на основе новых иностранных публикаций

Социальные образы современного Израиля. Проблемы и политика

Люблинский Виктор Викторович – доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора сравнительного анализа социальной политики, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

Социальные образы современного Израиля. Проблемы и политика

Аннотация

В статье рассматриваются особенности развития современного израильского общества, опыт Израиля в решении проблем роста благосостояния и социальной политики, межэтнических отношений. Показано, что в социально-экономической стратегии Израиля акцент сделан на поддержку отраслей высоких технологий (хайтека), развитие которых определяется в первую очередь задачами обеспечения обороноспособности и безопасности страны. Соответствующие разработки также находят применение в гражданских отраслях, что способствует росту производительности труда, благосостояния и качества жизни граждан, укреплению международных позиций страны в различных областях. Показателен и уровень относительных расходов на НИОКР, который в Израиле является наиболее высоким в мире. Израильское общество выработало в себе высокую способность адаптации к меняющейся ситуации. Но его социальная стабильность в принципе не может длительно, устойчиво и надёжно обеспечиваться в условиях высокого разрыва в доходах; она постоянно находится под угрозой, о чём свидетельствует мощная волна социального протеста, в которую были вовлечены сотни тысяч израильтян летом 2011 г. Глубоки и этнические разломы внутри израильского общества. Однако, несмотря на серьёзные проблемы, оно отличается достаточным уровнем сплочённости, ибо иначе выжить в условиях постоянных вызовов существованию страны и террористической угрозы было бы невозможно. В последние годы в Израиле сформировался устойчивый тренд роста доверия правительству со стороны граждан, что выгодно отличает его на фоне многих стран, перед которыми встала проблема восстановления доверия к власти. Происходят также серьёзные сдвиги в массовом сознании. Формируются новые ценностные предпочтения в отношении политического и социально-экономического развития страны. Растёт численность работников, вступающих в профсоюзы, активизируется их деятельность, которая распространяется и на крупные компании, где прежде их не было. Показательно, что рост профсоюзов происходит, несмотря на серьёзное сопротивление работодателей. Работники успешно отстаивают свои права, в том числе в судах. В условиях, когда перед российским обществом и российской властью со всей остротой встали проблемы выживания и развития перед лицом постоянного внешнего давления и ограничений, Израиль демонстрирует в этом плане заслуживающий внимания опыт внутреннего развития.

Ключевые слова: экономическое развитие, социальная политика, доходы, бедность, образование, заработная плата, межэтнические отношения

Традиционно интерес к Израилю определяется внешними аспектами развития этой страны, перманентным конфликтом на Ближнем Востоке и связанной с этим международной политикой. Мировое сообщество весьма чувствительно относится к меняющейся там ситуации. Об этом много известно и написано. В то же время значительно меньше доступной российскому читателю информации о внутренней жизни и внутренней политике Израиля – небольшой страны, постоянно находящейся в состоянии напряжения и мобилизации. Как развивается в этих условиях израильское общество, как оно строит свою экономику, каков уровень благосостояния граждан, каковы социальные проблемы общества, взаимоотношения между социальными и этническими группами, положение представителей арабского меньшинства – эти вопросы несомненно представляют большой интерес, но малоизучены в России.

Между тем израильский опыт заслуживает пристального внимания, ибо перекликается с проблемами, которые на данном этапе приходится решать и России. Дополнительный интерес к Израилю обусловлен и тем, что в этой стране проживают сотни тысяч выходцев из стран бывшего СССР, россиян «по духу и образу мысли», которые вносят большой вклад в его развитие.

Обратиться к опыту Израиля меня вдохновила новая книга известного израильского экономиста и социолога Б. И. Дубсона [Дубсон 2014], материалы которой послужили основой для данной статьи. Книга информативна, интересна, предоставляет возможность сформировать объёмное представление о современном Израиле, о его социально-экономических проблемах. Её автор уже более 20 лет проживает в Израиле, находясь в гуще событий, соприкасаясь с повседневностью этой страны, что делает его работу более убедительной и в научном отношении.

Особенности стратегии экономического развития

Одна из главных задач российского общества состоит в необходимости решения трёх взаимосвязанных проблем – обеспечения высоких темпов экономического роста, формирования качественно новой экономики, связанной с переходом на путь инновационного развития, и обеспечения роста благосостояния. Но декларировать задачу модернизации страны, изменения модели развития, отхода от преобладания сырьевой модели достаточно просто. Другое дело – продвигаться по пути решения этой эпохальной задачи. То, что рыночная экономика сама по себе не способна обеспечить формирование качественно новой экономики, не говоря уже о развитии социальной сферы,

способной надёжно защитить граждан от социальных рисков, было совершенно ясно изначально, ещё до начала так называемых либеральных рыночных реформ. Если конкурентное пространство занято, то необходима соответствующая данной задаче экономическая политика, особенно в отношении развития промышленности и инвестиционной сферы. Однако это российскими властями не только в 1990-х гг., но и позднее не принималось во внимание. Во многом относительно проблем социально-экономического развития и политики модернизации интересные параллели для России можно обнаружить с Израилем.

На определённом этапе перед правительством Израиля в полной мере встал вопрос о необходимости повышения темпов экономического роста, адекватных стратегии развития. Несмотря на то, что страна уже прошла значительный путь и стала индустриальной, она всё же серьёзно отставала от многих государств по уровню благосостояния, в частности по размеру ВВП на душу населения. В этих условиях была поставлена стратегическая цель (вспомним, как это было в России в начале 2000-х гг.) – преодолеть отставание от мировых лидеров по показателям благосостояния. В качестве скромного образца для подражания была выбрана Ирландия (в России таким ориентиром стала Португалия), привлекательность которой, однако, со временем серьёзно поубавилась. Решить данную задачу не удалось.

Это означает, что перспективный сценарий развития страны, нацеленный на то, чтобы к 2028 г. значительно увеличить уровень благосостояния (правительство замахнулось на уровень до 50 тыс. долл. на душу населения) и войти в группу 15 наиболее развитых стран мира, вызывает большие сомнения. Хотя реализация этой цели жизненно необходима, чтобы сделать страну привлекательной для многих израильтян, которые сейчас предпочитают эмигрировать из страны и строить свою жизнь за рубежом [Дубсон 2014: 14–17].

Согласно данным ООН, в 1989 г. ВВП на душу населения составлял 10,4 тыс. долл. Это было вдвое меньше по сравнению с США, но на 65–70% превышало уровень таких стран, как Португалия и Южная Корея [Дубсон 2014: 21–23]. К 2013 г. этот показатель в Израиле возрос почти втрое (в номинальном выражении), составив 30,9 тыс. долл. Несомненно, значительный результат. При этом, однако, заветная цель отдалилась. Израиль серьёзно «проигрывает» Ирландии (44,9 тыс. долл.), т. е. на 14 тыс. долл. (31,2%) [Human Development Report 2015: 246].

Важным фактором социально-экономического развития страны явился значительный рост зарубежных инвестиций – за 20 лет почти в 15 раз. И по общему правилу это должно было бы способствовать росту производительности труда. Однако в Израиле слишком высокая концентрация

Во многом относительно проблем социально-экономического развития и политики модернизации интересные параллели для России можно обнаружить с Израилем.

Важным фактором социально-экономического развития страны явился значительный рост зарубежных инвестиций – за 20 лет почти в 15 раз.

инвестиций в НИОКР, которые распределены неравномерно, сосредоточившись в 2–3-х отраслях. За период 1995–2009 гг. среднегодовые темпы роста производительности труда составили в Израиле 3,0%, что выше, чем в среднем в странах-членах ОЭСР (2,5%). Правда, в других секторах по производительности труда сравнение не в пользу Израиля, особенно в отраслях, ориентированных на локальный рынок, где она оказалась отрицательной, – торговля, услуги, локальная обрабатывающая промышленность (-0,3% по сравнению с 1,4% по ОЭСР). По данному показателю Израиль также уступает в традиционных отраслях, связанных с внешним рынком (1,0 против 3,2%), и в сферах финансовой деятельности, связи и других услуг (3,5 против 4,5%) [Brand, Regev 2015: 13]. По сравнению с США в традиционных отраслях она ниже на 60%. В наукоёмких отраслях ещё недавно ситуация была принципиально иной: производительность труда соответствовала высшим мировым стандартам. Но последовало падение, и сейчас отставание от США составляет примерно 20% [Дубсон 2014: 32].

Как оказалось, решение задачи, связанной с повышением темпов экономического развития в Израиле, весьма проблематично, ибо возможности для осуществления такого «рывка» серьёзно ограничены. Это во многом связано со значительным снижением прироста трудоспособного населения. При несопоставимости масштабов и условий Израиля и России в этом отношении проблемы наших стран оказались весьма схожи.

Рассматривая в качестве приоритета своей политики обеспечение значительного повышения темпов экономического развития, правящие круги Израиля стремились к тому, чтобы страна стала одним из мировых лидеров в области научно-технического прогресса. Прошло достаточно времени и уже можно оценить, как этот замысел воплотился в жизнь. Достижения налицо, они впечатляют. Экономика Израиля всё в большей степени опирается на развитие высокотехнологичных отраслей. Их доля в ВВП постоянно росла и составила в 2006 г. 13,1%. И наиболее значительная часть этого сектора – ВПК. Иначе и не могло быть, учитывая логику развития современного НТП. Необходимо учитывать и специфические условия израильского общества, вынужденного постоянно находиться в состоянии повышенной готовности к обороне. Поэтому именно ВПК в Израиле в значительной степени определяет развитие отраслей высоких технологий, т. к. их разработки для обеспечения обороноспособности и безопасности страны впоследствии находят применение в гражданских отраслях для выпуска технологически более совершенной и качественной продукции, что способствует повышению производительности труда, благосостояния и качества жизни.

Экономика Израиля всё в большей степени опирается на развитие высокотехнологичных отраслей. Их доля в ВВП постоянно росла и составила в 2006 г. 13,1%.

Вспомним, какая политика проводилась в СССР в завершающий период и в России 1990-х гг. в отношении предприятий ВПК. Неправильная трактовка конверсии, которая понималась как сужение ВПК, привела к ликвидации многих предприятий, переводу их на выпуск гражданской продукции. А подход должен был быть совершенно другим. Какой значительный ущерб это нанесло и экономике, и обороноспособности страны, известно. Только начиная с 2000-х гг. и особенно в последние годы ситуация в этой сфере стала исправляться.

Между тем развитие ВПК Израиля было последовательным и может служить хорошим примером во многих отношениях. Сейчас предприятия ВПК развивают активную деятельность на мировом рынке, особенно в тех сферах, где они являются лидерами. В первую очередь это авиационное оборудование и производство беспилотников, технологии в области электроники и связи. Естественно, что эти разработки находят применение и в гражданских отраслях.

В значительной степени развитие отраслей высоких технологий в Израиле в последние десятилетия определялось, наряду с притоком иностранного капитала, использованием специалистов, приехавших из СССР. В 2011 г. в Израиле работали 314 научно-исследовательских центров зарубежных ТНК. При этом важно отметить, что в сфере высоких технологий большую роль играют так называемые стартапы – фирмы, в которых небольшой коллектив исследователей и инженеров разрабатывают с нуля перспективные с коммерческой точки зрения идеи. Значительная часть выпускников израильских университетов проходят первичную «обкатку» в этих фирмах и спрос на специалистов в этом сегменте рынка труда обуславливает высокую долю хайтека в общей занятости (одной из самых высоких в мире).

Складывается впечатление, что политика, отдающая приоритет развитию сферы образования и научных исследований с акцентом на высокотехнологичную продукцию (прежде всего для ВПК, но и не только), опирается в том числе и на опыт СССР (естественно, без той степени закрытости), сохраняющий взаимосвязь военной и гражданской сферы. Стоило бы также учитывать и уровень относительных расходов на НИОКР, который в Израиле, оказывается, является наиболее высоким в мире (4,2% ВВП). Конечно, по масштабу затрат на эти цели Израиль далеко не первый, его удельный вес в мировых расходах на НИОКР всего 0,7%. Но надо учитывать и размер страны.

Россия тратит на НИОКР в 4 раза больше, чем Израиль (2,66% от глобальных расходов), однако она существенно отстаёт от США и других стран Запада и находится на 9 месте, уступая КНР, Индии и Южной Корее, хотя превышает уровень

В 2011 г. в Израиле работали 314 научно-исследовательских центров зарубежных ТНК.

Канады, Италии, Австралии, Швеции и Нидерландов. В этом ряду Израиль находится на 19–20 позиции – 10,6 млрд. долл. в год.

В перспективном плане правительства Израиля – создание 50 новых центров НИОКР. Достичь этого власти страны намерены также путём привлечения иностранных инвестиций, используя налоговые стимулы с целью заинтересовать потенциальных инвесторов. Иначе обеспечить дальнейшее развитие и расширение сферы высоких технологий в Израиле невозможно. В небольших странах, подобных Израилю, возглавляют этот процесс ТНК, ибо собственных ресурсов недостаточно или их просто нет.

Можно ли сказать, что в Израиле успешно осуществляется программа, согласно которой страна должна превратиться в одного из мировых лидеров научно-технического прогресса? В каком-то смысле да, но с большими допущениями и только в ряде узких областей. Как отмечает Б. Дубсон, при благоприятных обстоятельствах Израиль может в ближайшие 10–15 лет поднять свою долю в мировом производстве и экспорте продукции высоких технологий до 2% [Дубсон 2014: 96], что в десятки раз превосходит долю страны по населению и территории. С моей точки зрения, весьма интересен опыт Израиля в развитии фармацевтической промышленности. Впечатляет создание мощного фармацевтического концерна Тева, который известен в мире высоким качеством продукции и является брэндом, которым гордятся в стране. Вот если бы в России создали что-нибудь подобное! Тем более что необходимые для этого условия (ресурсы, знания, опыт, кадры) есть.

Насколько данный опыт организации сферы высоких технологий может быть востребован в России? Реально лишь в небольшой части, ибо в Израиле она высоко зависима от внешних факторов. А для России единственно приемлемая модель – это самодостаточный ВПК в сочетании с самодостаточной и развитой сферой НИОКР. Иначе невозможно отвечать на серьёзные вызовы и эффективно противостоять постоянно возникающим угрозам безопасности страны.

Особенности развития социальной сферы

Несмотря на то, что реализация амбициозных целей выхода на самые передовые позиции в мире в области экономического и научно-технического развития осложняется объективными трудностями, экономика и социальная сфера в Израиле развиваются достаточно успешно. Очевидные достижения Израиля – высокая продолжительность жизни: 82,1 года (в ОЭСР – 79,9 лет). По этому показателю он занимает 5–6 место в мировом рейтинге. В значительной степени

Очевидные достижения
Израиля – высокая про-
должительность жизни:
82,1 года (в ОЭСР –
79,9 лет). Это 5–6 место
в мировом рейтинге.

это связано с достижениями страны в развитии медицины и высоким уровнем здравоохранения, в частности высокой квалификацией медицинского персонала и использованием самой современной медицинской аппаратуры. Неудивительно, что 80% взрослых считают своё здоровье хорошим или очень хорошим, хотя этот показатель в среднем по ОЭСР составляет 68,8% [How's Life... 2015: 2]. На это стоит обратить внимание в контексте модернизации социальной сферы в России, в которой, к сожалению, сделан частичный акцент на коммерциализацию. Конечно, нельзя забывать, что так называемая средиземноморская модель питания с обилием овощей и фруктов гарантирует более здоровый образ жизни, что также влияет на её продолжительность. Немаловажно, что в Израиле относительно низкий уровень потребления спиртных напитков: потребление спиртного в Израиле значительно ниже среднего показателя по странам ОЭСР (61%), в то время как во многих государствах он существенно выше: в частности в США – 110%, Испании – 123%, Австрии – 137%.

Заслуживают внимания достижения Израиля в сфере образования. У властей и общества существует консолидированная позиция в этом вопросе, отражающая понимание того, что перспективы и конкурентоспособность страны в современном мире в большой степени определяются качеством человеческого капитала. И результат производит впечатление. По показателям развития образования страна занимает высокие позиции в мире. Самая большая средняя продолжительность обучения отмечается в Австралии, Великобритании, Канаде, США и ФРГ (13,0 и более лет). Несколько ниже данный показатель в Дании а затем Норвегии – страны с наиболее высоким индексом человеческого развития (соответственно 12,5 и 12,7 лет у мужчин и женщин). Примерно на таком же уровне находится Израиль вместе с Новой Зеландией (12,6 и 12,5 лет). Таким образом, Израиль находится впереди многих развитых стран [Human Development Report 2015: 220]. Важный показатель – то, что доля лиц, имеющих полное среднее образование, в возрасте 25–34 лет увеличилась с 85,4% в 2007 г. до 90,7% в 2013 г. (в среднем по ОЭСР – 83,6%) [How's Life... 2015: 4]. Вместе с тем, Израилю грозит потеря относительных преимуществ. Согласно данным ООН, рывок могут совершить Австралия (19,6 лет), Норвегия, Бельгия, Франция, Южная Корея, Голландия и Ирландия [Human Development Report 2013: 144]. На этом фоне оценочный показатель в 15,7 лет в отношении Израиля – скромный рост, означающий достаточно высокий риск утраты нынешних позиций к середине 2030-х гг.

А что же Россия? Она и сейчас уступает Израилю, причём, несмотря на ожидаемый рост на 2,6 года (до 14,3 лет), отставание от Израиля, которое в 2010 г носило условный

характер (11,7 против 11,9 лет), может обрести реальные контуры. А уж о перспективах уменьшить отставание от перечисленных выше стран и говорить не приходится.

По уровню комплексного показателя качества жизни – индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), который публикует ООН с начала 1990-х гг., Россия пока существенно отстаёт – 0,798, занимая 50 место в мировом рейтинге. Для сравнения – в Израиле этот показатель составлял в 1990 г. 0,785, а к 2014 г возрос до 0,894 (18 место), ненамного уступая, например, Швеции и Великобритании (0,907) и опережая такие страны, как Люксембург, Япония, Бельгия, Франция и целый ряд других европейских стран. Конечно, большую роль играет разрыв в продолжительности жизни (в России 64,4 лет у мужчин и 75,8 у женщин, в то время как в Израиле соответственно 80,5 и 84,1) и уровне доходов (в 2014 г. подушевой доход российских граждан был значительно ниже, чем израильтян (мужчин более чем на 5 тыс., а женщин почти на 11 тыс. долл.) [Human Development Report 2015: 212, 220].

С учётом этого опыта можно сделать следующий вывод. Для повышения привлекательности России (а ИРЧП, безусловно, представляет важный индикатор привлекательности различных стран) и роста её конкурентоспособности необходимо изменить приоритеты в политике государства в сторону решения социальных проблем и, естественно, в тесной взаимосвязи с проблемами экономическими. И в качестве таковых поставить задачу, направленную на создание условий для роста продолжительности жизни, качества образования, а также существенного повышения доходов.

Понятно, что существуют достаточно жёсткие ограничители. Но это отнюдь не может быть аргументом для консервации существующей модели социально-экономического развития. Россия вырвалась из объятий жесточайшей бедности 1990-х гг., но в нынешних условиях в связи со снижением мировых цен на нефть, значительной девальвацией рубля и ростом потребительских цен может начаться возврат «масштабной бедности», равно как и обострение совокупности социальных проблем. Власть фактически проводит политику «социального маневрирования», которая, как известно, в суровые времена может естественным образом трансформироваться в курс на «жёсткую экономию», под пресс которой попадают, как правило, наиболее уязвимые, зависимые и малообеспеченные группы населения.

Формальной бедности в России стало меньше, пенсионеры начали жить немного лучше, реальные доходы действительно выросли, но основа российского благосостояния неубедительна в долгосрочном плане. К тому же страны Запада стали проводить целенаправленную и консолидированную

политику санкций в отношении России, а мировая экономика в 2015 г. вступила в новый период потрясений. Поэтому необходима многофакторная основа развития и роста благосостояния. И важный ресурс социально-экономического роста – снижение уровня дифференциации доходов, который в России очень значителен.

Действительно, ситуации в сфере распределения доходов в Израиле и России похожи. При этом есть существенное различие: в Израиле социальная политика опирается на прогрессивную шкалу подоходного налога, которая не нашла применения в России, ибо власти упорно отвергают её целесообразность. Неудивительно, что разрывы в доходах между социально-профессиональными группами не только сохраняются, но и растут. И вряд ли в качестве эффективного средства социального выравнивания может рассматриваться вводимый дифференцированный налог на собственность. Курс на стабильность и рост социального благосостояния декларирован в политике нынешнего российского государства, но существенного результата вряд ли можно достичь, если не затрагивать базовые факторы, определяющие характер распределения доходов. И это справедливо как для России, так и в определённой мере для современного Израиля.

С точки зрения социальной дифференциации доходов Россия и Израиль имеют близкие показатели. Но в России этот фактор носит всё же более негативный и травмирующий значительную часть общества характер. Хотя и в Израиле такой момент тоже присутствует, учитывая то, что высокий уровень неравенства противоречит многим принципам основоположников современного израильского государства. Но всё же, так или иначе, израильское общество адаптировалось к такой социальной модели. И высокий уровень дифференциации доходов и собственности, судя по всему, не является препятствием для достаточно успешного развития страны, несмотря на многие проблемы и неудачи. Но эти достижения наверняка были бы более значительными при переходе к умеренной модели социальной дифференциации доходов, ибо, как показывает опыт многих стран, преимущество такой модели состоит в том, что она является фактором сплочённости общества и роста мотивации человеческого капитала.

В начале 2000-х гг. в Израиле сформировался тренд, связанный с изменением структуры доходов, затронувший в той или иной степени все основные этнические группы населения. Он выразился в значительном сокращении доли социальных пособий и росте доходов от трудовой деятельности, который затронул главным образом ультраортодоксов (харедим) и арабских граждан. Доля последних возросла за период 2002–11 гг. соответственно с 51 до 64% и с 75 до 82%, в то время как у не-харедим (основной части еврейского населе-

Ситуации в сфере распределения доходов в Израиле и России похожи. При этом есть существенное различие: в Израиле социальная политика опирается на прогрессивную шкалу подоходного налога, которая не нашла применения в России, ибо власти упорно отвергают её целесообразность.

ния) она осталась фактически на прежнем уровне – 85–86%. Наиболее значительное увеличение трудовых доходов произошло среди арабов и харедим (соответственно 12 и 41%). Однако в отношении располагаемых доходов наиболее значительный рост произошёл среди еврейского населения. Это было связано со снижением прямых налогов и трансфертных выплат, что негативно отразилось на арабском населении и харедим и способствовало росту дифференциации реальных доходов. В целом ежемесячные доходы лиц в возрасте до 59 лет в Израиле с 2002 по 2011 г. возросли на 11,6% у ультраортодоксальных евреев, на 6,5% у не-харедим и на 2,8% у арабских граждан [Bleikh 2015: 10–11]. При этом по показателю средних доходов разрыв между еврейским и арабским населением увеличивается: в 2011 г. доходы арабской семьи в среднем составляли 56% от соответствующего показателя еврейской семьи [Дубсон 2014: 254].

Серьёзной проблемой, безусловно, является бедность. Но её проявления специфичны. Главным образом она затрагивает израильских ультраортодоксов и арабов. В частности, растёт доля арабских семей с реальным доходом ниже границы бедности. При первичном распределении в 2002–11 гг. она увеличилась с 49 до 52%, при вторичном – с 36 до 44%. Но наиболее высокий уровень бедности среди харедим – 70% (хотя это небольшая часть населения – 10%). В среднем же он составляет 27 и 18%, превышая показатель по развитым странам – соответственно на 4 и 5 процентных пунктов (при первичном и вторичном распределении) [Bleikh 2015: 12–13]. И поддерживать существование в таких условиях удаётся отнюдь не за счёт социальной поддержки государства, а за счёт помощи семей, родственных связей, натурального хозяйства, масштабы которого не учитываются в статистике. Хотя и социальная политика в Израиле выступает как фактор снижения бедности, но её роль в этом отношении существенно ниже, чем в развитых странах Запада.

Оборотной стороной такой модели распределения доходов является снижение жизненного уровня большей части населения. Многие граждане Израиля вынуждены серьёзно ограничивать себя в удовлетворении насущных потребностей. Согласно данным израильских ученых, 40% отказываются от стоматологических услуг, а 35% не могут в достаточной степени обогреть или охладить свои жилища. Естественно, что уровень этих ограничений находится в обратной зависимости от социального положения. Так, в первом (низшем) квартиле шкалы доходов 44% ограничивают расходы на питание, 64% вынуждены обходиться без надлежащего отопления или охлаждения своего жилья, 31% испытывают недостаток средств на оплату телефона и электричества. Во втором квар-

Серьёзной проблемой в Израиле, безусловно, является бедность. Но её проявления специфичны. Главным образом она затрагивает израильских ультраортодоксов и арабов.

тите 48% ограничивают обогревание или охлаждение жилища, а 29% – потребление продуктов питания. Но и в третьем квартале немалая часть граждан вынуждены существенно экономить: на продуктах питания – 12%; обогреве или охлаждении жилища – 27%.; телефонной связи и электричества – 7%. Вынуждены отказываться от медицинской помощи по финансовым причинам соответственно 31, 20 и 10% (1–3 квартили); от приобретения лекарств – 38, 19 и 7%; от услуг стоматолога – 67, 54 и 31%. Даже в высшем – 4-м квартале – к таким ограничениям прибегает небольшая часть граждан [Stier, Lewin 2013: 320–321]. Таким образом, при всех достоинствах системы медицинской помощи в Израиле, она далеко не универсальна и не равнодоступна, имеет серьёзный социально-проблемный характер.

В этих условиях на первый взгляд парадоксально выглядит то, что в Израиле отмечается достаточно высокий уровень сбережений (11,3% от денежных доходов), что значительно выше, чем в некоторых странах ЕС, не говоря уже о США (0,9%). По этому показателю Израиль даже один из лидеров, уступает только скандинавским странам и Бельгии (15–20%) [Дубсон 2014: 42]. Несмотря на сравнительно небольшой уровень располагаемых доходов (22 место среди стран ОЭСР), в условиях высокой их социальной дифференциации Израиль занимает 11 место по показателю среднего размера финансовых активов домохозяйств (52,9 тыс. долл.) [Better Life Index 2015]. Важно, однако, «качество» этого показателя, насколько он отражает реальное благосостояние большинства граждан. В Израиле высокий уровень сбережений в значительной степени связан с чрезмерной концентрацией доходов у наиболее состоятельных групп.

Социальная стабильность в Израиле во многом проистекает не от политики, а от самого общества. Оно выработало в себе значительную способность адаптации к меняющейся ситуации. Но, так или иначе, эта стабильность не может длительно, устойчиво и надёжно обеспечиваться в условиях столь высокого разрыва в доходах, поэтому в израильском обществе она постоянно находится под угрозой, о чём свидетельствует мощная волна социального протеста, в которую были вовлечены сотни тысяч израильтян летом 2011 г.

Подобная социальная модель в принципе неустойчива, если только это не США с их исключительным положением и возможностями сохранять процветание в большой степени за счёт банальной эмиссии и продажи долларов.

Важным фактором социальной стабильности в Израиле можно рассматривать то, что в последнее десятилетие развитие страны сопровождалось повышением уровня экономической активности – до 63,4% в 2013 г. (см. таблицу 1).

Социальная стабильность в Израиле во многом проистекает не от политики, а от самого общества. Оно выработало в себе значительную способность адаптации к меняющейся ситуации.

Таблица 1

Основные показатели занятости населения

Страны	I	II	III		IV		V	VI
	2013	2013	1990	2012	1990	2012	2007–2012	2008–2013
Австралия	67,5	65,2	5,6	3,3	69,3	75,5	37,3	9,0
Великобритания	57,4	62,1	2,1	1,2	64,9	78,9	41,2	12,1
Венгрия	46,6	51,9	18,2	5,2	45,0	64,9	25,5	6,0
Греция	38,7	53,2	23,9	13,0	48,3	70,3	29,9	30,3
Дания	58,1	62,5	5,5	2,6	66,6	77,5	36,6	5,6
Израиль	59,4	63,4	4,1	1,7	67,5	77,1	51,0	7,2
Ирландия	52,6	60,5	12,7	4,7	59,6	76,9	43,7	12,7
Испания	43,3	59,0	11,8	4,4	54,8	74,9	36,2	12,8
Италия	43,1	49,1	8,8	3,7	59,3	68,5	18,9	17,9
Канада	61,5	66,2	4,1	2,4	71,9	76,5	50,8	-
Нидерланды	60,1	64,4	4,5	2,5	68,6	71,5	36,1	12,3
Норвегия	62,6	64,9	6,4	2,2	69,2	77,4	41,9	5,1
Португалия	50,4	60,3	17,9	10,5	47,6	63,8	20,3	16,7
США	57,8	62,5	2,9	1,6	70,7	81,2	61,9	-
ФРГ	56,7	59,9	-	1,5	-	70,2	30,8	6,5
Финляндия	54,9	59,8	8,8	4,1	61,1	72,7	43,1	9,4
Франция	50,1	55,9	5,6	2,9	64,8	74,9	34,9	7,0
Чехия	55,4	59,5	-	3,1	-	58,8	21,0	14,5
Швейцария	65,2	68,2	4,2	3,5	63,6	72,5	38,8	9,1
Швеция	58,9	64,1	3,4	2,0	67,2	77,9	37,6	6,8
Япония	56,8	59,2	7,2	3,7	58,2	69,7	37,5	10,5
Россия	60,1	63,7	13,9	9,7	45,6	62,3	54,9	5,7

Примечание. I – доля занятых в населении; II – доля рабочей силы, участвующей в экономической деятельности; (I-II – доля лиц (%) в возрасте 15 лет и старше); III – доля занятости в сельском хозяйстве; IV – доля занятых в сфере услуг; (III-IV – % от общей занятости); V – доля рабочей силы с высшим образованием; VI – доля неустойчивой (уязвимой) занятости (% от общей занятости).

Источник: [Human Development Report 2015: 254].

При этом данный показатель весьма дифференцирован, особенно в этническом и половом отношениях. Большое влияние оказывают традиции и религия. Именно это во многом определяет уровень занятости арабских женщин (лишь 25–30%), что значительно ниже, чем у израильтянок. Напротив, экономическая активность арабов-мужчин составляет более 60% и приближается к показателю еврейского мужского населения. Однако это не относится к арабской молодёжи, у которой она ниже, несмотря на то, что при «замере активности» еврейской молодёжи не учитываются те, кто служит в армии. В среднем данный показатель в Израиле сопоставим со средним по странам ОЭСР и составляет 78% (по основной возрастной группе – 24–65 лет) [Employment and Skills ... 2015: 33].

Необходимо отметить также то, что правительству Израиля всё же удаётся достаточно успешно сдерживать рост безработицы. Его опыт, однако, не является образцовым. В сравнительном плане более убедительна политика таких стран, как Норвегия и Дания, где уровень безработицы существенно ниже. Однако и в Израиле он находится на приемлемом уровне (6,2%). Аналогичный уровень отмечается, например, в Швеции и США. На этом фоне в ряде стран ЕС проблема безработицы носит весьма серьёзный характер, почти вдвое превышая показатель Израиля. Безработица как фактор социальной напряжённости в Израиле не играет столь значимой роли, как в некоторых странах Европы, во многом благодаря призыву в армию молодёжи: трёхлетняя обязательная служба для мужчин и двухлетняя для женщин существенно сокращает долю экономически активного населения трудоспособных возрастов.

Сформировавшаяся в Израиле тенденция к сокращению безработицы связана со структурными факторами – развитием образования и профессиональной подготовки, акцентом на гибкость рынка труда, изменениями в страховании по безработице, ростом временной занятости, совершенствованием системы поиска работы и трудоустройства. При этом уровень безработицы среди арабского населения выше, чем среди израильского населения, по всем регионам страны. Хотя безработица среди молодёжи составляет 20–25%, но это отнюдь не критическая ситуация: соответствующий показатель в странах ЕС существенно выше. Кроме того, имеет место устойчивая тенденция к её сокращению [Employment and Skills... 2015: 33].

Вместе с тем, находясь в группе стран ОЭСР со средним показателем безработицы, Израиль входит в число стран с минимальным уровнем преступности: число краж и грабежей составляет 39,9 на 100 тыс. граждан. А ведь если исходить из взаимосвязи этих показателей, то масштабы такой преступности в Израиле должны быть существенно выше, как это имеет место, например, в странах с сопоставимым уровнем безработицы. В частности, в Швеции уровень краж и грабежей превышает показатель Израиля почти в 2,5 раза, не говоря уже о США, где данный показатель выше более чем в 3,5 раза.

Однако проблема личной безопасности граждан в Израиле связана не только с уровнем бытовой преступности. Постоянная угроза террористических актов и военные действия серьёзно ухудшают качество жизни. В силу этого международный рейтинг качества жизни в Израиле в контексте личной безопасности и рисков для граждан постоянно снижается. И изменить что-либо существенным образом в этом отношении израильское общество в современных условиях в принципе вряд ли может.

Сформировавшаяся в Израиле тенденция к сокращению безработицы связана со структурными факторами: развитием образования и профессиональной подготовки, акцентом на гибкость рынка труда, изменениями в страховании по безработице, ростом временной занятости, совершенствованием системы поиска работы и трудоустройства.

Постоянная угроза террористических актов и военные действия серьёзно ухудшают качество жизни. В силу этого международный рейтинг качества жизни в Израиле постоянно снижается.

В целом же по качеству жизни, согласно экспертным оценкам, с учётом и таких его составляющих, как качество окружающей среды, уровень потребительских цен, досуг, качество политической системы, Израиль занимает 38–41 место (с суммарным показателем в 67 баллов из 100). Самый высокий рейтинг отдан США, затем идут Франция (4–6 место) – 75, Норвегия (16–19 место) – 72 и Швейцария (28–31 место) – 70. Для сравнения: индекс качества жизни в Китае – 57 (90–96 место), а в России – 54 балла (114–123 место).

Конечно, «объективность» данного показателя не стоит переоценивать. В нём много субъективного (включая и политическую пристрастность), особенно в отношении ситуации в странах Запада. В частности, бросается в глаза явно преувеличенная оценка ряда важных параметров в США. Взять хотя бы такой, как «безопасность и риски»: эксперты поставили ему наивысший балл – 100. Весьма нелепо, особенно на фоне событий последнего времени, выглядит наивысшая оценка США по параметру «свобода» (100). Но это на совести экспертов. Подобная необъективная оценка наводит на подозрения о вероятности политического заказа.

В целом же, согласно заключению ОЭСР, Израиль занимает 8 место по степени удовлетворённости жизнью. В то же время доля граждан с преобладанием позитивных оценок своей жизни в Израиле ниже по сравнению со многими странами. В частности, в России этот показатель, по данным 2010 г., оказался выше, хотя не дотягивает до среднего уровня по ОЭСР. Но это расчёты экспертов ОЭСР, сделанные на основе данных международных опросов службы Гэллапа [How's Life ... 2011: 273]. Так или иначе, но все же среди жителей Израиля преобладают оптимистические настроения, ибо это является «единственно возможным в непростых условиях жизни в этой стране» [Дубсон 2014: 54]. Такова реальная картина социального развития Израиля, сложная и противоречивая.

Сфера профессиональной подготовки и заработная плата специалистов

Трансформация экономики, сопровождавшаяся быстрым развитием сферы высоких технологий и ростом её удельного веса, привела к увеличению доли специалистов в общей структуре занятости. В этом смысле ситуация в Израиле не является чем-то особенным. Как и в других странах, она вписывается в современную глобальную экономику, способствующую росту международной конкуренции и поляризации рынка труда. Израильские учёные, в частности, обнаружили снижение корреляции между динамикой заработной платы в различных

отраслях, что было связано с ростом различий в уровне профессиональной подготовки работников и снижением межотраслевой мобильности [Brand, Regev 2015: 38].

Рынок труда реагировал естественным образом, транслируя спрос со стороны предприятий. Интересно, что, как и в России, в Израиле отмечается несбалансированность спроса и предложения на рынке труда в силу объективных причин. И эта несбалансированность во многом стала постоянным фактором жизни. Изменения в сфере образования происходят, вводятся новые программы и специальности, но они не поспевают за спросом со стороны экономики.

Важным достоинством организации высшего образования в Израиле является то, что оно нацелено на предприятия высоких технологий. При этом доля этих предприятий в промышленной занятости составляет 26% и постоянно возрастает. Однако, как это ни парадоксально, одна из проблем Израиля состоит в том, что доля специалистов высокой квалификации недостаточна для сохранения конкурентных экспортных позиций страны.

В социальном плане достижения в области образования значительны. Среднее образование является обязательным, а высшее стало доступнее, произошло некоторое выравнивание возможностей его получения. Притом сохраняется немало серьезных социальных проблем, которые начинают проявляться уже в период обучения в школе. Одной из них является невысокий уровень подготовки значительной части выпускников школ, что фактически лишает их возможности для обучения по естественно-научным специальностям. Кроме того, немало молодых людей бросают учёбу до 18 лет, т. е. до окончания школы.

В то же время большинство молодых людей предпочитают продолжать образование только по завершении службы в армии. Этому способствует и политика государства, которая предоставляет им дополнительные возможности и льготы. После демобилизации они получают существенные льготы, в частности, значительную денежную сумму, которую можно использовать в течение 5 лет на разные цели, связанные с обустройством жизни: на образование, организацию собственного дела и даже на свадьбу, а по истечении этого периода – на любые цели.

Одной из проблем является сравнительно высокая плата за высшее образование. В среднем оно обходится гражданам страны вдвое дороже, чем в странах ЕС [Дубсон 2014: 134]. По этому показателю Израиль занимает 8 место среди стран ОЭСР. Однако значительная часть высшего образования в Израиле носит избыточный характер. По крайней мере, значительный сегмент рынка труда разбалансирован: обладатели дипломов о высшем образовании получают рабочие места, не соответ-

Важным достоинством организации высшего образования в Израиле является то, что оно нацелено на предприятия высоких технологий. Однако доля специалистов высокой квалификации недостаточна для сохранения конкурентных экспортных позиций страны.

Одной из проблем является сравнительно высокая плата за высшее образование. В среднем оно обходится гражданам страны вдвое дороже, чем в странах ЕС.

ствующие их подготовке. В результате полученные знания оказываются мало востребованными, имеет место перепроизводство специалистов по ряду направлений профессиональной подготовки. Согласно экспертным оценкам, доля работников с избыточным образованием составляет 37%, и этот уровень один из самых высоких в развитых странах.

В этом отношении Россия и Израиль также очень похожи. Но проблема, связанная с необходимостью сокращения дисбаланса между потребностями предприятий и характером подготовки специалистов, пока лишь декларирована, но в полной мере не осознана и не оформлена в политических решениях ни в России, ни в Израиле.

Но каковы доходы специалистов в Израиле? В этом отношении наиболее перспективна ситуация у специалистов в области компьютерных технологий и представителей инженерных профессий – с первоначальной заработной платой соответственно 18 398 и 17 495 шекелей (в пересчёте это примерно 5027 и 4780 долл.). Наиболее низкий уровень доходов у педагогических работников и представителей гуманитарных наук. Однако он существенно корректируется ростом заработной платы в среднесрочном плане. В результате доход возрастает (по сравнению с начальным уровнем) от 20,9% у педагогических работников до 111,6% у врачебного персонала. Существенную прибавку получают юристы, управленческие работники (84–90%), специалисты в области физики и математики, инженеры (60–65%), компьютерщики (50,4%).

В Израиле подобная модель распределения наёмных работников по уровням оплаты труда обнаружила высокую устойчивость: с 1990-х гг. она практически не претерпела изменений. При этом в ряде категорий (лица свободных профессий, конторские служащие, работники торговли и сферы услуг, квалифицированные рабочие) доля получающих низкую заработную плату (менее 75% от медианной) несколько возросла.

Важно отметить, что в Израиле сложилась система оплаты труда, основанная на компетенциях, приобретённых в период профессиональной подготовки. Фактически продолжительность образования (основного и дополнительного) оказывает значительное влияние на рост доходов. Это, естественно, является хорошим стимулом для совершенствования в профессии, от чего в свою очередь выигрывают и работник, и работодатель, и экономика в целом.

При этом, конечно, никто не отменял и не может отменить правило, согласно которому заработная плата устанавливается в зависимости от соотношения спроса и предложения на рынке труда. В Израиле относительно низкий уровень заработной платы учителей (значительно ниже, чем в других странах ОЭСР) отчасти объясняется избыточностью педагогических работников. Даже с учётом того, что она повышается

со временем в процессе накопления стажа и приобретения профессионального опыта (от 18,7 до 38,2 тыс. долларов в год), разрыв весьма ощутим.

По сравнению со средним показателем по ОЭСР (данные 2011 г.), в Израиле заработная плата учителей была ниже более чем на 10 тыс. долларов. К слову, мировыми лидерами в этом вопросе являются Испания и Южная Корея с зарплатой учителей на 23–49% и 31–34% выше средней по ОЭСР (соответственно в начальной и средней школе) [Дубсон 2014: 148]. В 2011 г. в Израиле началась реформа, которая предусматривает существенный рост заработной платы учителей, на что выделены значительные средства. Иными словами, статус образования в Израиле постоянно повышается, ибо роль этой сферы первостепенна в формировании человеческого капитала и развитии современного НТП. И это в Израиле прекрасно понимают.

Каковы, однако, карьерные предпочтения у выпускников высших учебных заведений в Израиле? Судя по социологическим данным, многие отдают предпочтение работе в государственных учреждениях, особенно это касается экономических и юридических специальностей. Причём необходимо учитывать, что зарплата там ниже, чем на соответствующих должностях в частных организациях. Собственно говоря, во многом ситуация схожа с российской.

Привлекательность государственной службы связана с возможностями приобретения необходимого опыта и профессиональных компетенций. Однако и дополнительные материальные стимулы играют роль. В Израиле, как и в других развитых странах, расходы на развитие человеческого капитала, в частности высшее образование, эффективны как для государства, так и для граждан (хотя по этому показателю страна и занимает 16 место в ОЭСР). Однако важным преимуществом является то, что высшее образование обходится молодому израильянину всё же не так дорого, как в США, Великобритании и Нидерландах, хотя и дополнительные доходы, которые оно впоследствии приносит, значительно ниже.

Межэтнические отношения и проблемы сплочённости общества

Израильское общество весьма мозаично и противоречиво, ибо скроено из разных этнических лоскутов общей ткани, которая в своё время, почти 2000 лет назад, оказалась разорвана историей. Разделение между еврейскими и арабскими гражданами особенно чётко выражено. Учитывая длительный исторический характер конфликта, преодолеть его практически невозможно. Да и само еврейское население

Израильское общество весьма мозаично и противоречиво, ибо скроено из разных этнических лоскутов общей ткани, которая в своё время, почти 2000 лет назад, оказалась разорвана историей.

современного Израиля состоит из иммигрантов и их потомков из различных частей света. Однако «плавильный котёл» и время всё же делают своё дело. В каждом новом поколении пространство различий уменьшается, происходит рост духовной и политической консолидации общества.

Возникает вопрос, насколько социально открыто израильское общество и руководствуется ли оно принципом равных возможностей? Пока оно весьма рыхлое, о какой-либо социальной и тем более внутринациональной (межэтнической) консолидации говорить не приходится. В различных сферах израильского общества доминируют уроженцы и старожилы страны – выходцы из стран Европы и Америки (ашкеназы). Однако, по мнению Б. И. Дубсона, и у представителей других групп всё же открываются перспективы. Наиболее низкий социальный статус имеют выходцы из Эфиопии, хотя они получили в Израиле большие льготы от государства. Они получали, в частности, значительные по размерам, беспроцентные ипотечные ссуды, безвозвратные субсидии на покупку собственного жилья, а часть из них вообще получила бесплатное жильё в общественном секторе. В результате в 2010 г. 41% семей этой общины владели собственным жильём, 14% имели квартиры в общественном секторе, а 22%, в основном молодые пары и матери-одиночки, проживали в квартирах родственников [Дубсон 2014: 194]. Иными словами, социальная политика государства была нацелена на стимулирование репатриации из всех регионов мира.

Это хороший пример миграционной и социальной политики, заслуживающий внимания и в России. Такой подход позволяет обустроиться на новом месте, а это уже весьма существенно. Далее каждый находит «место под солнцем» самостоятельно. Конечно, социальные пределы такой политики очевидны, она отнюдь не способствует выравниванию социального положения. Социально-экономическая организация общества объективно сохраняет и усиливает его разделённость, неравенство возможностей, серьёзно ограничивает перспективы социального подъёма. И в этих условиях, кроме того, существует достаточно сильное стремление влиятельных сил в Израиле превратить его в моноэтническое государство, исключительно еврейское, что, конечно, не может способствовать консолидации общества и установлению прочного мира в этом регионе.

Большой вклад в укрепление государства и общества в Израиле внесла волна репатриации из стран бывшего СССР и России, что сделало его более успешной и эффективной страной. Такое мнение весьма распространено в Израиле. Однако в лучшем случае репатриантам удалось закрепиться в среднем классе.

При этом нужно учесть, что основная часть репатриантов из бывшего СССР, приехавших в страну с начала 1990-х гг., прожили в Израиле от 15 до 25 лет. Время, каза-

Большой вклад в укрепление государства и общества в Израиле внесла волна репатриации из СССР и России, что сделало его более успешной и эффективной страной. Такое мнение весьма распространено в Израиле.

лось бы, достаточное для интеграции в израильское общество. Тем не менее, более четверти этой группы израильтян недовольны своей жизнью, а полностью удовлетворены только 13% [Дубсон 2014: 229]. Значительная часть граждан трудно адаптируются, весьма пессимистично оценивают свои перспективы. Это, естественно, отражается на взаимоотношениях «старых» и «новых» граждан. Характерно, что значительное большинство репатриантов из стран бывшего СССР ограничивают своё общение только рамками своей общины, не поддерживая практически никаких отношений с коренными жителями.

Один из важнейших вопросов – отношения между еврейской и арабской частями населения. Влиятельные политические силы в Израиле отстаивают линию на выдавливание арабов с территории страны. Однако существует и прагматичная позиция, направленная на сосуществование, которая берёт верх. Правительство Израиля было вынуждено в начале 2000-х гг. перейти к осуществлению сбалансированной политики, в какой-то мере учитывающей интересы национальных меньшинств, прежде всего арабских граждан. В частности, были несколько скорректированы направления бюджетной политики, в 2010 г. принята программа развития арабских поселений. Всё это призвано улучшить межэтнические отношения. И определённый результат имеет место. Согласно данным израильских социологов, 61% респондентов-арабов заявили, что проживание в Израиле для них более предпочтительно, чем в арабских странах. Их привлекает, согласно данному опросу, современный образ жизни, экономическая и политическая стабильность, а также отсутствие угрозы прихода к власти представителей радикального ислама. Причём значительная часть (более половины) признают еврейский характер государства в Израиле, что определяет толерантный характер взаимоотношений [Дубсон 2014: 287].

При этом потенциал конфликта весьма высок, и он растёт. В 2011 г. 19% арабов, участвовавших в опросе, отказали Израилю в праве на существование: этот уровень вырос на 8 процентных пунктов по сравнению с началом 2000-х гг., не говоря уже о 1990-х, когда уровень терпимости в межэтнических отношениях был наиболее высоким.

Характерно, что в высшем социальном слое в Израиле нет представителей арабских семей, а в 9 и 8 децилях их доля составляет лишь 3 и 6%. Шансы на восходящую социальную мобильность у них ничтожны. Так, у выходцев из арабских семей шансы на попадание в высший социальный слой в Израиле составляет 3 из 100, причём этот показатель за два десятилетия снизился почти вдвое [Дубсон 2014: 276]. На рынке труда фактически распространена дискриминация арабского населения, что проявляется в растущем разрыве между ростом его образовательного уровня и характером пред-

Один из важнейших вопросов – отношения между еврейской и арабской частями населения Израиля.

лагаемых рабочих мест. Согласно данным ОЭСР, доля арабов, занятых в государственных учреждениях, не превышает 7,8%, хотя в своё время была поставлена цель достичь 10%.

Видимо, изменения были бы возможны в случае пересмотра характера социально-экономической модели, допускающей дискриминации и большие разрывы в доходах и благосостоянии граждан. В условиях реального социально-экономического и политического неравенства еврейского и арабского населения конфликтный характер их взаимоотношений может длительно сохраняться и усиливаться, обозначив новый виток конфронтации.

Возможный выход из тупика – в новой социально-экономической политике, направленной на реальный процесс выравнивания условий жизни и труда всех этнических групп населения страны. Но возможно ли это? Конечно, и невероятное случается, то, что даже невозможно предположить. Однако, этнические разломы внутри израильского общества настолько глубоки, что какие-либо сдвиги в лучшую сторону в положении нееврейских граждан могут снизить напряжение внутри страны, но характер отношений вряд ли принципиально изменят.

Отсюда конфликт исторически перманентен. Государство Израиль, находившееся у истоков цивилизации, исчезло почти на 2 тысячи лет, население рассеялось по миру, а затем вдруг, по прошествии этого огромного времени, «восстало из пепла». Таких примеров в истории не было. Естественно, оппонентов у этого государства всегда было немало, и после восстановления государства, которого они не ожидали, их количество не уменьшилось. Для изменения сложившейся ситуации необходимо, чтобы окружающие народы и прежде всего их лидеры психологически смирились с тем, что на Святой земле существует еврейское государство, и приняли формулу мирного сосуществования и сотрудничества с ним.

Но и лидеры Израиля могли бы, со своей стороны, предпринять принципиальные шаги как во внутренней, так и во внешней политике, чтобы навести реальные мосты для конструктивного диалога, ведущего к долговременному урегулированию. Они, конечно, могли бы пойти по пути «нового мышления» на Ближнем Востоке в духе М. Горбачёва. Уступки во всём, ради мира и благоденствия. Но это, как показала историческая практика, примитивный подход, который при неравновесной политике взаимоотношений, односторонних, ничем не оправданных уступках наносит колоссальный ущерб. Это как раз и произошло с Советским Союзом. В этом мире, в современной политике уступчивого противника не то, что не любят, но не уважают, считают уступки явным свидетельством слабости, но в полной мере их поощряют и используют. Можно вспомнить, какой ущерб понёс

СССР, а затем Россия в результате политики односторонних уступок, стремлению понравиться зарубежным коллегам-оппонентам своими действительно нравственными и открытыми действиями, в том числе в последний период времени. Впрочем, эта точка зрения по-прежнему имеет оппонентов и встречает противодействие.

Заключение. В ожидании перемен

Возвращаясь к проблемам Израиля, необходимо отметить, что в конце концов наступил момент, когда значительная часть общества разочаровалась в проводимой социальной политике. Перелом в настроениях проявился в 2011 г., когда на протяжении многих месяцев страну охватили массовые социальные протесты. Началось с малозначительного эпизода, связанного с повышением цены на один из широко потребляемых продуктов питания. Это стало искрой, которая воспламенила общество. Причём мобилизация участников протеста происходила с использованием современных информационных технологий, с помощью социальных сетей. Власти оказались в растерянности, они в принципе не могли представить, что в условиях постоянного противостояния с арабским миром и постоянных угроз безопасности может измениться вектор социальных предпочтений и интересов.

Жизнь, таким образом, потребовала изменений в социально-экономической политике. И первоначально правительственная комиссия, созданная летом 2011 г., исходила из необходимости социального выравнивания, имея в виду повышение налогов на значительные доходы (особенно сверхдоходы), увеличение налогов на капитал и прибыль, а также меры в области субсидирования жилья, социальные льготы. Хотя многое не было реализовано, общество пробудилось от спячки, активизировались профсоюзы. И им удалось добиться повышения гарантий занятости и оплаты труда в отношении ряда категорий занятых, хотя это и не коснулось основной массы наёмных работников, в том числе среднего класса. Но проблемы, вызвавшие протест, по сути дела, остались. Потребительские цены немного снизились, а затем опять стали повышаться. Однако общество уже практически не сопротивлялось, ибо вновь обострилась внешняя обстановка (в связи с ракетными обстрелами из района Газы), что отвлекло его от повседневных социальных проблем и вновь сплотило.

Рассматривая характер социальной политики Израиля, необходимо учитывать, что его финансовые возможности решать социальные проблемы в условиях, когда необходимо выделять значительные ресурсы на оборону и безопасность, весьма ограничены. Необходимо делать выбор. И понятно, что

Наступил момент, когда значительная часть общества разочаровалась в проводимой социальной политике: в 2011 г. на протяжении многих месяцев страну охватили массовые социальные протесты.

в бюджетной политике предпочтения отдаются расходам на оборону и безопасность, о чём с очевидностью свидетельствует [таблица 2](#).

Таблица 2

Структура государственных расходов (доля в ВВП; данные 2012 г.)

Страны	Общие расходы	Оборона	Экономика	Здраво-охранение	Образование	Социальная защита
Великобритания	46,7	2,4	3,5	7,5	5,8	17,3
Венгрия	48,6	0,7	6,2	5,2	4,7	16,7
Израиль	41,5	6,0	2,5	5,0	6,2	10,9
Ирландия	41,7	0,4	3,4	6,9	4,4	16,1
Испания	47,9	0,9	7,9	6,2	4,2	17,5
Италия	50,8	1,3	4,1	7,2	4,1	20,5
Норвегия	42,9	1,4	4,4	7,3	4,9	17,1
Португалия	48,8	1,2	2,9	6,6	6,5	18,4
США	40,1	4,2	3,7	8,7	6,4	8,1
ФРГ	44,1	1,1	3,4	6,8	4,2	18,8
Финляндия	56,1	1,5	4,8	8,2	6,4	23,8
Франция	56,8	1,8	5,0	8,0	5,5	24,2
Чехия	43,9	0,8	6,0	7,4	5,0	13,1
Швеция	52,6	1,4	4,5	6,9	6,5	22,1
Япония	42,0	0,9	4,2	7,4	3,6	18,0
Россия	37,7					

Источник: [National Accounts... 2015: 61].

Как видно, по уровню военных расходов Израиль значительно опережает все страны, при этом уступая всем остальным по уровню расходов на социальную защиту. Это некоторым образом компенсируется достаточно высоким уровнем расходов на образование (пятое место среди указанных стран). Остро и постоянно стоит проблема бюджетного дефицита, а в связи с ней – необходимость поиска дополнительных ресурсов. И здесь власти не могут изобрести ничего нового, кроме как повысить налоги.

Но возникает вопрос, какие налоги повышать, кого это может сильнее затронуть и какие может иметь последствия? Собственно говоря, в этом отношении власти пытаются найти «золотую середину», особенно не покушаясь на интересы состоятельных групп и крупного капитала. Но акцент на состоятельные группы не смещается, а социальная политика фактически финансируется по остаточному принципу. Кстати, эксперты ОЭСР критически оценивают характер социально-экономической политики в Израиле, обращая особое внимание на то, что там сохраняется высокий уровень бедности и социального неравенства, а правительство не предпринимает адекватных мер.

Важный показатель успешности политики властей – это уровень доверия граждан. В период 2007–14 гг. этот показатель в Израиле возрос на 22 процентных пункта. Выше рост оказался только в ФРГ (25 п.п.). Хотя в 2015 г. с началом миграционного кризиса в ЕС и недовольством большей части населения принятыми правительством этой страны мерами, его общественная «репутация» существенно пострадала. Это, впрочем, относится к оценкам миграционной политики ЕС в целом. В среднем же за указанный период уровень доверия правительству в странах-членах ОЭСР снизился на 3,3 процентных пункта – с 45,2 до 41,8%. Наиболее значительное снижение доверия произошло в Словении (30 п.п.), Финляндии (29 п.п.), Испании (27 п.п.), Португалии (22 п.п.). По мнению специалистов ОЭСР, особую роль в уровне доверия/недоверия играет фактор коррупции: уровень доверия тем выше, чем ниже уровень коррупции и наоборот. Таким образом, во многих странах в последнее время встала серьёзная проблема восстановления доверия к власти, ибо эффективное развитие иначе невозможно. Израиль демонстрирует в этом плане заслуживающий внимания опыт развития. Но нельзя и переоценивать этот результат, ибо, согласно данным за 2014 г., уровень доверия составил менее 50% – заметно ниже многих стран ОЭСР [Government at a Glance 2015: 156–157].

В последние годы в массовом сознании населения Израиля происходят серьёзные сдвиги. Формируются новые ценностные предпочтения в отношении политического и социально-экономического развития страны. Растёт численность работников, вступающих в профсоюзы, активизируется их деятельность, которая распространяется и на крупные компании, где прежде их не было. Показательно, что рост профсоюзов происходит, несмотря на серьёзное сопротивление работодателей. Работники успешно отстаивают свои права, в том числе в судах.

Это хороший пример для наёмных работников и профсоюзов в России, ибо профсоюзы пассивны, во многом формальны, а работники часто испытывают банальный страх больше потерять, чем приобрести, защищая свои права. Но в условиях капиталистических предприятий, которые уже давно таковыми являются, в России, если иметь в виду частный (рыночный) сектор экономики, со стороны работников и профсоюзов не может быть иного эффективного подхода, кроме как расширение деятельности с использованием различных форм, чтобы успешно бороться за свои права.

Можно увидеть и немало других параллелей с социальными проблемами в России и ответом власти на эти проблемы. К сожалению, в России до сих пор во властные структуры не пришло понимание того, что страна нуждается в политике социального выравнивания, нацеленной, прежде всего, на уменьшение разрывов в доходах и материальных возможно-

Важный показатель успешности политики властей – это уровень доверия граждан. В период 2007–14 гг. этот показатель в Израиле возрос на 22 процентных пункта. Выше рост оказался только в ФРГ (25 п.п.).

стях различных социально-профессиональных групп. Россия нуждается в политике, ориентированной на формирование и укрепление принципов социальной справедливости, что могло бы мотивировать продуктивную трудовую деятельность и способствовать консолидации общества.

В 2014 г. Россия вступила в новый этап своего развития, когда многие иллюзии, связанные с характером современного миропорядка, рассеялись. Правила ВТО нарушаются односторонними санкциями, а постоянные уступки России во многих сферах с целью урегулировать возникшие проблемы не впечатляют партнёров России и воспринимаются ими скорее как проявление слабости. И, судя по всему, данная стратегическая линия по отношению к России обозначилась надолго. Проблема усугубляется изменениями в мировой экономике, начавшимися в 2015 г. Само собой разумеется, что сохранять прежний характер социально-экономической политики невозможно, ибо у него нет перспективы. В условиях, когда перед российским обществом и российской властью со всей остротой встали проблемы выживания и развития перед лицом постоянного внешнего давления и ограничений, Израиль демонстрирует заслуживающий внимания опыт внутреннего развития.

Библиографический список

Дубсон Б. И. 2014. Современный Израиль. Социально-экономические очерки. М.: Международные отношения. 376 с.

Better Life Index 2015. OECD, 2015. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/better-life-index/better-life-index-2015_data-00823-en?isPartOf=/content/datacollection/socwel-data-en [Дата посещения: 02.03.2016].

Bleikh H. Poverty and Inequality in Israel: An International Perspective // State of the Nation Report 2015. 49 p. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/povertyandinequalityenglish.pdf [Дата посещения: 23.01.2016].

Brand G., Regev E. The Dual Labor Market: Trends in Productivity, Wages and Human capital in the Economy // State of the Nation Report 2015. 48 p. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/theduallabormarketenglish.pdf [Дата посещения: 23.01.2016].

Employment and Skills Strategies in Israel. P.: OECD Publishing, 2015. 87 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264232969-en>

Government at a Glance 2015. P. OECD Publishing, 2015. 209 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787gov_glance-2015-en

How's Life in Israel? P.: OECD, 2015. 8 p. URL: <http://www.oecd.org/israel/Better%20Life%20Initiative%20country%20note%20Israel.pdf> [Дата посещения: 23.01.2016].

How's Life? Measuring Well-being. P.: OECD, 2011. 282 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264121164-en>

Human Development Report 2013. N.Y.: UNPD, 2013. 203 p. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf [Дата посещения: 27.02.2016].

Human Development Report 2015. N.Y.: UNPD, 2015. 273 p. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf [Дата посещения: 27.02.2016].

National Accounts at a Glance 2015. P.: OECD Publishing, 2015. 94 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/na_glance-2015-en

Stier H., Lewin A. Material Hardship in Israel // State of the Nation Report 2013. P. 313–333. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/stateofnation_013eng8.pdf [Дата посещения: 23.01.2016].

Social Images in Modern Israel. Problems and Politics

Lyublinskiy Victor Victorovich

Dr. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher, Head of The Department of Comparative Analysis of Social Policy, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

Abstract. This article examines the peculiarities inherent to the development of modern Israeli society, while looking into Israel's experience in solving problems associated with increasing prosperity, social policy and interethnic relations. It shows that Israel's social-economic strategy puts emphasis on supporting hi-tech fields, the development of which is mainly defined by tasks aimed at ensuring national security and defensive capability. Such projects are also utilized in civil industries: this leads to an increase in labor productivity, as well as the population's prosperity and life quality, while also strengthening the country's international status in several areas. The level of relative R&D expenses also says quite a lot: in this respect Israel is ahead of the entire world. Israeli society has developed a strong ability to adapt to constantly changing conditions. But its social stability cannot be long lived, stable and secure when there is such a severe gap in the population's income; said stability is constantly being threatened, a testament to that being a huge wave of public protests which took place during the summer of 2011, with hundreds of thousands of Israeli participating. Deeply rooted ethnical differences are also evident within Israeli society. However, despite there being some serious problems, said society is quite consolidated, for if that was not the case – it would be impossible to endure in such conditions of constant terrorist threats and with the country's very existence constantly being challenged. In the last few years a sustained trend has been shaping in Israel – of citizens gaining trust in their own government: this gives Israel quite an advantage compared to many other countries, where restoring trust has become a problem for the authorities. Serious shifts in mass consciousness have also been taking place. New value preferences have been shaping when it comes to national political and socio-economic development. The amount of workers joining trade unions is growing, and they are becoming increasingly more active: their activities now apply to large companies, where they had never been present in the past. It is a significant fact that trade unions are growing despite serious resistance from employers. Workers are successfully standing up for their rights, in the courts too. Considering current conditions, when Russian society and Russian authorities are facing survival and development troubles at point blank (being constantly subject to external pressure and confinement), in this respect Israel demonstrates some noteworthy internal development experience.

Keywords: economic development, social policy, income, poverty, education, salary, interethnic relations.

References

Better Life Index 2015. OECD, 2015. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/better-life-index/better-life-index-2015_data-00823-en?isPartOf=/content/datacollection/socwel-data-en [date of visit 02.03.2016].

Bleikh H. Poverty and Inequality in Israel: An International Perspective. / State of the Nation Report 2015. 49 p. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/povertyandinequalityenglish.pdf [date of visit 23.01.2016].

Brand G., Regev E. The Dual Labor Market: Trends in Productivity, Wages and Human capital in the Economy. State of the Nation Report 2015. 48 p. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/theduallabormarketenglish.pdf [date of visit 23.01.2016].

Dubson B. I. *Sovremennyj Izrail'. Social'no-ekonomicheskie ocherki* [Modern Israel. Social and Economic Essay]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnoshenija, 2014. 376 p.

Employment and Skills Strategies in Israel. Paris, OECD Publishing, 2015. 87 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264232969-en>

Government at a Glance 2015. Paris, OECD Publishing, 2015. 209 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/gov_glance-2015-en

Human Development Report 2013. New York, UNPD, 2013. 203 p. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf [date of visit 27.02.2016].

Human Development Report 2015. N.Y.: UNPD, 2015. 273 p. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf [date of visit 27.02.2016].

How's Life in Israel? Paris, OECD, 2015. 8 p. URL: <http://www.oecd.org/israel/Better%20Life%20Initiative%20country%20note%20Israel.pdf> [date of visit 23.01.2016].

How's Life? Measuring Well-being. Paris, OECD, 2011. 282 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264121164-en>

National Accounts at a Glance 2015. Paris, OECD Publishing, 2015. 94 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/na_glance-2015-en

Stier H., Lewin A. Material Hardship in Israel. State of the Nation Report 2013. P. 313–333. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/stateofnation_013eng8.pdf [date of visit 23.01.2016].

Размышления на основе новых иностранных публикаций

Конфликт как объект и инструмент социальной работы

Рыбакова Лариса Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Сектор социологии девиантного поведения, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: laryb@mail.ru

Конфликт как объект и инструмент социальной работы

Размышления о книге: Stoevesand, S. Roeh, D. (Hrsg).
Konflikte – theoretische und praktische Herausforderungen fuer die Soziale
Arbeit. Verlag Barbara Budrich, Opladen-Berlin-Toronto, 2015. 302 p.

Аннотация

Рецензия на коллективную монографию немецких авторов (на немецком языке) содержит обзор представленных в ней материалов, подготовленных на основании практического опыта. Стержнем публикации служит категория конфликта между государственной системой и дезинтегрированным индивидом, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. В этом контексте анализируется деятельность социальных работников как посредников между государственной системой управления и отдельными группами населения, которая направлена на согласование интересов социальных институтов и индивидов, на поддержку маргинальных групп населения – мигрантов, бездомных, безработных, наркоманов, девиантных подростков и т. д. Вместе с тем рассматривается конфликт как характеристика отношений между социальным работником и клиентом, приводятся примеры преодоления внутриличностных конфликтов клиентов в целях их адаптации к требованиям общества. Необычность выбранного угла зрения – конфликт в социальной работе – побуждает читателя критически оценить распространённые стереотипы, связанные с восприятием социального работника как защитника государственных интересов и с технологиями примирения, подавления конфликтов. В рецензии подчёркивается, что материальную основу социальных инициатив образуют не только налоговые поступления и государственное финансирование, но также деятельность многочисленных некоммерческих организаций и благотворительных фондов. Автор приходит к выводу, что новая коллективная монография немецких специалистов будет с интересом воспринята российским профессиональным сообществом, поскольку в ней анализируется богатая практика социальной работы в контексте общественных отношений. Ценность представленной монографии подтверждается широким обзором и глубоким анализом многолетней повседневной деятельности профессионалов, помогающих индивидам адаптироваться в трудных условиях, достичь согласования между индивидуальными устремлениями и социальными требованиями.

Ключевые слова: социальная работа, конфликт, опыт Германии, адаптация

В Германии накоплен богатый опыт социальной работы, что обусловлено принципами социального государства, закреплёнными в федеральном Основном законе ФРГ. Материальную основу социальных инициатив образуют не только налоговые поступления и государственное финансирование, но также деятельность многочисленных некоммерческих организаций и благотворительных фондов. Отличительной чертой немецкого социального обслуживания населения является не только выплата пособий, но также широкий спектр поддерживающих мер для граждан, оказавшихся перед лицом непреодолимых трудностей. Например, работа с наркозависимыми лицами включает организацию их контактов с лечебными учреждениями, обучение первичным профессиональным навыкам (дисциплина и выполнение обязанностей и т. п.), правилам общежития, участие в трудоустройстве и обретении жилья, восстановление семейных связей и др.

Система социальной поддержки выросла в Германии «снизу», из отдельных инициатив, главным фактором её развития служило осмысление повседневных потребностей дезинтегрированных групп населения (бездомные, подростки, инвалиды, наркозависимые, мигранты). В основу теоретических постулатов были положены эмпирические обобщения и практическое овладение необходимыми квалификациями поддержки. Большую роль в этом процессе «возвышения» практики сыграли профессиональная подготовка в вузах и на курсах повышения квалификации, профессиональные сообщества и участие общественных организаций в обсуждении социально значимых проблем населения.

Немецкое общество социальной работы (DGSA) объединяет профессионалов, занимающихся научными и практическими вопросами выявления, описания и объяснения, а также предупреждения или ослабления социальных проблем. Богатый опыт работы с трудными жизненными ситуациями долгое время распространялся в Германии путём занятий со студентами, практических семинаров по обмену опытом для специалистов, курсов повышения квалификации. Подготовка социальных работников в учебных заведениях всегда включала значительный объём практикумов и стажировок по выбранному направлению. Обязательным условием социальной работы с людьми является в Германии профессиональное сопровождение (супервизия), в ходе которой сотрудник обсуждает с более квалифицированным специалистом возникшие у него проблемы. Это оплачивается работодателем в целях охраны психического здоровья и обеспечения необходимой квалификации работника, предупреждая таким образом профессиональное «выгорание». Следовательно, супервизия признаёт, что работа с людьми направлена на поиск решения конфликтных ситуаций как для клиента, так и для самого сотрудника.

В Германии накоплен богатый опыт социальной работы. Материальную основу социальных инициатив образуют не только налоговые поступления и государственное финансирование, но также деятельность многочисленных некоммерческих организаций и благотворительных фондов.

Подготовка социальных работников в учебных заведениях всегда включала значительный объём практикумов и стажировок по выбранному направлению.

В целях развития сферы профессиональной деятельности «социальная работа» Немецкое общество социальной работы (DGSA) движется в нескольких направлениях – наука, практика, подготовка кадров, обмен опытом. В 2010 г. был дан старт серии публикаций для специалистов по социальной работе, которая «подпитывается» материалами конгрессов и конференций, дискуссиями по актуальным проблемам, новациями и открытиями.

В этой серии Немецкое общество социальной работы в марте 2015 г. опубликовало весьма значимую монографию под редакцией Сабины Штёвезанд и Дитера Рё, тема которой – конфликты как объект и инструмент социальной работы.

В быту люди стремятся избегать конфликтов. Однако в социальных и гуманитарных науках конфликт, рассматриваемый отстранённо, часто приобретает позитивную коннотацию. Конфликты считаются частью неизбежных социальных перемен и индивидуального развития. Проявляя вечную игру между порядком и хаосом, конфликты выступают симптомом процессов самоорганизации в живых системах... Однако практически конфликты всегда связаны с неуверенностью и страхами. Сила привычки и сопротивление новому чаще наращивают конфликт сильнее, чем готовность обратиться к новому, ненадёжному будущему.

Как указано во вступительной статье, конфликты в любой сфере проявляют рассогласование интересов, потребностей, ценностей, целей и подходов. Вместе с тем, без противоречий немислимо индивидуальное и общественное развитие. Они могут быть двигателем позитивных изменений или помехой благополучному сосуществованию. Для работы с конфликтами имеет значение не только анализ причин и поводов их возникновения, но и совершенствование форм их предупреждения, ослабления, разрешения. Не всегда ясно, что стоит за конфликтом – объективное противоречие интересов или несоответствие субъективных оценок. На понимание причин конфликта подчас уходит слишком много времени и сил.

Как отмечает в своём теоретическом обзоре Г. Эффингер, «социальные работники чаще других профессионалов бывают непосредственно вовлечены в разного рода конфликты в сфере политики, экономики, социально-культурных интересов... Кроме того, их профессиональная деятельность характеризуется в ряде публикаций как «профессиональный парадокс», поскольку она предполагает сложную взаимосвязь помощи и контроля, автономии и гетерономии, близости и дистанцирования, поддержки и требования. Такого рода противоречия в принципе не могут быть разрешены в сфере социальной работы. Эти противоречия обостряются в тех сферах деятельности, где недобровольность и принуждение играют большую роль» (с. 24). Важно отметить, что социальные работники

Социальные работники чаще других профессионалов бывают непосредственно вовлечены в разного рода конфликты в сфере политики, экономики, социально-культурных интересов.

в Германии задействованы в тюрьмах, исправительных учреждениях, реабилитационных центрах для наркозависимых, в коррекционной работе с несовершеннолетними правонарушителями и т. п., где они решают задачи не просто распределения льгот или «выявления социально неблагополучных», но используют различные социально-педагогические технологии для «встраивания» девиантных индивидов в социально одобряемую среду и деятельность, для устранения социальной эксклюзии.

Рецензируемая монография представляет поле социальной работы (социальное обслуживание населения) как деятельность, направленную на смягчение социальной напряжённости, в которой социальный работник выступает медиатором конфликта. При этом он делится со своим клиентом знаниями о доступных государственных ресурсах, помогает установить с ними контакты. Специфическая проблема социальной работы в Германии, да и в России, состоит в том, что её объектом выступают люди, по разным причинам избегающие контактов с государственными учреждениями и работниками государственных служб, не обладающие достаточными навыками для этого. Таким образом, социальный работник помогает преодолеть барьеры в контактах с государственной системой и одновременно побуждает клиента к разрешению внутриличностных конфликтов.

Монография состоит из трёх частей. В первой части собраны материалы теоретического характера. Выбор конфликта в качестве стержня социальной работы помогает выявить ключевую роль неравенства, власти, доминирования в общественных отношениях, а также способствует адекватному осознанию социальных проблем. Этот подход также ориентирован на поиск технологий предупреждения, ослабления, разрешения социальных противоречий.

Вторая часть содержит эмпирический анализ различных конфликтных ситуаций, преимущественно в сфере социальной поддержки детей и подростков. В материале Х. Мессмера рассматривается специфика работы с несовершеннолетними, технологии которой предполагают тщательную проработку конфликтов подростка или ребёнка как с окружением, так и с социальным работником. В исследовании У. Райхман конфликты между специалистами, работающими с несовершеннолетними, предлагается рассматривать как диагностические сигналы, требующие специфических мер по организации социально-психологического сопровождения подопечных, а также по организации взаимодействия профессионалов. Такие конфликты характерны для межведомственной кооперации. В российских условиях примером могут служить разногласия между учителем, психологом и инспектором по делам несовершеннолетних, обусловленные различиями в понимании

причин и технологиях разрешения конфликтов. В материале К. Эквит и Х. Шмидт обсуждаются результаты двух эмпирических исследований того, как пространство и правила в работе воспитательного учреждения для трудных подростков могут провоцировать насилие. Вклад в монографию К. Агхамири, А. Райнеке-Тёрнер и У. Унтеркофлер обобщает результаты трёх диссертационных исследований, посвящённых профилактике конфликтов в образовательной (школа) и досуговой среде (работа с девиантными подростками). Материал К. Моллер представляет наиболее значительные результаты первого длительного проекта по изучению групповой враждебности в подростковой среде, включающей детей мигрантов, и формулирует выводы для социальной работы.

Указывая на разбалансированность жизненных траекторий и инфантильность современных взрослых, часто отмечаемую у них незавершённость в установлении границ внешнего влияния, Э. Чаппарини и А. Ковалова изучают конфликтные рассогласования между досуговой активностью работающей молодёжи и родительскими ожиданиями. Авторы указывают, что общепризнано большое значение группы сверстников в регуляции поведения подростка, но до сих пор нет достаточной ясности по поводу интеграционной функции группы сверстников для подростка. В этом контексте особенно важно изучить характер совладающего поведения (копинг-поведения) молодёжи и возможности использования этого знания в профилактической и социализирующей работе с трудными подростками.

К. Маар и Ю. Малысек на конкретных примерах рассматривают конфликты разного уровня в работе с бездомными. Авторы ставят вопрос о роли социальной работы в обществе: оказание скорой помощи в отдельных случаях или представительство в политических структурах для принципиального решения конкретной социальной проблемы. В российской социальной практике такой подход называется «гармонизация социальной среды» и разрабатывается преимущественно теоретически.

По материалам незавершённого исследовательского проекта С. Зойлер, Ю. Раймер и Й. Клоха анализируют значение конфликтных идентичностей в контексте жизненных и образовательных сценариев, а также профессионального взаимодействия в сфере социальной работы. Искусство профессионала состоит в том, чтобы, несмотря на все сложности проблем и ограниченность доступных средств, решать поставленные задачи, не избегая конфликтов. Социальному работнику приходится каждый раз заново в конфликте, который он прорабатывает со своим клиентом, определять для себя свою профессиональную позицию. Его задачи состоят в том, чтобы разъяснить социальные нормы, направлять социальные действия своих

Авторы изучают конфликтные рассогласования между досуговой активностью работающей молодёжи и родительскими ожиданиями.

Социальному работнику приходится каждый раз заново в конфликте, который он прорабатывает со своим клиентом, определять для себя свою профессиональную позицию. Его задачи: разъяснять социальные нормы, направлять социальные действия подопечных, защищать их от неприятных требований социума, ограждать от непосильных ожиданий близких...

подопечных через позитивные и негативные санкции, защищать клиентов от неприятных требований социума, ограждать их от непосильных ожиданий близких, либо быть агентом по внедрению социально одобряемых и поддерживаемых государством ожиданий нормативного образа жизни (с. 25). Иными словами, социальный работник всегда чётко осознаёт, на чьей он стороне. И это необходимо учитывать в системе профессиональной подготовки.

Авторы предлагают технологии для развития саморефлексии в практике и теории социальной работы, направляя внимание на учёт этнических аспектов. Такой угол зрения обусловлен тем, что значительные объёмы социальной работы в Германии связаны с интегративной помощью мигрантам и их детям.

Э. Шимпф показывает значение конфликта как основы для процесса подготовки и повышения квалификации специалистов. Анализ социальных проблем с позиций теории конфликта помогает в осознании деструктивных процессов в обществе, а также открывает возможности совершенствования технологий социальной работы.

В третьей части монографии собраны материалы, касающиеся прикладных аспектов обращения с конфликтом в практике социальной работы. Х. Клеве предлагает четырёхчленную модель, позволяющую чётко выявлять структуру и процесс конфликтов и разногласий. На трёх примерах он показывает возможности методического использования этой модели. Р. Кильб считает, что конфликты могут служить важным индикатором профессионализма. В школьной и социальной педагогике они используются как возможность обогащения опыта и сигнал к необходимым изменениям. Х. Браун-Тюрман с коллегами исходят из того, что социальные конфликты выступают не только симптомами неблагополучия системы, но также связаны со страданиями индивида. В их статье показано, как использовать психотерапевтические приёмы в работе с социальными конфликтами.

М. Мундорф обращает внимание на необычное использование слов, которое может провоцировать конфликт. В этой связи она предлагает лингвистическую технику глубинного анализа и разрешения сложных конфликтов. В. Шёниг рассматривает формализацию сетевой структуры как процесс ограничения продуктивных реакций на конфликты. Превращение сети в официальную структуру способствует её расширению и выстраиванию иерархии, что делает невозможным продуктивный конфликт и «открытое слово». Автор указывает конвенциональный и альтернативный пути реактивации сетей.

Б. Ронер обсуждает статус социального работника, который выступает посредником между законом (государством) и клиентом. В зависимости от понимания своей роли социаль-

В зависимости от понимания своей роли социальный работник встаёт на ту или иную сторону в споре и решается искать варианты действий, которые частично нарушают действующее законодательство, но считаются менее несправедливыми, более приемлемыми.

ный работник встаёт на ту или иную сторону в споре и решается искать варианты действий, которые частично нарушают действующее законодательство, но считаются менее несправедливыми, более приемлемыми. В связи с этим автор рассматривает возможности действий отдельного социального работника, а также указывает на необходимость специфических перемен в профессиональной деятельности.

Обобщая представленные материалы, редакционная коллегия отмечает, что социальные работники, участвуя в разрешении конфликтов своих клиентов, сами оказываются субъектами конфликтов, будучи профессионально вовлечёнными в конфликтные общественные отношения. Поэтому социальный работник как профессионал не может ограничиться удобной позицией мудрого наблюдателя, но призван быть активным деятелем. И конфликты в практике социальной работы оказываются «клеем», связывающим этические принципы, профессиональные позиции и политические предпочтения.

Новая коллективная монография немецких специалистов несомненно будет с интересом воспринята российским профессиональным сообществом, поскольку в ней анализируется богатая практика социальной работы в контексте общественных отношений. Необычность выбранного угла зрения – конфликт в социальной работе – побуждает читателя критически оценить распространённые стереотипы, связанные с восприятием социального работника как защитника государственных интересов и с технологиями примирения, подавления конфликтов. Ценность представленной монографии подтверждается широким обзором и глубоким анализом многолетней повседневной деятельности профессионалов, помогающих индивидам адаптироваться в трудных условиях, достичь согласования между индивидуальными устремлениями и социальными требованиями.

Conflict as an Object and as an Instrument for Social Work

Reflecting on a book: Stoevesand, S. Roeh, D. (Hrsg). Konflikte – theoretische und praktische Herausforderungen fuer die Soziale Arbeit. Verlag Barbara Budrich, Opladen-Berlin-Toronto, 2015. 302 p.

Rybakova Larissa Nikolaevna

Candidate of sciences in philosophy, senior researcher, Department of sociology of the deviant behavior, Center for the Study of Adaptation Process in a Changing Society, Institute of sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: laryb@mail.ru

Abstract. This review on a collective monograph compiled by German authors (and written in German) contains an overview of materials presented in it, which were prepared using practical experience as a basis. The publication is built around a certain category of conflict – between the system and disintegrated individuals who happen to be in a difficult life situation. Social

workers' activities are subject to analysis in this context, with them being intermediaries between the system of government management and separate population groups: said activities aim to bring social institutions' and individuals' interests into accord, as well as to support marginalized groups of the population, such as migrants, the homeless, the unemployed, drug-addicts, deviant youths etc. Conflict is also examined as a characterization of relations between social workers and clients: examples are portrayed of clients overcoming intrapersonal conflict in order for them to conform to society's requirements. Such an unusual point of view (observing conflicts in social work) stimulates the reader to critically evaluate common stereotypes, those having to do with perceiving social workers as people who defend the government's interests, and also those having to do with reconciliation and conflict suppressing techniques. The review accentuates the fact that the material basis for social initiatives is formed not only by tax revenue and government financial backing, but also thanks to the activities of various non-commercial organizations and charitable foundations. The author comes to the conclusion that this new collective monograph compiled by German specialists will be of interest to the Russian professional community, considering that it analyzes a rich practical background of social work in the context of social interaction. The true value of the monograph presented is supported by a broad view and deep analysis of many years worth of professionals' everyday activity, aimed at helping individuals adapt to difficult conditions, as well as bringing individual aspirations into accord with social requirements.

Keywords: social work, conflict, German experience, adaptation.

Научная саморефлексия

Опыт модернизации образовательной технологии на основе инновационной практики научно-исследовательской деятельности

Тихонов Александр Васильевич – главный научный сотрудник, профессор, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: alvast@isras.ru

Мерзляков Андрей Александрович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: merzliakov@mail.ru

Богданов Владимир Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: valarf@mail.ru

Опыт модернизации образовательной технологии на основе инновационной практики научно-исследовательской деятельности

Аннотация

Использование информационных технологий в образовании – это не просто технологический процесс, как принято считать сегодня, а новый социально-адаптационный подход, основанный на знаниях «здесь и сейчас», в действии, напрямую и латентно влияющий на все сферы общественного взаимодействия и жизнь общества в целом. Никто не даёт гарантии, что общество, ориентированное на новые технологии, будет более комфортным для подрастающих поколений, чем построенное на мнениях и вере. Быстро развивающиеся когнитивные науки уже разрабатывают проекты переделки человеческой телесности и психики, раскручивают идеи пост-человека и трансгуманизма. Интенсивное внедрение информационных технологий нередко рассматривают как новый, более высокий и эффективный уровень управления познавательным процессом со стороны всех категорий обучающихся. Это возможно было бы и так, если бы в основе как психической, так и социальной жизни человека лежали только когнитивные процессы, а образовательные учреждения были единственными авторитетными трансляторами истинного знания о природе, обществе и человеке. На самом деле образовательный процесс погружён в систему сложных социальных отношений, среди которых отношения обучающихся и обучающихся не являются доминирующими. Внедрение информационных технологий не даёт преимуществ ни той, ни другой стороне, а только усложняет их взаимодействие. Доступность разнообразных источников информации требует дополнительных волевых усилий и мотивации для непрерывного самообразования, целью которого становится собственная оценка подрастающим поколением достоверности знаний и их практической применимости. В этом отношении опыт интеграции образовательного и научно-исследовательского процессов может представить особый интерес. В настоящей статье как раз речь идёт об опыте соединения традиционных дидактических форм профессионального образования с практикой научно-исследовательской деятельности Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН. Результат был представлен слушателям Школы молодого учёного (ШМУ)¹ в рамках проекта РФФ². В качестве примера приводился фрагмент эксперимента включения студентов академического вуза (Государственного академического университета гуманитарных наук – ГАУГН) в научно-исследовательский процесс сбора, анализа и агрегации диагностической информации в режиме онлайн с применением

¹ Электронный доступ к сетевому сообществу ШМУ URL: <http://vk.com/smu2015>.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования».

интерактивных сервисов и специализированного программного продукта. Значение этой работы выходит за рамки выполнения стандартной учебной программы. Результаты реализации данной работы позволили распространить внутринаучный дискурс в отношении проблем методологии и методов социологических исследований на область проблем социологии управления, что способствует не только дальнейшей теоретизации этой дисциплины, но и ставит вопрос о модернизации института образования как проблемы социального управления.

Ключевые слова: информационное общество, когнитивные науки, НБИК-технологии, научно-исследовательские и образовательные практики, контуры интеграции, дистанционные онлайн исследования, социоинформационные технологии

Следует согласиться с мнением авторитетных исследователей процессов стремительной информатизации современных обществ [Ракитов 1991, Веремей 2011, Вихрев 2011], в части особой роли информатизации образования в перестройке традиционного механизма систематизации, передачи и использования знаний. В складывающихся условиях, действительно прослеживается повышение внимания к разработке и применению интерактивных методов в организации учебно-образовательного процесса, что, как предполагается, должно способствовать формированию более высоких компетенций и других профессиональных качеств специалистов.

Однако использование информационных технологий в образовании – это не только лазерная указка в руках преподавателя и интерактивная доска в аудитории. Это уже жизнь общества, основанного на знаниях «здесь и сейчас», в действительности. Никто не даёт гарантии, что такое общество будет более комфортным для подрастающих поколений, чем построенное на мнениях и вере. Быстро развивающиеся когнитивные науки уже разрабатывают проекты переделки человеческой телесности и психики, раскручивают идеи пост-человека и трансгуманизма. Интенсивное внедрение информационных технологий нередко рассматривают как новый, более высокий и эффективный уровень управления познавательным процессом со стороны всех категорий обучающихся. Это возможно было бы и так, если бы в основе как психической, так и социальной жизни человека лежали только когнитивные процессы, а образовательные учреждения были единственными авторитетными трансляторами истинного знания о природе, обществе и человеке. На самом деле образовательный процесс погружён в систему сложных социальных отношений, среди которых отношения обучающихся и обучающихся не являются доминирующими. Внедрение информационных технологий не даёт преимуществ

Образовательный процесс погружён в систему сложных социальных отношений, среди которых отношения обучающихся и обучающихся не являются доминирующими. Внедрение информационных технологий не даёт преимуществ ни той, ни другой стороне, а усложняет их взаимодействие.

ни той, ни другой стороне, а только усложняет их взаимодействие. Доступность разнообразных источников информации требует дополнительных волевых усилий и мотивации для непрерывного самообразования, целью которого становится собственная оценка подрастающим поколением достоверности знаний и их практической применимости. В этом отношении опыт интеграции образовательного и научно-исследовательского процессов может представить особый интерес.

Контуры интеграции дистанционных образовательных и научно-исследовательских практик

Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН разработал и внедрил в практику проведения исследований собственную социоинформационную технологию дистанционного сбора, обработки и анализа данных. Помимо использования в мониторинге осуществления в регионах кластерной политики, данная технология была опробована и в практике преподавания социологического курса в ГАУГН в 2012–14 гг., что позволило студентам не только лучше осмыслить основы дисциплины 22.00.08 – «Социология управления», но также в режиме реального времени ознакомиться с современным методическим арсеналом социолога, испытать его, самостоятельно получить первичные данные из сети интернет и сделать тем самым первые шаги к сопоставлению фактов виртуальной и социальной реальностей.

Удалось наглядно показать студентам, что одновременно проверялись и возможности решения фундаментальных задач связи когнитивных наук с использованием информационных технологий в исследовательских и образовательных практиках. Более 10 лет назад Национальным научным фондом США была выдвинута идея соединения четырёх мегатехнологий (нано-, био-, инфо- и когнито-) под названием НБИК-инициатива, представленных как мощное средство преобразования человека и социума. Эта так называемая новая «технонаука» и сопровождающая её широкая экспериментальная практика возродили старые технократические иллюзии возможности таких преобразований. При этом редко обращают внимание на крупные методологические недостатки таких технологий, без преодоления которых «технонаука» может представлять серьёзные риски и угрозы для будущего земной цивилизации. Во-первых, она не включает в себя пятую технологию – социогуманитарную, о чём справедливо напоминает директор Курчатовского института академик М. В. Ковальчук, а во-вторых – это уже собственно социологический аспект, она не учитывает того, что в обществе действует не индивид с мозгом и биологическим

Так называемая новая «технонаука» и сопровождающая её широкая экспериментальная практика возродили старые технократические иллюзии возможности преобразования человека и социума.

телом, а индивид в системе социальных отношений, с имманентно присущим ему «социальным телом». Это означает, что познавательные процессы необходимо анализировать как коллективные, происходящие во взаимодействии с социальной средой, образованной взаимодействием «социальных атомов», как писал А. А. Зиновьев в своей логической социологии [Зиновьев 2002]. Особенно наглядно (в духе натурального эксперимента) это взаимодействие проявляется в учебно-образовательной аудитории как в специально сформированной социальной среде для передачи и освоения знаний.

Эти подходы были положены нами в основание долгосрочной программы фундаментальных исследований проблем интеграции научно-исследовательских и образовательных практик в связи с освоением новых информационных технологий. На сегодняшний день она осуществляется нашим Центром по следующим направлениям:

1. Проведение исследований характера связи социальных и когнитивных процессов на основе использования интернет-технологий в плановых исследованиях Института социологии РАН, Президиума РАН и грантах РФФИ, РГНФ и РНФ.

2. Методологическая оценка валидности данных на основе методов и техники дистанционных (онлайн) исследований по сравнению с традиционными методами сбора и анализа первичной информации.

3. Возможности и результаты интеграция научно-исследовательских и образовательных интернет-технологий в процессе подготовки специалистов высшей квалификации (в формате длящегося социального эксперимента).

Работа по первой подпрограмме показала, что реальные социальные образования (группы, коллективы, организации) представляют собой устойчивые когнитивные системы с внутренними связями и внешними метаболизмами, способные оценить как своё состояние и отношения с естественными объектами, социальными отношениями и культурными артефактами (язык, традиции, инновации), так и свои личностные качества (эмоции, установки, ценности), несмотря на то, что измерительные инструменты имеют виртуальное происхождение.

При помощи разработанной социоинформационной технологии нами были дистанционно исследованы: состояние и перспективы развития наукоградов, возможности и направления реформы РАН, конкурентоспособность отечественных ИТ-производителей, социально-организационные факторы управления учебно-воспитательным процессом в университете, потенциал инновационного развития донорских и дотационных регионов, начата диагностика проблемы радикального реформирования вертикали власти и управления в стране и в регионах, а также ряд других актуальных проблем соци-

етального масштаба, в частности осуществления в стране всё той же кластерной политики [Социология управления... 2010]. Дистанционно проведён также анализ работы 63 Учёных советов по защитах кандидатских и докторских диссертаций по социологии управления за последние 5 лет. К результатам этих исследований мы вернёмся ниже.

Общий вывод: социоинформационная технология дистанционного анализа значительно увеличивает диапазон возможностей научно-исследовательских организаций, повышает оперативность их исследований и одновременно делает доступным использование новых поисковых процедур непосредственно в образовательном процессе в режиме реального академического времени.

Вторая подпрограмма направлена на решение актуальной логико-гносеологической проблемы валидности результатов дистанционных исследований. Можно ли им доверять в той мере, в какой это относится к обычным репрезентативным полевым опросам? Для ответа нами проводятся методические эксперименты на одних и тех же объектах с параллельным применением различных методов сбора и анализа первичной информации. Наиболее масштабным стал инициативный мета-проект «Диагностика проблемы радикального реформирования работы органов власти и управления» (2011–14 гг.). Полученный массив данных в рамках мета-проекта – 3600 анкет, «разваливается» примерно на две равные части, где первая состоит из репрезентативного полевого опроса в шести регионах страны, а вторая – из интернет-опроса населения в тех же регионах. Полученные материалы положены в основу компаративного анализа данных уже в рамках исследовательского гранта РНФ № 15-18-30077 на 2015–17 гг. «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектировании». Но уже сейчас можно сказать, что онлайн-опросы надёжны и валидны в работе с целевыми социальными группами (экспертами) и частично валидны в массовых опросах типа мониторинга общественного мнения для отдельных групп как корректирующие или дополняющие массовые данные. Для начала эксперимента это не мало. В дальнейшем в онлайн-опросы мы научимся вводить поправочные коэффициенты на уровень интернетизации различных групп населения и включение в основание выборки критерия активно использующих интернет в реализации своих жизненных стратегий.

Третья подпрограмма касается непосредственно интеграции научно-исследовательского и образовательного процессов на основе информационных технологий. Как показал опыт, глубинное погружение слушателей в проведение исследований

с применением интерактивных методов (метод «электронного респондента», «интерактивный экспертный опрос» и др.) на начальном этапе чтения курса вызывает у них неподдельный интерес, позитивный резонанс и положительную мотивацию к восприятию последующих этапов программы, в том числе и теоретических основ дисциплины. Это связано в первую очередь с тем, что получаемые навыки и умения исследователя формируют латентные профессиональные ориентации будущих специалистов, на почве которых благоприятнее надстраиваются теоретические знания. Хорошим закреплением материала является схема «лекция–семинар», когда на первом занятии рассматривается Программа исследования, а на следующем проводится семинар – обсуждения с учётом того, что все участники получают заранее необходимые материалы и задания в интерактивном режиме. Далее наиболее заинтересованные студенты продолжают после окончания курса взаимодействие с Центром и на различных этапах включаются в проведение фундаментальных и прикладных исследований. Для поддержания и продолжения такого рода взаимодействия мы заранее «запускаем» устойчивые формы обратной связи ещё на этапе чтения курса, активно используя интерактивные средства связи (e-mail, skype) для передачи научно-методической информации и организации выполнения внеаудиторных заданий. В перспективе планируется проведение «смешанных семинаров», т. е. проведение занятия в классе, но с применением интерактивных форм связи для подключения отсутствующих «здесь и сейчас».

В рамках этой подпрограммы исследуется центральная проблема интеграции научно-исследовательских и образовательных методов: их совместное влияние на когнитивно-ценностно-ориентационную структуру личности обучающихся. Эта работа контролируется по экспериментальной процедуре «до–после» (до начала обучения и после).

Ниже мы более подробно остановимся на практике использования студентами дистанционного анализа непосредственно в предметной области социологии управления (на материалах исследования диссертаций по специальности 22.00.08).

Дистанционное исследование методологических подходов и результатов эмпирических исследований

В рамках исследования по гранту РФФИ в 2010–12 гг. на основе разработанного инструментария в Центре социологии управления и социальных технологий была создана информационная база данных авторефератов кандидатских и докторских диссертаций по социологии управления (специальность

22.00.08). В базе находится 476 авторефератов, защищённых за последние 5 лет (по состоянию на сентябрь 2012 г.). В ближайшем будущем планируется её запуск в режиме онлайн.

Работа строилась в контексте разработки новых методов анализа агрегированной онлайн-информации и новых подходов к контент-анализу символических репрезентаций [Ракитов, Бондяев 2009]. На стадии формирования методического инструментария и ИТ-основы для обследования в интерактивном режиме текстов авторефератов диссертационных работ была разработана схема сбора, анализа и хранения данных (см. рис. 1).

Рис. 1. ИТ-основа проекта исследования

Использовался специализированный инструментарий, представляющий собой комплекс когнитивно-информационных карт, в апробации и разработке которых принимали активное участие студенты, магистранты и аспиранты. Были проведены обучающие семинары, которые позволили им познакомиться с программой исследования, активно включиться в процесс сбора и агрегирования первичной информации. В частности, на этапе апробации и заполнения информационных карточек (И-карт) для анализа диссертационных исследований они осуществляли ввод собранной фактической информации в базу данных в аналитической программе «Да-система 5.0». Затем на научно-организационных семинарах обучаемые давали свои рекомендации для разработки аналитической карточки (А-карта), направленной на анализ элементов методологической организации процесса диссертационного исследования. Сбор данных проводился на принципах сплошной выборки

в сети интернет на сайтах вузов, научно-образовательных организаций и учреждений, где функционируют диссертационные советы и проводятся защиты диссертаций по специальности 22.00.08. Началом отбора материалов стал ноябрь 2006 г., поскольку с указанной даты официально вступило в силу требование ВАКа об обязательном размещении авторефератов соискателей на степень доктора и кандидата наук на сайтах вузов (при защите степени доктора наук – также и на сайтах ВАКа и Минобразования РФ).

Материалы анализа диссертаций были положены в теоретико-методологические основания программы исследования проблем модернизации отечественной системы управления. Результаты работы над темой нашли отражение в нескольких публикациях [Тихонов 2007b, 2009], в том числе и в материалах последней Всероссийской конференции на тему «Управление и общество: назревшие проблемы, исследования и разработки», где организатором выступал Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН. В докладе на пленарном заседании Школы молодых учёных нами использовались материалы данного исследования. В полном объёме они будут представлены в коллективной монографии в 2017 г. по гранту РНФ.

По последним данным, только за ближайшие пять лет было защищено около 1250 докторских диссертаций по социологии управления и экономике управления народным хозяйством. Анализ публикаций показывает, что с каждым годом растёт число работ по материалам эмпирических исследований. Необходимость обобщения всех этих данных напрашивается сама собой. На Западе, как известно, социология управления развивается как социология менеджмента, а эффективность управления рассматривается как применение научных методов на практике. Отсюда появляется целый перечень школ управления в учебниках по менеджменту, начиная с Ф. Тейлора. При этом управление выступает как целесообразная инструментальная деятельность в бизнес-структурах (П. Друкер). Для нас этот подход недостаточен. При всей важности эффективности управленческого воздействия первостепенным для России в настоящее время выступает институционализация отношений управления в новых политических и социально-экономических условиях. Это не просто решение проблем управления, а рассмотрение самой отечественной системы управления как проблемы. Поэтому в каждом конкретном эмпирическом исследовании инструментальная составляющая управления должна корреспондироваться с характером отношений управления, т. е. с уровнем их институционализации, что требует другого концептуального подхода к выделению проблемы, объекта и предмета исследования, чем социология менеджмента. В этом смысле наше выделение управления как проблемы и единицы наблюдения не имеет аналога и представляет собой социокультурную

Материалы анализа диссертаций были положены в теоретико-методологические основания программы исследования проблем модернизации отечественной системы управления.

Наше выделение управления как проблемы и единицы наблюдения не имеет аналога и представляет собой социокультурную российскую специфику.

российскую специфику. Важно подчеркнуть на этом примере, что интеграция научно-образовательной и научно-поисковой работы становится реальностью именно в результате использования социоинформационных технологий.

Достаточно напомнить, что в ряду теоретических предпосылок нашего проекта стоят работы таких отечественных методологов науки, как Э. Г. Юдин, В. С. Швырев, А. И. Ракитов, Г. И. Рузавин, В. С. Степин и др., а также разработанная В. А. Ядовым стратегия и методика эмпирического исследования. Инновационным в нашем исследовании является и разработанная С. В. Чесноковым методология детерминационного анализа. Предлагаемая новая трактовка методологической организации социологического исследования и оценка уровня методологической рефлексии в режиме мониторинга с использованием интернет-технологий, на наш взгляд, заметно ускоряет формирование отечественной социологии управления как исследовательской программы и научной дисциплины [Социология управления... 2015].

Результаты реализации данного проекта позволили распространить внутринаучный дискурс в отношении проблем методологии и методов социологических исследований на область проблем социологии управления, что способствует не только дальнейшей теоретизации этой дисциплины, но и ставит вопрос о модернизации института образования как проблемы социального управления.

Заключение

Организация традиционного образовательного процесса с применением научно-исследовательских практик, вкуче с разработкой и внедрением дистанционных методов сбора и анализа информации, с установлением форм устойчивой связи при помощи интернет-сервисов уже сегодня дают положительные результаты и имеют реальные перспективы развития в будущем. Как показал опыт проведения занятий с аудиторией молодых учёных из шести регионов страны, ШМУ является именно той площадкой, где такие эксперименты не только возможны, но и необходимы. Сегодня ШМУ поддерживает лонгитюд научно-исследовательского проекта РФ № 15-18-30077, благодаря чему стало возможным участие студенческой, магистерской и аспирантской аудитории из разных регионов (РФ и ближнего зарубежья) в продолжительных исследовательских практиках с применением специализированного программного обеспечения и информационных технологий. В частности, планируется и в дальнейшем в образовательном проекте РФ–ШМУ в режиме «здесь и сейчас» использовать новейшие методы и методики сбора и анализа диагностической информации, применяемые

Организация традиционного образовательного процесса с применением научно-исследовательских практик, вкуче с разработкой и внедрением дистанционных методов сбора и анализа информации, с установлением форм устойчивой связи при помощи интернет-сервисов уже сегодня дают положительные результаты и имеют реальные перспективы развития в будущем.

в лонгитюдном исследовании. В рамках образовательно-исследовательской программы ШМУ в 2015 г. с уникальными докладами по сетевым и дистанционным методам сбора и анализа данных выступили ведущие учёные из России и Беларуси: кандидат социологических наук из НИУ ВШЭ Г. В. Градосельская «Сетевой анализ как интегративный междисциплинарный подход: особенности методологии», кандидат социологических наук, начальник отдела социологических исследований АНО «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» Д. В. Просянюк «Методы сбора и анализа тематической классификации текста из открытых источников данных», кандидат философских наук, доцент БГУ А. Я. Сарна «Социоллингвистика интернет-коммуникаций», М. С. Терещенко из БГУ «Проблемы развития информационного общества», кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН В. С. Богданов «Дистанционное исследование проблем регионального развития и управления на основе онлайн-методов и методик сбора и анализа первичной информации». Мы планируем повторить и расширить опыт проведения ШМУ в 2016 г. с учётом интеграции инновационных методов научно-исследовательских практик как инструментов модернизации образовательных технологий и как организации исследовательской работы в отобранных регионах по проблематике гранта РФ.

Библиографический список

Веремей Е. И. 2011. Методологические аспекты формирования образовательного стандарта и программ по направлению «Информационные технологии в процессах управления». Современные информационные технологии и ИТ-образование // Сборник избранных трудов VI Международной научно-практической конференции: учебно-методическое пособие / Под ред. проф. В. А. Сухомлина. М.: ИНТУИТ.РУ. С. 101–110.

Вихрев В. В. 2011. О концептуальной модели информатизации системы образования (в порядке постановки задачи) // Сборник избранных трудов VI Международной научно-практической конференции: учебно-методическое пособие / Под ред. проф. В. А. Сухомлина М.: ИНТУИТ.РУ. С. 111–120.

Зиновьев А. А. 2001. Логическая социология. М.: Социум. 260 с

Ракитов А. И. 1991. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат. 287 с.

Ракитов А. И., Бондяев Д. А. и др. Руководство для профессиональных аналитиков. М.: Альменда, 2009. 448 с.

Тихонов А. В. 2007b. Социология управления. Издание 2-е, доп. и перераб. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 472 с.

Тихонов А. В. 2007а. Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутринаучной рефлексии в отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып.6. М.: ИС РАН. С. 55–81.

Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / А. В. Тихонов (отв. ред.) и др. М.: «Каннон+РООИ «Реабилитация», 2010. 607 с.

Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Красанд, 2015. 480 с.

Experience in Modernizing Educational Technologies Based on the Innovative Practices of Scientific Research Activities

Tikhonov Alexander Vassilievitch

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor; Head of Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Email: alvast@mail.ru

Merzliakov Andrey Alexandrovitch

Candidate of Sociological Sciences, senior research fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: merzliakov@mail.ru

Bogdanov Vladimir Sergeevitch

Candidate of Sociological Sciences, senior research fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: valarf@mail.ru

Abstract. The use of information technologies for educational purposes is not just a new technological process, as it is so often regarded in our day and age, but also a new social adaptation approach based on “relevant” knowledge (“here and know”) in action, which directly and indirectly effects all aspects of social interaction together with social life as a whole. Nobody can guarantee that a society orientated towards new technologies will provide more comfort for rising generations than one built upon opinions and faith. Rapidly progressing cognitive sciences are already developing projects to reshape human physicality and mentality, while promoting ideas of “post-humans” and transhumanism. The intensive adoption of information technologies is often considered by all categories of teachers as a new, higher and more effective level of controlling the process of learning. This very well might be the case, if only human life from both a psychological and a social standpoint was based solely on cognitive processes, and if educational facilities were the only trustworthy broadcasters of true knowledge about nature, society and humanity. In reality the educational process is submerged in a system of complex social interactions, among which interactions between those who teach and those who learn are not the dominant kind. Implementing information technologies does not give any advantages to either side: it just makes their interaction more complicated. The accessibility of various sources of information means that additional effort and motivation is required to carry out constant self-education, the goal of which would be for rising generations to have their own opinion on the credibility of certain knowledge, as well as on its practical applicability. In this respect experience in the field of integrating educational and scientific research processes can be of special interest. This article is dedicated specifically to experience in combining traditional didactic methods of professional education with practices of scientific research activities conducted by the Center for Sociology of Management and Social Technology, IS RAS. The results were presented to an audience at the Young Scientist School (YSS)¹ within

¹ Electronic access to the YSS’ web-community URL: <http://vk.com/smu2015>.

the framework of a project by the Russian Science Foundation¹. As an example a fragment was cited from an experiment dedicated to getting students of an academic institute of higher education (State Academic University of Humanitarian Science) involved in a scientific research process of collecting, analyzing and aggregating diagnostic information, all done online with the use of interactive services and specialized software. The significance of this assignment is outside the scope of merely fulfilling the standard curriculum. The results of accomplishing this task lead to expanding the intrascientific discourse concerning the problems of sociological study methodology and methods to the realm of problems associated with sociology of management: this not only promotes further theorizing of this branch, but also brings forth the matter of modernizing the institution of education while examining it as a problem associated with sociology of management.

Keywords: information society, cognitive science, NBIC-technology, scientific research and educational practices, outlines of integration, remote online research, information society technologies.

References

Rakitov A. I. *Filosofija komp'uternoy revoliucii* [Philosophy of IT revolution]. M.: Politizdat. 1991. 287 p.

Rakitov A. I., Bondiaev D. A. *Rukovodstvo dlja professional'nykh analitikov* [Guide for professional analysts]. Moscow, Al'menda, 2009. 448 p.

Sociologija upravlenija: strategii, procedury i rezul'taty issledovaniy [Sociology of Management: Strategies, Procedures, and Results of Researches]. Ed. by A. V. Tihonov. Moscow, Canon+, ROOI «Reabilitacija», 2010. 607 p.

Sociologija upravlenija: Teoretiko-prikladnoy tolkovy slovar' [Sociology of Management: Theoretical and Applied Dictionary]. Ed. by A. V. Tihonov. Moscow, Krasand, 2015. 480 p.

Tikhonov A. V. *Epistemologicheskyy status sociologicheskogo znanija i nekotorye problemy vnutrinauchnoy refleksii v otechestvennoy sociologii* [The Epistemological Status of Sociological Knowledge and Some Problems within the Scientific Reflection in Sociology]. *Rossija reformirujushchajasia. Ezhegodnik* /Ed. by M. K. Gorshkov. Vol. 6. Moscow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, 2007a. Pp. 55–81.

Tikhonov A. V. *Sociologija upravlenija* [Sociology of Management]. Second edition. Moscow, Canon+, ROOI «Reabilitacija», 2007b. 472 p.

Veremey E. I. *Metodologicheskie aspekty formirovaniya obrazovatel'nogo standarta i programm po napravleniju «Informacionnye tehnologii v processakh upravlenija»*. *Sovremennye informacionnye tehnologii i IT-obrazovanie* [Methodological Aspects of Formation of Educational Standards and Programs in the Direction of “Information Technologies in Management Processes. Modern Informative Technologies and IT Education]. *Sbornik izbrannykh trudov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii: uchebno-metodicheskoe posobie*. Ed. by V. A. Sukhomlin. Moscow, INTUIT.RU, 2011. Pp. 101–110.

Vihrev V. V. *O konceptual'noy modeli informatizacii sistemy obrazovaniya (v poriadke postanovki zadachi)* [On the Conceptual Model of Informatization of Education System (in Order to Formulate the Problem)]. *Sbornik izbrannykh trudov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii: uchebno-metodicheskoe posobie*. Ed. by V. A. Sukhomlin. Moscow, INTUIT.RU, 2011. Pp. 111–120.

Zinov'ev A. A. *Logicheskaja sociologija* [Logistics Sociology]. Moscow, Socium, 2001. 260 p.

¹ The article has been prepared with financial backing from the Russian Science Foundation, grant № 15-18-30077 «Civil examination of problems associated with reforming the government management vertical in the context of regional socio-cultural modernization: from condition monitoring to prediction projects».

Онлайн приложение

Красин Ю. А.

Главное – перестройка партии

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>